
В. КОРЧЕМНЫЙ
ЧЕЛОВѢКЪ
СЪ ГЕРАНІЕМЪ
1927
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЗРОЖДЕНІЕ. LA RENAISSANCE
2. Rue d. Sèze. Paris. 4

В. КОРЧЕМНЫЙ

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ГЕРАНІЕМЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ГЕРАНІЕМЪ

(Повѣсть)

1.

Къ концу лѣта 1918-го года, въ одномъ изъ Иринискихъ переулковъ, въ Москвѣ, появился престранный человѣкъ, одѣтый въ военную шинель офицерскаго покроя, безъ пуговицъ и безъ погонъ, въ старую соломенную шляпу типа «Панама», съ большими дырявыми полями, и въ шведскія свѣтло-желтыя перчатки, весьма тщательно и даже франтовато натянутыя на небольшія, изящныя руки. Въ правой рукѣ этотъ человѣкъ держалъ толстую, бѣлую палку изъ некрашенаго дерева. Съ неопредѣленнымъ бойкимъ рвеніемъ, съ игривой энергіей, онъ размахивалъ, вертѣлъ, фехтовалъ этой палкой въ воздухѣ, или лихо стукалъ ею на ходу, по плитамъ тротуара, по тумбамъ. А въ лѣвой рукѣ, старательно и торжественно прижатой къ бедру, онъ несъ гераній, — обыкновенный домашній гераній, въ глиняномъ горшочкѣ, обернутомъ грязнѣйшимъ лоскутомъ газетной бумаги. Къ одной изъ петлицъ его шинели была привязана ветхая красная тряпица, скомканная и порыжѣвшая. Точно такая-же тряпица болталась на верхушкѣ засохшаго геранія.

На лицѣ его, хотя и очень блѣдномъ, обезкровленномъ, съ провалившимися щеками, весело блуждала и то-и-дѣло плутовато играла загадочно-насто-

роженная улыбка; глаза горѣли, но и смѣялись довѣрчиво и съ лукавымъ вызовомъ. Казалось, онъ мысленно говорилъ, обращаясь къ кому-то невидимому: — «Посмотримъ, братъ, какъ это я тебя не настигну!» — Изъ подъ обвислыхъ полей шляпы, надѣтой на затылокъ, выбивались темные, густые волосы, слегка вьющіеся и съ сильной просѣдью; что-то ребячески-удалое было въ кругломъ, красивомъ лбѣ. А носъ его, короткій, ровный, съ широко раздутыми ноздрями, упоительно обнюхивалъ воздухъ, землю, а порою устремлялся и къ самому небу. И даже въ совершенно сѣдой бородкѣ, небольшой, по очень густой, было какое-то затаенное, шаловливое и дерзкое веселіе, былъ вольный порывъ.

Ростомъ онъ былъ очень великъ — и на ходу замѣтно сутулилъ спину. Но ежеминутно онъ какъ-бы напоминалъ себѣ, что униженно горбиться не слѣдуетъ. что жизнь хороша, — и тотчасъ же, точно сбросивъ съ себя бремя какихъ-то ненужныхъ, постылыхъ заботъ, освобожденно вздыхалъ, мощно расправлялъ плечи, и вскидывалъ голову вверхъ, какъ-будто даже съ гордымъ презрѣніемъ къ кому-то или къ чему-то, и упорно покусывалъ свою сѣдую, крѣпкую бородку... Внезапно и стремительно онъ пересѣкалъ переулокъ, останавливался возлѣ какого-нибудь дома, бѣгло и дѣловито оглядывалъ его со всѣхъ сторонъ, и затѣмъ рѣшительно стучалъ своей дубинкой въ запертыя ворота или двери. Когда онѣ раскрывались, онъ по-военному, коротко притрагивался правой рукой къ полямъ своей шляпы и глубоко надорваннымъ, но все-же пріятнымъ груднымъ голосомъ обрывисто спрашивалъ, напряженно сверкнувъ сѣрыми глазами:

— Нѣтъ ли у васъ свѣтлаго угла для одинокаго? Я — одинъ! Я — и моя герань!

И двери захлопывались передъ нимъ.

Онъ равнодушно пожималъ плечами, нижняя губа его вздрагивала брезгливо. Въ свѣтлыхъ глазахъ все глубже, все острѣе разгоралось пламя новаго ликованія. Рука, сжимавшая бѣлую палку, высоко приподымалась, онъ фехтовалъ размѣренно... — и вдругъ сокрушалъ невидимаго врага тяжелыми ударами.

А потомъ, опять — бодро, *браво* — шагалъ по тротуару, весело и ядовито озираясь по сторонамъ, опять съ внезапной рѣшимостью пересѣкалъ переулокъ и подходилъ къ другому дому. И снова властно стучался.

И однажды, передъ самымъ заходомъ солнца, онъ постучался къ Вѣрунѣ. Это было на четвертый или на пятый день послѣ его перваго появленія въ Ирининскомъ переулкѣ.

Она слыхала о немъ отъ сосѣдей, видѣла его изъ окна, когда онъ съ особымъ стараніемъ размахивалъ своей палкой, и подумала, что хорошо-бы приласкать несчастнаго. «Можетъ быть, — промелькнуло тогда въ ея мысляхъ, — надо сейчасъ-же отдать ему бабушкины коралловыя сережки, до сихъ поръ уцѣлѣвшія...» Въ эти дни, когда весенняя молодость Вѣруни, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, не только безропотно, невозмущенно, но и какъ-то легко, почти радостно протекала въ неослабной борьбѣ съ голодомъ, холодомъ, съ грязью, съ тяжестью непосильныхъ ношъ (ибо она таскала на себѣ пудовые мѣшки) и со всей этой всегдашней убылью, роковой гибелью и разрушеніемъ всего нужнаго, желаннаго, всего любимаго въ жизни, — въ эти жестокіе дни въ душѣ ея проснулась потребность въ милосердіи... На стукъ она открыла сама. И когда онъ, устремивъ на нее блуждающій, шалый огонь своихъ свѣтлыхъ глазъ, подозрительныхъ и хохочущихъ, произнесъ свое обычное:

— Нѣтъ ли у васъ свѣтлаго угла для одинока-

го? Я — одинъ! Я... — она сказала, не давъ ему договорить, раскраснѣвшись и торопливо:

— Войдите, пожалуйста! Да... Прошу васъ...

Онъ слегка помахалъ дубинкой и отвѣтилъ, понижая голосъ, но коротко и строго:

— Пройдите впередъ!

Она провела его на кухню... Онъ шелъ за ней, постукивая по полу дубинкой и вполголоса напѣвая, въ тактъ своимъ шагамъ, на военный ладъ:

«Трамсъ! Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!
Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!»

Огромная старинная кухня была единственной комнатой, оставленной латышами (они занимали весь домъ) въ распоряженіи Вѣруни, — кромѣ той каморки, въ сѣняхъ, въ которой она спала. А отецъ и мать, оба больные, безпомощные, безвыходно жили въ верхнемъ этажѣ дома, въ небольшой комнатѣ безслѣдно пропавшаго сына-студента, Николая... Николай пропалъ послѣ митинга «для интеллигенціи», устроеннаго мѣстнымъ районнымъ комитетомъ коммунистической партіи. Высокопоставленный ораторъ, пріѣхавшій изъ Кремля, тщедушный человѣкъ съ жиденькой черной бородкой, въ пенснэ, энергично отчеканивая слова и могуче потрясая въ воздухѣ хилымъ кулакомъ, говорилъ: — «Когда мы сдѣлаемъ наше пролетарское дѣло, когда мы внѣдримъ въ пролетаріатъ опредѣленное классовое самосознаніе, когда мы окончательно заложимъ соціальныя первоосновы пролетарскаго государства, — тогда мы позволимъ всѣмъ вамъ, студентамъ, учителямъ, профессорамъ, адвокатамъ, болтать и писать, сколько вамъ влѣзетъ и гдѣ и какъ хотите. А пока, мы говоримъ вамъ: — «Цыцъ!» — «Цыцъ!» — тотчасъ-же отозвалось въ залѣ. — Кто сказалъ? — строго спросилъ ораторъ, поправляя на носу пенснэ. — Я сказалъ! — крикнулъ Николай,

поднимая руку. По залу забѣгали латыши, съ винтовками. При выходѣ его схватили... Онъ исчезъ безслѣдно... Вѣруня перебралась въ чуланчикъ, за кухней.

II.

«Трамсъ! Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!»

«Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!» — бормоталъ этотъ человѣкъ, остановившись посреди кухни, медленно снимая шляпу и перчатки, но не выпуская изъ рукъ ни дубинки, ни геранія. А Вѣруня говорила ему, — какъ всегда, когда бывала смущена, — конфузливо и растерянно прикасаясь руками къ вискамъ, къ прическѣ:

— Садитесь, пожалуйста! Прошу васъ...

Онъ отрицательно покачивалъ головой и выслѣживалъ каждое движеніе Вѣруни не-моргающими глазами; а въ нихъ лихо метались искры: «Посмотримъ, какъ это вы теперь... посмотримъ!»

Она поставила на столъ кружку съ кипяткомъ, слегка окрашеннымъ щепоткой морковнаго чая, и двѣ лепешки изъ картофельныхъ отрубей (хлѣба не было).

— Ну, согрѣйтесь!

А на дворѣ не было холодно. Но она не знала, какъ сказать, стыдясь изъ-за лепешекъ.

Онъ бережно опустилъ на столъ свой гераній, прихлопнулъ рукой по горшку и сдѣлалъ ею такой жестъ, какъ будто-бы хотѣлъ сказать: «Вотъ тебѣ, дружище, и мѣсто!» А затѣмъ, положивъ дубинку на столъ, обвелъ глазами комнату...

— Вотъ здѣсь! — сказала Вѣруня, кивкомъ головы указывая на небольшой образокъ Богоматери, висѣвшій въ углу.

Онъ подошелъ къ углу, сдвинулъ каблуки по-военному, выпрямилъ плечи и — такъ-же, какъ шагалъ — *браво,* отчетливо, точно рапортуя по формѣ Высшему Начальству, произнесъ краткую молитву, начинающуюся словами: «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ...» Послѣ этого онъ перенесъ свой гераній въ уголъ, подъ образокъ. А потомъ, присѣвъ къ столу, сталъ медленно отхлебывать изъ кружки... Вѣруня невольно потупляла глаза подъ его взглядомъ...

— Сколько лѣтъ ?

Она сказала.

— Звать какъ?

Она отвѣтила.

— Родные гдѣ?

Она пояснила.

— Богу молишься?

— Да.

— А при царѣ что дѣлала?

— Училась въ гимназіи.

— А конфетки любишь?

— Очень люблю.

— Ну, а какъ ихъ не стало?!

— Я тогда подумала: «Господи, какъ-же это теперь безъ конфектъ-то будетъ?!» А потомъ привыкла.

— Цвѣты любишь?

— Люблю.

— Дай пить моей герани!

Она едва не сказала: — «Да вѣдь она засохла, умерла!» — но во-время раздумала.

Онъ слѣдилъ за ней взглядомъ ,въ которомъ медленно угасало безуміе, пока она поливала и поила мертвый цвѣтокъ. На глаза его набѣгали слезы. Она подошла къ нему, положила руку на его рукавъ и сказала:

— Не плачьте! Вамъ бы лишь подкормиться...

Но онъ отказался отъ второй кружки и съѣлъ одну лепешку. Отстранивъ руку Вѣруни, онъ снова подошелъ къ углу, подъ образокъ, и — такъ-же, какъ въ первый разъ — повышеннымъ голосомъ произнесъ другую краткую молитву, коей начало: «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ...»

Потомъ, плечи его поникли, голова опустилась къ груди. Онъ молчалъ, но продолжалъ стоять лицомъ къ образку, спиной къ Вѣрунѣ. Она ждала, съ опаской поглядывая на него. Показалось ей, что плечи его стали вздрагивать и что изъ устъ его вырываются бормотанія и всхлипыванія. Внезапно, онъ выпрямился во весь свой могучій ростъ, вскинулъ голову вверхъ и закричалъ изступленнымъ, ужаснымъ крикомъ, отъ котораго Вѣруня затряслася, какъ листъ:

— Мати Христа Бога! Владычица! Заступница наша! Слышишь ли Ты меня? Милосердная Приснодѣва! Благая! Взираешь-ли Ты на эту дѣвчонку, пожалѣвшую меня и мою герань?!...

И тутъ онъ сталъ громко молиться своими словами.

Молился онъ долго, мѣняя голосъ, а порою, даже, какъ будто разговаривая не только съ Богомъ, но и съ самимъ собой и съ разными знакомыми ему людьми, которыхъ онъ называлъ по именамъ. Онъ горько усмѣхался и причиталъ, онъ всхлипывалъ и безпомощно надрывался, а то — вопилъ и грозно взывалъ, а то, иногда (и тутъ голосъ его падалъ), онъ подымался до проникновенно-тихихъ призывовъ, до покорной мольбы и — еще выше — до молчаливаго вздоха.

Да, онъ странно молился! И, — можетъ быть, — лучше бы Вѣрунѣ и не слыхать его! Однако, въ тотъ вечеръ онъ заночевалъ на кухнѣ, и сталъ по-

томъ приходить почти ежедневно, и долгіе часы проводилъ передъ образкомъ Богоматери, бесѣдуя съ Богомъ, съ совѣстью, своей и людской, и со всей вселенной, видимой и невидимой. Такъ, постепенно, и вошли въ душу Вѣруни его недоумѣнныя, отравленныя и благоуханныя слова, пронзенныя бунтомъ и безудержнымъ чаяніемъ вѣры.

И еще нѣкто Никудимовъ, мало извѣстный писатель, среднихъ лѣтъ, — въ тѣ дни часто навѣщавшій Вѣруню, — сидя въ ея чуланчикѣ подлѣ сѣней, а то и въ самой кухнѣ, подолгу слушалъ эти молитвы и вопли... Долженъ-ли я за него признаться? Онъ слушалъ — и подчасъ записывалъ на бумагѣ. Не сомнѣваюсь, что при этомъ онъ переживалъ большую тревогу, — не совершаетъ-ли онъ преступленіе?! Не должно-ли писательское любопытство разоружиться хотя-бы передъ величайшимъ человѣческимъ горемъ?

Но если-бы Никудимовъ, задавшись такимъ вопросомъ, отвѣтилъ на него утвердительно, то ему нечего было-бы дѣлать въ этомъ мірѣ. Потому-то и потянуло его, въ 1918-мъ году, въ Москвѣ, къ молитвамъ и воплямъ человѣка, пришедшаго изъ мрака улицы.

III.

Онъ былъ безумный.

Звали его, вѣроятно — Дюковымъ, Андреемъ Трофимычемъ. Такъ онъ называлъ себя, говоря о самомъ себѣ, въ своихъ молитвахъ. Родомъ онъ былъ (или жилъ тамъ долго) изъ какого-то большого приволжскаго города. Онъ называлъ многіе города, и нельзя было понять, гдѣ для него мѣсто неотразимѣйшей боли и радости. Гдѣ-то — тамъ... по большому раздолью... Тверь... Симбирскъ... Самара...

Астрахань! Тамъ у него была жена и двѣ дѣвочки; одна — барышня въ возрастѣ, другая — маленькая, помоложе Вѣруни, любимая. Давно-ли это было?! Октябрьскія событія застали его въ чинѣ полковника, на фронтѣ. А незадолго передъ этими событіями, онъ уволилъ въ отпускъ своего деньщика — и земляка, къ тому-же — Никиту городского. Отпустилъ онъ Никиту, но, отпуская, строго на-строго приказалъ, — привезти на фронтъ домашній гераній, посаженный его младшей дѣвочкой и о которомъ она писала отцу въ письмѣ. Какая мысль?! Такъ оно, однако, было... Быть-можетъ, ему захотѣлось тогда... зажечь этимъ цвѣткомъ сѣрыя потемки революціоннаго фронта? Или хотя-бы освѣтить его милой лаской уголъ халупы, въ которой онъ жилъ — гдѣ-то среди Пинскихъ болотъ? Никита пропадалъ больше мѣсяца и возвратился въ самую тогдашнюю заворожку, октябрьскую. Гераній, однако, онъ привезъ, и даже, войдя въ халупу вполнѣ вѣжливо, выявляя полное чинопочитаніе и благодарность за отпускъ, вручилъ цвѣтокъ въ собственныя руки полковника. Поздравилъ полковникъ Никиту съ вѣрной и молодецкой службой и умолчалъ насчетъ опозданія изъ отпуска. Такъ оно, тогда, было... Но въ тотъ-же день, къ вечеру, Никита самовольно отлучился «съ ребятами» въ ближайшее *мѣстечко*, пропадалъ двое сутокъ, а на третьи—заявился, пьяный отъ самогона. А у полковника, надъ койкой, висѣлъ фотографическій снимокъ съ молодой его жены и съ него самого, — снимокъ, сдѣланный въ тѣ далекіе дни, когда онъ и жена совершали свое брачное путешествіе въ Италію. Снимокъ — премилый, взятый среди красотъ природы, на берегу моря! Стоитъ она, красавица его, молодая, ненаглядная, въ пышномъ платьѣ и съ раскрытымъ зонтикомъ на плечѣ, и рѣзвой ножкой къ волнамъ морскимъ прикасается; онъ же, самъ — во фланеле-

вомъ костюмѣ и съ сигарой въ рукѣ. Вся же фотографія изображаетъ счастливѣйшую минуту въ жизни полковника... Вваливается Никита въ халупу, присѣлъ на табуреточку, не спросясь, — закурилъ. А затѣмъ, взглянувши на эту фотографію, давно ему знакомую, заговорилъ такія слова:

— Давно я, *Андрей Трофимычъ,* собирался разспросить васъ, — какъ это вы подъ заграничными лазурями ходили? Тоже, небось, конверты съ бытіями въ нихъ денегъ изъ Россіи получали? А между прочимъ, трудовой народъ, безусловно, который пролетаріатъ, тѣмъ самымъ временемъ скрипѣлъ отъ боли ужасной.... А я, къ слову долженъ вамъ сказать, избранъ отъ товарищей предсѣдателемъ полкового комитета, который теперь дѣйствуетъ своимъ судомъ, потому-что изъ себя выдѣлилъ, по распоряженію совѣта народныхъ комиссаровъ. И хотя я отъ васъ ни злобы лютой, ни, долженъ сказать, вопче большихъ неудовольствій не получалъ, но барынька ваша къ моей личности зонтикомъ прикоснулась, это вамъ извѣстно. Съ позволенья сказать, тоже и дѣвчонка ваша, младшая, отъ которой эта герань... — прошу васъ, примѣчайте, Андрей Трофимычъ, какъ дѣйствуетъ моя злоба, потому-что я справедливъ... — о *ней* скажу я, изъ-за моего отпуска, что ей отъ меня не сдобровать, ежели я до ней обратно доберусь. «Какъ ты смѣешь!», да все еще «какъ ты смѣешь!», и опять-же «не смѣй!». Зачѣмъ это? Зачѣмъ моя боль была при старомъ режимѣ и теперь еще продолжается задаромъ? Которыя слова меня раздражаютъ, я могу до поры, до времени терпѣть! Но зачѣмъ я теперь задаромъ *въ дуракахъ* побывалъ у обѣихъ вашихъ барышень, а пуще всѣхъ, у младшей вашей дѣвчонки? Прошу васъ, *все* примѣчайте, — потому-что вы должны явиться по первому зову...

Такъ говорилъ Никита.

И вскорѣ надъ полковникомъ учинили судъ. Онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлу *на мѣстѣ*, — такъ сказано было въ приговорѣ. Среди многихъ прочихъ обвиненій, говорилось также о томъ, что *евоный деньщикъ, Никита, черезъ всю Расею на своихъ рукахъ таскалъ этотъ ненужный цвѣтокъ, для одного ради измывательства надъ трудовымъ народомъ*... Однако, его не убили. Никита, трезвый, въ послѣднюю минуту повалился въ ноги своимъ товарищамъ и, крупно вздрагивая всѣмъ тѣломъ, какъ отъ холода, невнятно бормоталъ о томъ, что надо-бы помиловать. И полковникъ былъ помилованъ. Но предварительно его жестоко избили. Жестоко и безпощадно. Били по головѣ и подъ сердце. Онъ потерялъ сознаніе....

Когда онъ очнулся, Никита, снова пьяный, страшный, совалъ ему въ руки тераній и кричалъ:

— Послушай! Я тебя помиловалъ! Вотъ же тебѣ, возьми! Слушай... возьми эту герань! Подавись ею, одначе съ ней не разлукайся! Слышишь ты меня, аль нѣтъ... До гробовой доски таскать тебѣ ее — не перетаскать по Россіи! И дѣвчонкѣ своей скажи, что я тебя помиловалъ изъ-за этой герани...

И вотъ тогда-то, придя въ себя и разобравшись въ происшедшемъ, Андрей Трофимычъ почувствовалъ, что все *прояснѣло* въ его сознаніи... Эти послѣдніе дни, когда надъ арміей висѣла ядовитая желтая мгла, когда воля и совѣсть отчаянно метались изъ стороны въ сторону, какъ птицы среди испареній болотныхъ затоновъ, эти безнадежные дни, безъ объяснимаго начала и съ затаеннымъ страшнымъ концомъ, вдругъ озарились свѣтомъ непреступимыхъ алмазныхъ граней, гдѣ правда его, правда Андрея Трофимыча, блистательно царила *надъ* міромъ, *надъ* солнцемъ, *надъ* людьми! Онъ понялъ, что жизнь незыблемо проста, — что эта хитрая, на взглядъ, механика, на самомъ дѣлѣ, управляется чи-

чтожной злобой, столь-же ничтожной и слѣпой, какъ смутная вражда червей и слюнявыхъ гадовъ, барахтающихся въ мелкой болотной дырѣ. Но какъ надъ болотомъ — звѣзда, такъ надъ звѣздой, надъ міромъ, надъ людьми, несказанный алмазъ — чудотворная герань его дѣвочки, укрощающая звѣроподобныхъ людей, положившая предѣлъ ихъ безумію, дабы жилъ Андрей Трофимычъ для одной божественной любви, въ поискахъ вѣчнаго Его милосердія.

Никита, потомъ, сказалъ ему:

— Вотъ, я надѣну на тебя красный бантъ, на тебя и на твою герань! И никто отнынѣ не посмѣетъ къ тебѣ и пальцемъ прикоснуться. Не то, ты мнѣ живо телеграмку по военнымъ обстоятельствамъ! Примѣчай: теперь *я* тебѣ заступникъ!

И совсѣмъ это не чудно, что тѣ самые люди, которые судили и били его, дали ему хлѣба, селедокъ и сала, и что при разставаніи онъ со многими цѣловался? А Никита, такъ тотъ просто отъ него оторваться не могъ. Уже и поѣздъ поданъ... и пышитъ духомъ набившихся въ него людей! Сопитъ и стонетъ локомотивъ. А надъ его трубой огневыя искры рвутся въ ночной мракъ, рвутся далеко! Звенятъ вездѣ винтовки, чайники. Мигаютъ вдали огни желѣзной дороги. И Богъ ее знаетъ, что ждетъ впереди... Садиться и ѣхать! А Никита все не унимается. И все цѣлуетъ и цѣлуетъ!

— Поговоримъ ищо! Машинистъ, безъ нашего разрѣшенія, ничего не можетъ! Ты теперь ни въ чемъ не безпокойся! И отъ самогона отказываешься напрасно. Сколько захочешь, столько я тебѣ дамъ. На вотъ, бери ее всю! А женѣ твоей отъ меня кланяйся обязательно! И обѣимъ барышнямъ — тоже! Потому-что я справедливъ. А на Рождествѣ я тамъ буду обязательно и хочу я тебя и всю твою семью видѣть въ живыхъ-здоровыхъ. Ни въ чемъ тебѣ

теперь нѣтъ никакого безпокойствія. Ѣзжай, безъ сомнѣванца!..

Ну, да же! Совсѣмъ не чудно было Андрею Трофимычу, на первыхъ порахъ, принимать дары вѣчнаго милосердія. Онъ затѣмъ и очнулся тогда, съ расшибленной головой, съ ослѣпленными, подъ опухшими вѣками, глазами, что, побывавъ въ безпамятствѣ у Бога, разгадалъ чудесную простоту всей этой жизненной механики, которая и бьетъ, и ласкаетъ, и пугаетъ, и хранитъ, и — вдругъ — низвергнетъ въ кровавую пропасть, — а тамъ алмазное сіяніе ангельскихъ крыльевъ, подхватывающихъ налету. Разорвана въ клочья твоя послѣдняя вѣра, человѣкъ, — но это только въ предѣлахъ видимой оболочки вселенной, осязаемой и учуянной и слѣпыми кротами! И потому-то онъ и принялъ съ восторгомъ, отъ Никиты, красные банты, для себя и для герани, и хлѣбъ, и поцѣлуи, что не могло все это быть иначе, по малому, скромному, вѣрному разумѣнію человѣка, побывавшаго у Бога. Такъ это оно, тогда, было... И Андрей Трофимычъ уѣхалъ съ фронта, обласканный.

IV.

Что-же произошло потомъ? Возвратился-ли онъ въ свой приволжскій городъ? Повидалъ-ли жену, дѣтей? Поцѣловалъ-ли свою дѣвочку, приславшую ему герань? Нѣтъ. Въ этомъ помѣшалъ ему *обыкновенный человѣческій врагъ*. Какъ же все это было?!

Онъ помнитъ очень смутно... Онъ помнитъ только, что съ той самой минуты, когда онъ, кое-какъ усѣвшись въ теплушкѣ, закусывалъ хлѣбомъ и саломъ, обливаясь слезами умиленія надъ внезапной добротой Никиты, и до того дня, когда онъ попалъ въ Москву, и потомъ очутился безъ

жилища, — онъ неустанно приближался къ вѣчному милосердію, и оно само подходило къ нему все ближе и ближе, а тутъ постоянно путался обыкновенный человѣческій врагъ и не давалъ произойти самому главному. Каковъ человѣческій врагъ, это онъ отлично знаетъ! Пришлось даже поднять на него палку! Нужна дубинка такая, чтобы не выдала ни въ какомъ случаѣ, ни-ни... А гдѣ такую достать за деньги! Такъ онъ самъ срѣзалъ ее, подлѣ родного города, въ рощѣ, когда однажды пришлось заночевать тамъ, укрываясь отъ врага.

Обыкновенному человѣческому врагу большой власти не дано, — ничего значительнаго онъ не можетъ! Правда, иной разъ можетъ приколотить, придушить, или даже убить человѣка. Но вѣдь такое и съ чортомъ бываетъ, если не знать настоящаго заклинанія! Нѣтъ, сердце, не опасайся большого подрыва отъ врага человѣковъ! Увидалъ ты его? Взмахнулъ на него палкой? Исчезъ онъ? Ну, сердце, — а теперь звени бойчѣе!... Главное занятіе его заключается въ томъ, чтобы, забравшись во всѣ щели и норы жизни, проникая даже въ квартиры, втираясь въ довѣріе добрыхъ людей, всячески пакостить, путать, мѣшать, вызывать всякіе нелады, ссоры, неустройства, вгонять въ горячку, одурманивать, — разлучать родныхъ, путниковъ сбивать съ дороги, отъ голодныхъ прятать хлѣбъ, въ церквахъ дуть на лампады. Бояться его не надо, потому-что душѣ твоей онъ повредить не можетъ; но непорядокъ отъ него можетъ произойти огромный!

Это *онъ* устроилъ такъ, что жена Андрея Трофимыча, чего-то испугавшись и не дождавшись мужа, бросилась въ такіе края Россіи, куда ему, Андрею Трофимычу, добраться невозможно, и увезла съ собой младшую дѣвочку, — быть можетъ, на погибель отъ голода и холода. Это *онъ*, разлучивъ сестеръ, навелъ туманъ и опаску на сердце старшей

дочери, такъ что, даже, она отцу родному написала: «Папа, ты лучше и не показывайся!» И сама сначала все пряталась по деревнямъ, а потомъ и вовсе запропала, тоже неизвѣстно куда. Это *онъ,* когда Андрей Трофимычъ колесилъ по Россіи туда и сюда, неузнаваемо заметалъ слѣды и жены, и дѣтей. Это *онъ* перехватываетъ письма. Ну, а когда Андрей Трофимычъ стоялъ «съ ручкой» у Курскаго вокзала, и была у него на груди дощечка съ надписью: «Подайте бывшему защитнику Родины!», съ перечисленіемъ многократныхъ пораненій и боевыхъ отличій, — развѣ это не *онъ,* явившись въ видѣ бритаго чернаго комиссара, въ черномъ кожаномъ костюмѣ, въ черныхъ очкахъ, пристально заглянулъ Андрею Трофимычу въ лицо и, вдругъ, кликнулъ стражниковъ и возмутилъ народъ горделивыми криками: «Позоръ!.. Позоръ!..» Гдѣ былъ позоръ, гдѣ?! Андрей Трофимычъ такимъ вопросомъ не задавался и *его* ни о чемъ не разспросилъ, потому-что Андрею Трофимычу было извѣстно, что обыкновенный человѣческій врагъ обладаетъ особой, замѣчательной силой, когда работаетъ среди темныхъ, дикихъ людей. И Андрей Трофимычъ снялъ съ груди своей эту позорную доску.

Въ томъ-то и была бѣда, что въ безпріютныя ночи, когда Андрей Трофимычъ, продрогшій и голодный, покорно скитался по московскимъ бульварамъ, онъ сталъ, однако, задаваться вопросомъ о томъ, кто къ нему ближе, — вѣчное ли милосердіе, до котораго, думалось ему, только рукой подать, или этотъ нахальный обыкновенный человѣческій врагъ, который всегда и вездѣ неотступенъ, смѣется надъ его безвольными слезами и... можетъ быть... въ какихъ-то другихъ мѣстахъ, ему, Андрею Трофимычу, невѣдомыхъ, исторгаетъ слезы изъ глазъ его младшей дѣвочки, далекой, любимой, когда-то приславшей ему чудотворную герань! И какъ уйти отъ *него?* Куда и

какъ отъ *него* спасешься? И не *его* ли это смрадное дыханіе неустанно вьется вослѣдъ за Андреемъ Трофимычемъ, отъ самыхъ Пинскихъ болотъ и по всей Россіи, и вотъ проникаетъ и въ сердце ея, благословенную Москву, и здѣсь томитъ, мутитъ и обжигаетъ душу послѣднимъ, неукротимымъ огнемъ!

V.

Приближалась осень.

Днемъ онъ стоялъ «съ ручкой» у Курскаго вокзала. А поздно къ вечеру, иногда послѣ захода солнца, отправлялся въ Ирининскій переулокъ, къ Вѣрунѣ на кухню. Къ этому часу она зажигала небольшой свѣтильникъ, смастеренный братомъ Николаемъ собственноручно, незадолго до его ареста и исчезновенія.

На окраинахъ все погружалось въ неподвижность запустѣнія, затаившагося страха и голода. Но отъ центра къ окраинамъ, по пути Андрея Трофимыча, еще носились грязные, взбѣшенные автомобили; въ нихъ засѣдали загадочные люди, съ презрительнымъ торжествомъ курившіе папиросы. Еще ревѣли и громыхали горластые грузовики, рвущіеся къ большому простору разрѣшенной стрѣльбы, разгула и крови. И Андрей Трофимычъ размышлялъ о томъ, что по-людски, конечно, слѣдовало-бы обзавестись собственнымъ угломъ и не быть въ обузу добрымъ людямъ, но что у вѣчнаго милосердія свои, никѣмъ не заказанные пути, — и кто знаетъ, не на штыкахъ ли красноармейцевъ горитъ оно, въ золотые и пыльные часы заката, когда этотъ большой грузовикъ, взметнувшись за угломъ у Красныхъ Воротъ, и точно поразмысливъ и понявъ что-то значительное (не самое ли главное, — ду-

малъ Андрей Трофимычъ), вдругъ мчится дальше, по тому-же пути, по которому, скромно уповая, шествуетъ онъ, Андрей Трофимычъ... А тамъ его ждетъ герань подъ святымъ образкомъ и всегда ласковая дѣвушка, хлопотливая возлѣ свѣтильника своего въ вѣчномъ блаженствѣ упокоеннаго брата! Ибо Андрею Трофимычу давно открылось, что Николай умеръ...

Николай, вообще, былъ большимъ мастеромъ на всякія изобрѣтенія, открытія и усовершенствованія. Въ прошломъ, будучи студентомъ юридическаго факультета, онъ учился не плохо. Но настоящую страсть онъ питалъ только къ нѣкоторымъ, имъ самимъ придуманнымъ, опытамъ надъ духами, одеколономъ, мылами и помадами. Онъ и комнату свою, —ту, въ которой теперь жили отецъ и мать, — превратилъ въ «лабораторію». Тамъ у него были всякія реторты, колбы, мензурки и пипетки. Онъ смѣшивалъ, взбалтывалъ, переливалъ изъ одной стклянки въ другую, добивался особой смѣси, выгонялъ особый экстрактъ; онъ хотѣлъ яичное мыло превратить въ земляничное — и наоборотъ. О самомъ себѣ онъ отзывался, какъ объ англичанинѣ. Барышнямъ, подругамъ Вѣруни, онъ такъ и говорилъ: — «У меня англійскій характеръ, англійскій складъ ума. Даже въ моей внѣшности, согласитесь, есть что-то англійское. Я — англичанинъ!» — Позже, при большевикахъ, въ знакъ неподдѣльнаго гордаго презрѣнія къ Россіи, онъ не на шутку задумалъ стать великобританскимъ подданнымъ и предпринялъ первые шаги по выходу изъ подданства совѣтскаго. И тутъ были долгіе дни, когда твердое славянское имя Николая одиноко, безпомощно, трагически тонуло на столбцахъ казенныхъ «Извѣстій», между взбаламученныхъ хлябей всякихъ иныхъ именъ, коихъ носители сбрасывали съ себя путы чиновничьей и красноармейской службы, въ большинствѣ случаевъ

только для того, чтобы съ тѣмъ большей свободой вращаться и вершить свои собственническія дѣла, среди коммунистической закабаленности всѣхъ тѣхъ, кто не видѣли живой связи между владычествомъ большевиковъ и Россіей — и никакихъ заявленій не подавали... А Николай, вотъ, подалъ... Онъ хотѣлъ въ Англію... — «Буду тамъ, говорилъ онъ, простымъ рабочимъ, но — че-ло-вѣ-комъ!» — Нужно-же ему было, послѣ такого, съ англійской твердостью принятаго рѣшенія, смѣшиваться съ толпой россійскихъ интеллигентовъ и среди нихъ-то выявлять самолюбіе, духовную опрятность, личную отвагу! За это его арестовали латыши.

Вѣруня торопливо заканчивала свою вечернюю работу при трепыхавшемъ свѣтѣ «коптильника», — такъ въ домѣ называлась лампочка Николая.

То былъ необыкновенно маленькій металлическій резервуаръ цилиндрической формы, съ кое-какъ подогнанной, по его діаметру, крышкой, слегка выпуклой, конусообразной. Желобчатое отверстіе, въ центрѣ этой крышки, пропускало вглубь резервуара фитиль, сдѣланный изъ туго скрученной ваты или даже изъ волоконъ простой бичевки. Весь резервуаръ вмѣщалъ не болѣе трехъ-четырехъ наперстковъ жидкости, — но фитиль, насыщенный, зажженный, каплю-за-каплей выцѣживалъ керосинъ изъ резервуара и горѣлъ бойкимъ четырехцвѣтнымъ огонькомъ: желтымъ, краснымъ и зеленовато-синимъ. Но какая странная, какая жуткая звуковая мощь была у этого жалкаго свѣтильника, зажженнаго среди мрака и печали кухни! Сначала, загораясь, онъ вспыхивалъ и сухо шипѣлъ и потрескивалъ. Потомъ, когда пламя усиливалось, онъ слабо пѣлъ, прерывисто гудѣлъ, пискливо и нудно, напоминая этими звуками зовущіе электрическіе сигналы телефонныхъ аппаратовъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, когда — ночью — онѣ перекликаются. Но

разгораясь еще сильнѣе, онъ оглашалъ воздухъ шумомъ, звономъ, еще болѣе необычайнымъ, все тяжелѣвшимъ мѣднымъ свистомъ, все возраставшимъ жужжаніемъ. Слушалось — и не вѣрилось! Разнотонный храпъ латышей изъ сосѣднихъ комнатъ (они спали во всѣ часы дня и ночи) только сгущалъ и насыщалъ молчаливой тревогой тишину, стоявшую въ домѣ и за окнами. А ничтожный свѣтильникъ звенѣлъ, гудѣлъ, стоналъ, какъ телеграфный проводъ, колеблемый вьюгой, и, наконецъ, еще сильнѣе, какъ пропеллеръ ночного аэроплана, — когда онъ пронесется низко надъ землей, таинственно-незримый на звѣздной пеленѣ неба... И въ сердце Вѣруни входило смятеніе. Она невольно отрывалась отъ работы и, сощуривъ глаза, боязливо остановившимся взглядомъ косилась на бурлившій и клокотавшій негодный жалкій «коптильникъ». «Что за чудище!» — недоумѣвала она. И вспоминала брата. «Если онъ не разстрѣлянъ, — проносилось въ ея мысляхъ, — то гдѣ онъ теперь: въ какой тюрьмѣ, въ какомъ концентраціонномъ лагерѣ, въ какомъ краю Россіи?...»

Появлялся Андрей Трофимычъ.

Теперь онъ приходилъ съ чернаго хода, черезъ большой садъ, прилегавшій къ тыловой стѣнѣ деревяннаго дома-особняка, бывшей собственности Вѣруниной матери. Войдя, остановившись въ дверяхъ, онъ быстро скользилъ напряженно-галопирующимъ взглядомъ по лицамъ людей, находившихся въ кухнѣ.

Кромѣ Никудимова, у Вѣруни иногда бывалъ Викентій Викентьевичъ Балунъ, ученый философъ, вѣрившій только въ трансцедентно-ирраціональный космосъ. Балунъ, — какъ и Никудимовъ, — не признавалъ совѣтской власти; и оба они поджидали ея паденія, подчасъ, послѣ-особо-тревожныхъ дней, ночуя по разнымъ квартирамъ, у знакомыхъ... Онъ

былъ, отчасти по рожденію, но болѣе всего по спеціальному философскому образованію, нѣмцемъ, тонко влюбленнымъ въ духовную пряность Россіи. Русская жизнь умственно развлекала его чрезвычайно. Даже отрицая, даже негодуя, даже рыдая надъ чѣмъ-нибудь, онъ оставался въ состояніи восторга. Впрочемъ, онъ недолгое время появлялся у Вѣруни. Къ поздней осени, когда солнце въ прощальныхъ судорогахъ замирало надъ землей, онъ зачастилъ въ комиссаріатъ товарища Луначарскаго, гдѣ какъ разъ къ этому времени выдавались усиленные свѣжіе обрывки трансцедентно-ирраціональнаго космоса, въ видѣ сала, колбасъ и гусей...

—Имѣю ли я право на отдыхъ? — спрашивала Вѣруня, устало присаживаясь къ столу, сгибаясь въ поясницѣ и кладя руки вдоль обоихъ колѣнъ. Съ этими словами она не обращалась ни къ кому опредѣленно, но взглядъ ея невольно останавливался на образкѣ Богоматери, подлѣ котораго, молодецки вытянувшись, стоялъ Андрей Трофимычъ.

Ей шелъ шестнадцатый годъ. Въ прошломъ, болѣе всего въ жизни, она любила катаніе на конькахъ, конфекты, пирожное и, вообще, всякія сладости. А теперь, каждый день, она работала въ *районномъ бюро по регистраціи продовольственныхъ карточекъ,* а вечеромъ, дома, чистила картошку, стряпала, стирала, мыла полы, посуду, подшивала, штопала, кормила отца и мать, ухаживала за ними. По воскресеніямъ, вставши передъ зарей, она ѣздила, а то и пѣшкомъ ходила, за Марьину рощу или за Сокольники, затѣмъ, чтобы самой нарыть и на себѣ принести въ городъ картошку. Извозчиковъ — нѣтъ! Трамваи — не ходятъ! А если иногда и попадется случайный вагонъ, то какъ пробраться въ него съ тяжелымъ мѣшкомъ? Вотъ горе-то!... Бѣдная, старая Мавра, привязанная къ семьѣ, умерла отъ тифа на дворѣ городской больницы. Больницы

теперь переполнены, больныхъ теперь оставляютъ на дворѣ. Вотъ горе-то!... А Николай — пропалъ!... И весь домъ, — все, что осталось, — живетъ и держится ею, только ея трудомъ...

И все-таки ей всегда казалось, что она работаетъ мало, что она недостаточно «оправдываетъ» себя. (Это слово она подслушала у Мавры, въ дни всеобщаго революціоннаго оподлѣнія). И ей бывало боязно ложиться спать, когда, послѣ долгаго трудового дня, она чувствовала себя утомленной, — какъ она объясняла, — *не* до переутомленія. Тогда она садилась къ столу, сгибаясь въ поясницѣ, и вытягивала руки вдоль обоихъ колѣнъ; голова ея, слегка и непроизвольно приподнятая, клонилась набокъ. Въ такой позѣ, все ея тѣло, — изящное, хрупкое, породистое тѣло дворянки, — застывало въ трогательной простонародной неуклюжести...

— Имѣю ли я право на отдыхъ?

— Имѣете, имѣете, Вѣра Дмитріевна... абсолютное право имѣете! — поспѣшно откликался Викентій Викентьевичъ, смутно и какъ-то виновато улыбаясь, и съ болѣзненной торопливостью мужчины, очень отъ природы полнаго, но и весьма отощавшаго, передавалъ ей съ другого конца стола, — съ тѣмъ, очевидно, чтобы она сама не утруждалась, — краюху чернаго хлѣба, обернутую въ чистую влажную тряпицу. Она принимала хлѣбъ изъ его рукъ, отрѣзала ломтикъ, передавала ему, и философъ закусывалъ, улыбаясь еще болѣе смутно.

Андрей Трофимычъ, обутый въ Маврины валенки, неслышно подходитъ къ столу и присаживается, крестясь. Затѣмъ онъ вытаскиваетъ изъ кармана шинели (которую онъ никогда не снималъ) корки чернаго хлѣба и нѣсколько двухъ и трехрублевыхъ керенскихъ бумажекъ, похожихъ на большія почтовыя марки. (А фунтъ хлѣба стоитъ шестнадцать рублей). А потомъ, снова крестясь, приступаетъ къ

морковному чаю. За чаемъ онъ говоритъ мало. Все больше молчитъ и отдувается, двигая бровями вверхъ и внизъ, точно ему воздуху не хватаетъ. Но когда скажетъ что-нибудь, то почти всегда разумно, логично и даже проникновенно. И крайне рѣдко бывало, что на какой-нибудь его вопросъ приходилось либо совсѣмъ не отвѣтить, либо, не подымая глазъ, только сказать: «да», или «нѣтъ».

Вѣруня думаетъ:

«Лишь бы Викентій Викентьевичъ не началъ «спорить» о философіи! А то она опять почувствуетъ себя дурой, такой дурой! Будетъ молчать, какъ убитая, какъ оплеванная! А если скажетъ что-нибудь, то выйдетъ еще хуже... *Гностики*,—это вродѣ маленькихъ черныхъ червячковъ для рыбной ловли. А *эмпиризмъ* — пожалуй, что-то вродѣ утреннихъ распашонокъ, халатикъ, матинэ... словомъ, что-то съ бѣльемъ. Напримѣръ: утромъ я была въ эмпиризмѣ!... Хорошо, что Никудимовъ нигдѣ не нашелъ спирту; это ему не идетъ, это отвратительно! Конечно, Ленинъ и Троцкій подлецы, — но развѣ нужно нарочно придумывать разныя некрасивыя слова! Если онъ себѣ позволяетъ *это* въ *ея* присутствіи, то, значитъ, онъ ее не уважаетъ! И главное, совсѣмъ неостроумно... и даже отвратительно! Нѣтъ, этого она ему никогда не проститъ... Никогда она не забудетъ, какъ однажды, когда она собиралась спать и только-что помолилась Богу, онъ ворвался, какой-то странно-сіяющій, нетрезвый, и едва поздоровавшись, задерживая ея руку въ своихъ рукахъ, закричалъ: — Вѣра Дмитріевна, если Зиновьеву воткнуть въ животъ булавку, — ну, понимаете, простую булавку, — то будетъ свистъ громкій и вонь великая! — А, затѣмъ — ха! ха! ха!... ха! ха! ха!... Очень это умно... и отвратительно, и совсѣмъ не нужно! Если бы онъ всегда былъ такой тихій и печальный, какъ сегодня... и если бы онъ не прези-

ралъ ее! Конечно, она сама отлично понимаетъ, что Балунъ — рѣдкій умъ, почти геній, и онъ, Никудимовъ, тоже замѣчательно талантливый. И все-таки, ей немного странно, и даже немного страшно, что оба они, такіе замѣчательно умные, и такъ давно, все время, не признаютъ совѣтской власти, а изъ этого ничего не выходитъ! И все остается по-старому... Можетъ-быть, это оттого, что она-то — дура, она-то!... Можетъ-быть, нужно почистить имъ сапоги, чтобы они не обижались?...»

А Никудимовъ — думая, старается не думать о Россіи:

«Къ чорту, къ чорту, къ чорту...» — такъ мыслитъ, такъ заклинаетъ онъ, Никудимовъ. «Не страна, а какая-то чепуха, дребедень... къ чорту!...»

Немного спирту онъ нашелъ и выпилъ; но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что это только вызвало въ глазахъ его печаль, которую Вѣруня принимаетъ за благородную. А внутри его, глубоко внутри, подъ нѣжностью къ Вѣрунѣ, подъ тоской о загубленной Россіи, мелкіе бѣсенята справляютъ веселенькій шабашъ. И ему пріятно не думать о Россіи! И ему пріятно, уносясь воспоминаніями въ довоенное прошлое, въ сладкомъ надрывѣ, думать о Франціи, о прекрасной Франціи, о недосягаемой Франціи:

«Тамъ все хорошо! Даже феерія въ театрѣ «Шатлэ» хороши! Сколько красивыхъ женщинъ! Всѣ во всемъ чистомъ! Во всемъ изящномъ!... Къ чорту, къ чорту, къ чорту...»

А Балунъ тяжко думаетъ о голодѣ. Онъ — то бормочетъ, то повышаетъ голосъ:

— *Это* — ужъ ни на что не похоже... и это страшно! Подрывается въ человѣкѣ самое главное, самое таинственное, и то, чѣмъ онъ возвышенъ надъ животнымъ. Подрывается способность мыслить, убивается мысль, божественная мысль, способная съ

легкостью оторваться отъ земли, далеко ввысь, и чудесно витать тамъ, въ сферахъ междупланетарныхъ и даже надпланетарныхъ. Человѣкъ, достигшій того, что можетъ по собственному усмотрѣнію, въ любой моментъ, распорядиться этой землей, какъ хочетъ, хотя бы повернуть ее вверхъ тормашками, а самого себя поставить въ любую точку вселенной, или даже *за, надъ* вселенной, и въ такомъ положеніи сохранять закономѣрную разумность всѣхъ своихъ помысловъ,--человѣкъ, достигшій этого, искуственно притягивается къ ничтожнѣйшей части своего существованія, къ куску земного хлѣба, изъ-за котораго онъ теряетъ умъ, теряетъ всѣ чувства, слѣпнетъ, глохнетъ, становится кротомъ земнымъ, хуже крота земного, становится паразитомъ, ползающимъ по землѣ, въ поискахъ дикаго, имъ невоздѣланнаго пастбища! Вошь, сидящая на моемъ тѣлѣ и сосущая меня, столь же значительна и разумна, какъ и я, выкрадывающій, чтобы не умереть съ голоду, хлѣбъ у моего сосѣда, также, быть-можетъ, голоднаго... И это происходитъ съ цѣлымъ народомъ... въ великой странѣ! Вдумайтесь именно въ этотъ фактъ — съ цѣлымъ народомъ, въ великой странѣ! Вдумайтесь именно въ это, иначе отъ васъ ускользнетъ нить моихъ мыслей... Но теперь спросимъ себя, смекнемъ здравымъ умомъ, рѣшимъ! Какова-же обязанность, каковъ-же долгъ личности —въ такой моментъ? Спасти свою мысль, спасти ее — во что бы то ни стало! Понимаете-ли вы меня, Никудимовъ?

— Я васъ давно понимаю, дорогой Викентій Викентьевичъ, — но, право, я рѣшительно не вижу способа, какъ это сдѣлать?

Балунъ рѣзко поворачивается къ собесѣднику всѣмъ корпусомъ. Пенснэ его упало. Вздрагивающими руками, выхвативъ изъ кармана загрязненный до черноты платокъ, онъ быстро протираетъ

имъ и пенснэ и близорукіе водянисто-голубые глаза...

— Заразиться стихіей, — кричитъ онъ, тщетно пытаясь, въ великомъ волненіи, приноровить пенснэ обратно на носъ, — заразиться революціей! Признать ея космическій размахъ! Принять ее, войти въ нее, если надо — со своимъ собственнымъ багажомъ! Но спасти, но отстоять свою мысль, отстоять свое человѣческое (а не скотское) участіе въ космическихъ судьбахъ человѣчества, вселенной, *всего,* — чувствуете-ли вы, — *всего?!*

Вѣруня вздрагиваетъ, съ трудомъ размыкая усталые глаза, и думаетъ:

«Хорошо, что онъ не «споритъ» о философіи! А это, пожалуй, и я понимаю. Хотя есть непонятныя слова... Космосъ... барбосъ.... косматый.... кудлатый... кудлатая барбоска!...»

И она засыпаетъ.

А Никудимовъ, въ которомъ шабашъ, связанный съ мечтаніями о прекрасной Франціи, не затихаетъ, — думаетъ:

«Что есть скотское, — и что человѣческое, о, Балунъ!..»

Тогда Андрей Трофимычъ тяжело приподымается со стула, подходитъ къ окну и вонзаетъ свои тревожные, все-поглощающіе глаза въ послѣднюю полосу послѣ-закатнаго зарева. Значитъ... — тамъ, надъ оголеннымъ садомъ, гдѣ треплются и дымятся какія-то небесныя отрепья, еще горятъ костры, еще тянутся черныя дороги прифронтовыхъ далей, еще сверкаютъ славныя бойницы! Чудо!... Чудо!... Время течетъ обратно! Крѣпчаютъ руки Андрея Трофимыча, гордо и грозно прямится его спина, а глаза его, съ побѣдной торжественной силой — тамъ, за кручьями косогоровъ, за вражьими окопами — ищутъ привычную злодѣйскую рать... Боже, и какое-же въ немъ ликованіе! Потому-что онъ ощуща-

етъ Россію, какъ пѣсню, которая доносится издалека, звучитъ все ближе, все громче, все роднѣе — и, вдругъ — съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ на груди, кивая ему головой, надъ нимъ стремительно проносится Вѣчное Милосердіе... Но почему-же сыплютъ весенними цвѣтами, пречистымъ цвѣтомъ, бѣлымъ ландышемъ и маргариткой Его глаза?

— Здравствуй, пурпуръ! — такъ пролепеталъ въ тотъ вечеръ Андрей Трофимычъ, узнавая въ Немъ желанный, недосягаемый обликъ своей дѣвочки.

VI.

И медленно подходитъ онъ къ углу, и становится подъ образокъ. Кухня колеблется и вздрагиваетъ въ трепыханіи свѣтильника.

Вѣруня собирается въ свой чуланчикъ. Балунъ, болѣзненно морщась, шепчетъ о чемъ-то Вѣрѣ Дмитріевнѣ, безнадежно машетъ рукой, прощается и уходитъ. А Никудимовъ забирается въ самый темный уголъ и укладывается кое-какъ на полу, укрывшись, съ головой, шинелью...

Никудимовъ не спитъ. Онъ слушаетъ рвущіеся, молотобойные удары своего сердца. Онъ знаетъ, что когда Андрей Трофимычъ громко заговоритъ, то въ дверяхъ, ведущихъ во внутреннія комнаты, появятся латыши, появятся нѣкоторые ихъ русскіе друзья, а съ ними какія-то женщины. И онъ знаетъ, что ему не заснуть, что безсонница, овладѣвшая имъ съ первыхъ дней революціи, будетъ немилосердна, что его сердце, продолжая рваться наружу, окаменѣетъ; не тяжкая-ли это лапа Россіи, вцѣпившись, душитъ его?... Изъ чуланчика пріятно потянуло струйкой свѣжести, валеріановымъ эфиромъ. Бѣдная Вѣруня! То-то Балунъ оглушилъ ее!

Хорошо, что у нея уцѣлѣли капли... отъ стараго режима! А то поди-ка, сыщи теперь капли... Кажется, въ какомъ-то романѣ, нето у Тургенева, нето у Чехова, есть такое воздыханіе: «Какъ, однако, незамѣтно подкрались годы и болѣзнь!» Или что-то въ этомъ родѣ. То-то и оно-то!... Сна, конечно, не будетъ, — но если вѣки нечаянно сомкнутся, то сердце, мгновенно рванувшись въ груди съ максимальной силой (такая у него привычка, у сердца), провалится затѣмъ въ пропасть, въ пустоту, замретъ... дыханіе остановится, и въ эту секунду онъ, Никудимовъ, смекнетъ: это смерть! Но это будетъ не смерть, а только краткій антрактъ, нѣкое молніеносное и головокружительное путешествіе въ нирвану, мимолетное прикосновеніе къ небытію. А потомъ... потомъ придутъ латыши, нѣкоторые русскіе и какія-то женщины. Впрочемъ, очень возможно, что онъ никогда не заснетъ, что онъ состарится — быстро — и умретъ — скоро — не засыпая! А все-таки, Богъ мой, если-бы... все-таки... заснуть, забыться! Да, если-бы, надувъ сердце, мгновенно закрыть глаза и просто, крѣпко заснуть! Кто знаетъ, какія великолѣпныя мысли могли бы зародиться въ этой головѣ, съ завтрашней зарей!...

Никудимовъ лежалъ подъ шинелью, обливаясь холоднымъ потомъ, и на глаза его навертывались слезы безсилія и злобы.

«Нельзя-же, — думалъ онъ, — только для того, чтобы оглушить себя и заснуть, ежедневно глотать этотъ тошнотворный самогонъ! Да и гдѣ доставать его? Торгуютъ имъ только коммунисты — и по недоступнымъ цѣнамъ! Да и вообще, онъ ненавидитъ алкоголь — и пьетъ съ отвращеніемъ...»

Голова его тихонько кружилась. Онъ, какъ въ ознобѣ, потягивался всѣмъ тѣломъ, и казалось ему, будто онъ тяжело влачится по топкому мѣсиву какихъ-то русскихъ улицъ (о, такихъ русскихъ!) и

вдыхаетъ въ себя трупный запахъ... смертный тлѣнъ... испаренія грязи, человѣческихъ тѣлъ, перегноя павшихъ животныхъ — и клубы валеріану...

Онъ освободилъ голову изъ-подъ шинели, приподнялся на локтяхъ. Потомъ, прижимаясь спиной и затылкомъ къ стѣнѣ, присѣлъ на полу. Онъ оглядывается, соображаетъ:

«Андрей Трофимычъ продолжаетъ неподвижно и молчаливо стоять подъ образкомъ... Быть-можетъ, на сегодня *этого* не будетъ? Не раздумаетъ-ли онъ? Не присядетъ-ли на Мавринъ сундукъ (уступленный ему самимъ Балуномъ, — а ужъ какъ морщился!), не скинетъ-ли валенки и не завалится-ли честь-честью на боковую? Такъ бы оно и лучше, и спокойнѣе... Но вѣдь Вѣра Дмитріевна, уходя, кивнула на Андрея Трофимыча и на свѣтильникъ и, строго сдвинувъ брови, шепнула: — Не гасите, онъ самъ догоритъ! — Можетъ-быть, и догоритъ, а пока вотъ — звенитъ, плачетъ, надрывается... и сотрясаетъ кухню огневымъ трепетомъ и тѣнями!... И въ самомъ дѣлѣ, что съ Николаемъ? Гдѣ онъ? Убили его?! И о чемъ онъ, какъ это говорится, думалъ въ послѣднюю минуту?! Убили! Уничтожили!! Отняли жизнь!! Что это? Небо, вообще, похоже на огромный ламповый колпакъ, опрокинутый на землю. Что оно? И что тамъ, за нимъ? Богъ? Ничто? И почему все это такъ сложно?! Вѣдь все великое — просто, и солнце свѣтитъ безъ всякихъ финтифлюшекъ! Гдѣ же теперь Николай, если его убили, — гдѣ онъ?! Есть ли дѣйствительно такія мѣста, гдѣ происходитъ милосердное преображеніе нашей жизни во что-то нужное, великое? Если нѣтъ, то почему, во имя чего, я недоволенъ этой зычной уличной глоткой, всегда полной стадныхъ криковъ: «долой!» и «да здравствуетъ!»? Пусть ихъ кричатъ! Пусть грабятъ! Пусть убиваютъ! Пусть убили Николая!!... А Андрей Трофимычъ

все стоитъ неподвижно и молчаливо... и я не могу подуть на этотъ свѣтильникъ! Что въ головѣ у Андрея Трофимыча? Въ этой красивой, круглой головѣ, напоминающей окраску зебры! Густыя, темныя, почти черныя пряди чередуются съ совершенно бѣлыми! Онъ, значитъ, посѣдѣлъ преждевременно! Есть ли ему пятьдесятъ? Посѣдѣлъ, вѣроятно, внезапно, сразу — тогда.... съ Никитой! А бородка у него какая-то не настоящая, а подклеенная... какъ у дѣтей въ домашнемъ спектаклѣ. Вѣроятно, подбородокъ круглый, дѣтскій. И во лбу есть что-то ребячье. Душою чистъ! Но въ глазахъ — свѣтлая бездна, и тамъ бродятъ какія-то ядовитыя орхидеи... отраженія Пинскихъ болотъ, Никиты!.. А плечи какія! Худъ, какъ палка, а плечи все еще богатырски широки! Такая былая тѣлесная мощь, и такая теперь согбенность духа! Вѣроятно... тогда... за эти плечи они его прежде всего и схватили... Застылъ!... Молится онъ? Нѣтъ... такъ, вѣроятно... плачетъ — безъ словъ, молчаливо... Ну, хоть бы онъ заголосилъ скорѣе! Тогда въ сердце вонзится особая, сладкая печаль, въ груди взыграютъ младенческія струны, и всякія... любыя слезы — превратятся въ волшебную влагу умиротворенія... Нѣтъ?! Молчитъ?! И почему это Вѣруня наказала насчетъ свѣтильника? Когда-то онъ догоритъ!...»

И Никудимовъ снова лѣзетъ подъ шинель...

«Однако, все-таки, насчетъ этой смерти отъ безсонницы.... Никогда не засну, состарюсь — быстро — и умру — скоро — не засыпая! Можетъ быть, такъ оно и лучше: быстро — скоро — не засыпая... нѣчто вродѣ рекламы по усовершенствованной отправкѣ на тотъ свѣтъ! Чѣмъ плохо? Нужно ли этого опасаться? Кому онъ нуженъ, одинокій, чуждый революціи, и оторванный отъ литературныхъ плановъ, — съ такимъ долголѣтнимъ терпѣніемъ, съ такимъ великимъ и гордымъ терпѣніемъ, выношен-

ныхъ подъ сердцемъ! И все пошло на смарку, перекочевало къ чорту на рога.... Два - три года тому назадъ Андрей Трофимычъ былъ гордымъ полковникомъ или подполковникомъ. Тогда я понялъ бы каждое его слово, каждую искру въ глазахъ, каждое движеніе руки! Только для этого и жилъ, терпѣлъ, глядѣлъ... воздерживался отъ бумагомаранія! А теперь Андрей Трофимычъ — вотъ что! Какъ теперь писать о немъ?! Есть у Шопенгауэра такая мысль, — что объектомъ искусства можетъ быть все велико-прекрасное и все грандіозно-ужасное, но что миловидно-прелестное и отвратительное для искусства не годятся. А въ Россіи все теперь отвратительно... или безумно, какъ Андрей Трофимычъ. Россія надула меня, вотъ оно что! Чортова страна, ускользающая отъ искусства и по-хулигански хватающая за сердце! А по мордѣ хошь?! Пусть въ тебѣ возникла мысль... образъ... упованіе... вѣра! Кричи о ней, вопи на всю Россію, — никто не услышитъ! Нѣтъ отзвука, нѣтъ отклика, умерло человѣческое эхо! Ну, такъ рвись же, сердце, стучи во-всю, лопни!... Ну, а *грандіозно-ужасное*... Не Зиновьевъ ли съ Дыбенкой и съ товарищемъ Радэкомъ? Или, можетъ быть, этотъ смердящій тупица — Ленинъ, «Ильичъ»? Значитъ, безъ капли воображенія, безъ единой собственной мысли?!.. Русская революція!!.. Космическій размахъ!!.. А не повѣсть о томъ, какъ чуть-было не поссорились между собой Мартовъ съ Абрамовичемъ... и что, въ связи съ этимъ, произошло въ чортовой странѣ, называемой Россіей? *Принять* революцію! Но вѣдь она то давно *меня приняла*, — и вотъ, уложила на этотъ кухонный полъ, съ больнымъ сердцемъ, безъ надежды на сонъ, на забвеніе, и по сосѣдству съ латышами и Андреемъ Трофимычемъ...

«И на что онъ надѣялся? Чего ждалъ?! Почему съ самаго начала, когда, быть-можетъ, была еще

возможность, не бѣжалъ въ эту милую Францію, въ эту изящную, какъ волшебная феерія, Францію? Почему дѣло всей своей жизни онъ откладывалъ на «послѣ-революціи», на «потомъ»? «Потомъ» и вообще-то въ жизни не уловишь, а въ Россіи, кажется, его и совсѣмъ не бываетъ. Audition de musique въ парижскихъ садахъ происходитъ въ теченіе ровно одного часа, — а на московскихъ бульварахъ *музыка играетъ* пять-шесть часовъ сряду. Тамъ, по часамъ, отъ четырехъ до пяти. А здѣсь — никому не дано знать ни начала, ни конца! Двадцать музыкальныхъ номеровъ, объявленныхъ въ программѣ, съ тремя антрактами, и на «бисъ» отказа не будетъ! Лупи сколько влѣзетъ, до полнаго изнеможенія музыкантовъ и гуляющей публики... И почему они *гуляютъ*, — когда въ парижскихъ садахъ публика сидитъ (или стоитъ на мѣстѣ) и слушаетъ? Да, чортова, чортова страна!.. Подижъ ты, — гуляютъ! Ахъ, черти... И потомъ они еще придумали муки и состраданіе!... «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданіе къ нимъ!» А у Шекспира сказано буквально: «Она меня полюбила за отважныя авантюры, а я ее — за дѣтское удивленіе передъ ними!» Авантюры... грабежъ... насиліе... кровь... и трогательный дѣвчонкинъ восторгъ по сему поводу. А тутъ — муки и состраданіе! Что общаго?... Чтобы купечество рыдало?!... Ахъ, черти... черти...

— Вотъ горе-то! — невольно вслухъ, со вздохомъ, вырвалось у Никудимова. При этомъ онъ, улыбаясь, подумалъ объ Андреѣ Трофимычѣ и о Вѣрунѣ: по странному совпаденію, это было ея излюбленное восклицаніе еще до встрѣчи съ Андреемъ Трофимычемъ. А больной полковникъ повторялъ эти слова всякій разъ, когда тяжелымъ вздохомъ хотѣлъ облегчить свою душу; это бывало съ нимъ часто....

— «Вотъ горе-то!» — какъ *человѣческое эхо,* донеслось до Никудимова. Онъ испуганно вздрогнулъ и сбросилъ съ себя шинель. Андрей Трофимычъ стоялъ, оборотившись къ нему лицомъ, и улыбался своимъ напряженно-сверкающимъ, шалымъ взглядомъ. По лицу его текли струйки пота. Онъ говорилъ:

— А завтра, друже, праздникъ! Великій праздникъ разоблаченія обыкновеннаго врага человѣковъ! Стоитъ онъ теперь между Блаженнымъ Василіемъ и Святыми Воротами, самъ тощій, а брюхомъ поперекъ себя толще. И признается онъ святымъ угодникамъ, что въ пузѣ его — великое зло для Россіи!

И снова обращаясь къ образку, Андрей Трофимычъ вскричалъ:

— «Слава святѣй, и единосущней, и животворящей,и нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!».

А затѣмъ, онъ сталъ молиться, то погружаясь въ молчаніе, то вслухъ высказываясь словами церковнаго богослуженія.

Никудимовъ не былъ силенъ въ молитвахъ, а въ церковныхъ службахъ онъ едва разбирался. Но казалось ему, что то были обрывки благоговѣйныхъ словъ изъ праздничнаго богослуженія, изъ всенощнаго бдѣнія. Казалось ему также, что Андрей Трофимычъ возглашалъ и за священника, и за клиръ...

Латыши, жившіе въ домѣ, были сыты, досужи и добры. Они состояли членами или охотниками (такъ, кажется, они назывались) какой-то вольной пожарной дружины. Дѣлать имъ было нечего. Днемъ-ли, ночью-ли, или круглыя сутки, они спали, ѣли, пили, играли въ шашки, бренчали на мандолинѣ, смѣялись, танцовали; къ нимъ приходили нѣкоторые русскіе друзья и женщины. Особаго зла они никому не причиняли. Правда, однажды, — это случи-

лось вскорѣ послѣ ареста Николая, въ тѣ дни, когда отецъ и мать еще спускались внизъ, выходили на улицу, — они, латыши, какъ-то заперли больного отца въ домашній теплый ватеръ-клозетъ. Они сдѣлали это въ отместку за то, что Вѣруня предложила имъ ходить по надобности въ маленькій домикъ деревенскаго облика, пріютившійся въ отдаленномъ углу сада. А въ тотъ день («какъ на зло», разсказывая, говорила Вѣруня) ни ея, ни матери ея, не было дома въ теченіе четырехъ или пяти часовъ. И все это время больной отецъ просидѣлъ въ ватеръ-клозетѣ. «Что-жъ дѣлать! Вотъ горе-то!»... А затѣмъ, когда отца освободили, они, латыши, забили досками теплый ватеръ-клозетъ, а на одну изъ досокъ налѣпили бѣлую бумажку, на которой красивымъ готическимъ почеркомъ, со множествомъ выкрутасовъ, было написано: «Чтобы никто не ср... по-буржуазному!» Но кромѣ этого нахальнаго обращенія и этой грубой записки, именно въ этомъ случаѣ съ ватеръ-клозетомъ, никакого особаго зла отъ нихъ терпѣть не приходилось. И вся эта исторія только осложнила, позже, заботы Вѣруни по присмотру и уходу за родителями.

Когда по вечерамъ, заслышавъ голосъ Андрея Трофимыча, они раскрывали двери, въ кухню врывались мутный свѣтъ, тяжелый храпъ спавшихъ на койкахъ и ѣдкій сплошной духъ, шедшій отъ перекисшихъ въ воздухѣ клубовъ махорки, отъ нечистыхъ русскихъ портянокъ и отъ всей этой кучи человѣческихъ тѣлъ, молодыхъ, здоровыхъ и разнузданныхъ. Они раскрывали двери, они появлялись для того, чтобы посмотрѣть и похихикать. Черезъ порогъ они не переходили. Но стояли въ дымномъ, желтомъ облакѣ чада и угара, прикасаясь къ трепыхавшимъ, какъ у раненой птицы, крыльямъ кухонныхъ сумерекъ.

И были съ ними женщины и нѣкоторые русскіе.

Женщины хихикали громче и глупѣе всѣхъ. Въ ихъ смѣхѣ было то, чего не было у мужчинъ: былъ вызовъ! Но Никудимовъ вглядывался въ лица русскихъ, и ему казалось, что они-то хихикаютъ — нехотя и какъ-бы конфузясь. Это ему такъ казалось... Но онъ не былъ въ этомъ увѣренъ.

VII.

Однако, Андрей Трофимычъ, кажется, замолкъ окончательно! Не исчерпалъ-ли онъ въ этомъ послѣднемъ паденіи ницъ, въ этомъ долгомъ-долгомъ земномъ поклонѣ, свое высшее, предѣльное упованіе? Нѣтъ! Вотъ онъ снова стоитъ подъ образкомъ, приглаживаетъ волосы, дрожитъ, и по всѣмъ движеніямъ его плечъ и рукъ, — по этимъ несчастнымъ, трясущимся движеніямъ, о которыхъ нельзя говорить, о которыхъ лучше забыть, — видно, что онъ готовится къ чему-то особому, къ чему-то *своему*. И тогда начинается то, отъ чего отравленно и сладко сжимается горло Никудимова, и острый обжигающій холодъ бѣжитъ по его спинѣ. Андрей Трофимычъ молится и взываетъ своими словами:

— Происходитъ теперь, Святая, уплотненіе квартиръ. Въ комнату, въ мою-то, вселили четверыхъ пролетаріевъ несказанныхъ... Облика на нихъ человѣческаго нѣту, звѣри они, — какъ же мнѣ о нихъ Тебѣ-то докладывать? Такъ для Тебя я ихъ *несказанными* зову, по совѣсти... Меня, конечно, какъ бывшаго офицера, какъ буржуя, конечно, — выгнали въ переднюю. Хозяйка-то моя, Аглая Осиповна, изъ нѣмецкихъ дворянокъ, ничего имъ не сказала, потому-что убоялась. И мнѣ не велѣла. Ахъ, говоритъ, Андрей Трофимычъ, ужъ вы молчите-молчите, ахъ, ужъ и молчите! Пришлось мнѣ по-

ложиться въ самую переднюю, на полу, гдѣ галоши и валенки, подъ пролетарскими плащами; а они — мокрые, да-а-а.. Однако, я расположился не ропща, въ смиреніи настоящемъ и на Тебя уповая, Матушка, Заступница наша. И все бы пошло хорошо, Царица небесная, потому что скважины и отдушины всякія я, какъ могъ, законопатилъ разными тряпицами, а къ ихнимъ плащамъ спиной оборотился По скромности моей всегдашней и охочей, — хотя не похвалясь, но скажу передъ Тобою для правды, — и постоянно прибѣгая къ милосердію Сына Твоего, Господа нашего, всегда довольствуюсь всякой малостью и радуюсь отъ души. Однако, вышло не такъ, да-а-а.... Была у меня, Святая, шуба... Шуба, — не такъ, чтобы совсѣмъ хорошая, многолѣтняя, но и не такъ, чтобы очень плохая. Ну, да и по теперешнимъ временамъ, и всякій въ этомъ признается, не приходится порядочному дворянину, хотя бы и офицерскаго званія, спѣсь-то свою черезчуръ высоко носить. Зимой, думалъ я, еще побѣгаю въ ней по морозцу, а пока, до большихъ холодовъ, какъ положили они меня въ переднюю, я ею, шубой-то моей, вмѣсто подстилки, обслуживался, подъ себя ее клалъ, чтобы теплѣе было, и жестокости меньше... Отняли они ее у меня, шубу-то... отняли, пролетаріи несказанные! И съ такой это безцеремонностью, что просто даже противно! Спрашивалъ я ихъ тогда, — за что отнимаете? А это, — объяснили они такъ, — товарищъ Радэкъ во всероссійскихъ извѣстіяхъ написалъ, чтобы у васъ, буржуевъ либо военщины, шубы и всякую вещь отбирать, замѣсто краснаго террора. Опять же, такъ они сказали, чтобы морды, — прости, Святая, для правды одной, — морды ваши-то въ кровь не бить, такъ ужъ лучше шубы отбирать, по организованному И взяли они шубу мою, изъ подъ меня ее вытащили. Не на чемъ мнѣ стало почивать въ смиреніи

тогда, на полу-то, — а они, видѣлъ я, ею же подстилаюıся, самъ же я это видѣлъ, да-а-а... Не люблю я, Святая, этой публики.... эхъ, не люблю, вотъ какъ не люблю! По ночамъ мутится во мнѣ... Думалъ я тогда о томъ, чтобы ножикомъ... ножикомъ... остался у меня, охотничій... эхъ, не могу... ножикъ-то мой... животы.... животы-то ихъ видѣть не могу, пузо это вражье, отъ котораго вся бѣда. Не могу не взмолиться къ Тебѣ, Милосердная, — эхъ, не могу... смилуйся, избавь... ножикъ-то мой, охотничій... Такъ Ты за меня съ ними расправься, за меня съ ними раздѣлайся по Своему! Да Ты только *взгляни* на нихъ, Царица Небесная, — а ужъ отъ очей-то Твоихъ, Матушка, Заступница наша... Эхъ, сдѣлай такъ, чтобы отъ нихъ ничего не осталось и чтобы этотъ самый товарищъ Радэкъ... И такая теперь печаль на сердцѣ — у честныхъ людей! А имъ — хоть бы что! Ходятъ тутъ, оскорбляютъ людей... меня оскорбляютъ! А Сама, Святая, знаешь, какъ я вѣрой и правдой-то... какъ въ опаснѣйшихъ сраженіяхъ многократно кровь проливалъ за Вѣру, Царя и Отечество, да-а-а...

— И не пришлось мнѣ на сей разъ покориться, Святая, — хотя постоянно памятуя о милосердномъ Сынѣ Твоемъ, Господѣ нашемъ, но не пришлось, по одной причинѣ. То-есть спервоначала я, конечно, вознесъ молитвы и покорился, но не больше, какъ на часъ, либо другой, и не по моей винѣ, вотъ горе-то! Въ горячкѣ-то этой самой, пока я съ ними насчетъ шубы объяснялся, а потомъ, смирившись, въ переднюю прошелъ и въ размышленіи пребывалъ, какъ мнѣ теперь изъ шинели моей одной и подстилку, и покрывало приноровить, чтобы закутаться потеплѣе, и къ Тебѣ, за премудрыми Твоими совѣтами, на сей предметъ обращался, — забылъ я совсѣмъ, сгоряча-то, объ одномъ событіи. А тутъ меня такъ и сразило... Деньги... деньги-то... которыя

Ирина, старшая моя дочь, когда отъ разбойниковъ матросовъ пряталась, и хотя со мною встрѣтиться убоялась, но все-же прислала, черезъ вѣрнаго человѣка, съ письмомъ и съ дочернимъ благословеніемъ, деньги-то эти въ шубѣ-то я и держалъ зашитыми. Вотъ горе-то!... По нуждѣ моей немножко оттуда бралъ, и опять зашивалъ. И не такъ, чтобы очень много ихъ было, денегъ-то, потому-что съ той поры, какъ я съ дочерью моей, по злобѣ людской, не встрѣтился, почитай, скоро — вотъ и годъ прошелъ, да и по всей Россіи я на эти деньги скитался... Но, все-же, настоящія царскія деньги и, даже, нѣкоторыя золотыя монеты были, которыя я особо оберегалъ, на случай нахожденія семьи. А кромѣ этихъ денегъ у меня тогда, почитай, и на два фунта хлѣба не оставалось. Вотъ горе-то! Что-же дѣлать-то было?! Помирать до поры, до времени, безъ призыва Господа Милосерднаго, никому не охота. И не ради стяжательства суетнаго, а только жизнь свою защищая, пошелъ я опять къ нимъ, къ пролетаріямъ несказаннымъ. Вхожу къ нимъ и строго-такъ, по-военному, потому-что рѣшилъ дѣйствовать энергично, говорю имъ: «Ребята, въ послѣдній разъ говорю, —хотите шубу отдать?» Насчетъ-же шубы я заговорилъ, потому-что Сама Ты, Святая, знаешь, о деньгахъ имъ признаться, да еще о настоящихъ, царскихъ и золотыхъ, никакъ невозможно было. Хотите, говорю, отдать? А они, какъ сидѣли, такъ и сидятъ, и только головой мотаютъ и усмѣхаются. «Хорошо, говорю, — и все съ большей строгостью, потому-что иначе нельзя было, — хорошо, говорю, — кто здѣсь старшій?» А они между собой переглянулись и опять усмѣхаются. А одинъ изъ нихъ, который на постели лежалъ, подноситъ къ собственному носу свой-же кулакъ, повертѣлъ имъ передъ носомъ-то, а потомъ мнѣ показываетъ: «Старшой, говоритъ, — вотъ онъ!» «Хорошо, гово-

рю я имъ, ребята, смотрите-же, найдется на васъ управа!» Вышелъ я отъ нихъ вонъ и тотчасъ-же прямымъ маршемъ по коридору, потому-что у меня заранѣе свой планъ образовался, и я еще, къ нимъ идучи, объ этомъ зналъ. А надо Тебѣ сказать, Святая, что въ самомъ концѣ этого коридора огромнаго жилъ одинъ комиссаръ, котораго я уже давно запримѣтилъ. И хотя онъ въ черной кожаной курткѣ и въ сапогахъ ходилъ, и заодно былъ, видать, съ пролетаріями несказанными, но въ пенснэ и при идеяхъ, — значитъ, интеллигентомъ могъ почитаться, такъ я по его глазамъ и длинной прическѣ о немъ понималъ. А если онъ дѣйствительный интеллигентъ, — такъ, Святая, они, здѣсь, сами о себѣ въ книжкахъ пишутъ, и такая у нихъ о себѣ кличка, — то, размышлялъ я, хотя бы онъ и роскошнаго о себѣ былъ пониманія, но все-же объясниться съ нимъ можно. Да, такъ-это оно, тогда, было... Постучался я къ нему и вошелъ. Встрѣтилъ онъ меня сначала очень дружественно, улыбается ласково сквозь пенснэ и руку протянулъ, — и я принимаю ее съ восторгомъ и должнымъ смиреніемъ... да-а-а... такъ это оно, тогда, было... Улыбается онъ, и вижу я по его обыкновенному лицу и думаю такъ, что точно, не ошибся я, и много ихняго брата, интеллигентовъ, отъ одного только заблужденія все это, и отъ книжекъ, а не отъ злобы какой. И сей, напримѣръ, есть скромнаго о себѣ пониманія. И какъ сказалъ онъ мнѣ ласково и обыкновеннымъ голосомъ: «въ чемъ дѣло и чѣмъ могу вам служить?», то я ему — *все* насчетъ шубы, и какъ я ее пожалѣлъ, а потомъ, вознеся молитвы, забылъ, и потомъ, — хотя признаюсь, Святая, колебался въ себѣ, — и насчетъ денегъ не утаилъ. Вотъ, какъ я о деньгахъ-то сказалъ, онъ меня перебилъ, что онъ долженъ знать, кто я такой. И я, будучи растроганъ его добротой, и потому-что и началъ-то я съ правды, *все* ему и выло-

жилъ — и званіе свое, и чины, и всякія отличія. Тутъ онъ отъ меня лицо отворотилъ, на столъ свой смотритъ, подумалъ о своемъ, а потомъ говоритъ: «Удивляюсь я... — да, такъ онъ сказалъ... — гляжу я на васъ и удивляюсь, что вы, какъ младенецъ неворожденный!» А я, потому-что учуялъ его раздуміе и смущеніе, какъ онъ сказалъ мнѣ это, что глядитъ на меня и удивляется, ему-то по-своему сказалъ: «А я, говорю, гляжу на васъ и, въ свою очередь, тоже удивляюсь, — какъ это вы, интеллигентъ, заодно съ пролетаріями насказанными!» И осѣнило меня сдѣлать изъ него моего друга! Даже про шубу сталъ забывать. Встаю я и еще громче прежняго говорю: «И многіе изъ вамъ подобныхъ уже и опомнились!» А онъ покраснѣлъ весь — и кратко такъ: «Уйдите!» — говоритъ. А я ему опять: «Опомнитесь!» А онъ мнѣ свое: «уйдите, да уйдите!» А я ему свое: «Опомнитесь!» Что съ нимъ стало?! Врагъ человѣческій къ его совѣстливому раздумію приступился. Взялъ онъ меня за плечи, повернулъ и — толкъ! — въ спину и къ дверямъ. А я къ нему силкомъ оборотился и кричу ему въ послѣдній разъ: «Опомнитесь!», — а онъ меня кулакомъ въ лицо, — и я тутъ, Святая, своимъ кулакомъ, да по его лицу! Какъ могъ я отъ него это стерпѣть, когда онъ интеллигентъ разумный и милосердіемъ Всевышняго одѣленъ мозгами значительно больше другихъ?! Подрались мы... А тутъ изъ этого огромнаго коридора, на шумъ нашъ, сбѣжались всякія люди. Комнатъ тамъ множество, и народу всякаго живетъ видимо-невидимо — и военныхъ, и вольныхъ, а больше всего пролетаріевъ несказанныхъ. Аглая Осиповна дамскую парикмахерскую въ Столешниковомъ переулкѣ держала, а квартира эта огромная была ей въ прежнія хорошія времена отпущена домохозяиномъ, тоже нѣмцемъ и, говорятъ, родственникомъ ея, подъ пансіонное заведеніе для

жильцовъ И сбѣжались они изъ разныхъ комнатъ. А у него, у комиссара этого, отъ носа кровь, да и я стою, растерзанный, и онъ имъ что-то кричитъ. И избили они меня нещадно. И по головѣ, и подъ ребра, и въ сердце два раза стукнули. И хотя я сознаніе-то не потерялъ, но только сквозь кровь мою и слезы невольныя видѣлъ, какъ этотъ комиссаръ имъ рукою знакъ подалъ, чтобы не убивали, а то, можетъ-быть, и убили-бы на-смерть. Выволокли они меня на лѣстницу, шинельку мою за мною бросили и дверь захлопнули. Но я въ ту ночь къ Аглаѣ Осиповнѣ другимъ ходомъ забрался и герань свою попросилъ, которая у нея стояла. И послѣ этого еще три ночи у нея ночевалъ, въ чуланѣ она меня прятала. А на четвертыя сутки входитъ ко мнѣ, въ чуланъ-то, Аглая Осиповна и держитъ въ рукахъ четыре сосиськи. Объясняется, — «уйдите, говоритъ, скорѣе, больше я васъ прятать не могу». А такъ какъ сама она нѣмецкаго рода и потому, — прости, Святая — разной свинины придерживается, пуще хлѣба, то не было у ней, объясняетъ она, хлѣба, а были четыре сосиськи для добраго дѣла. Помяни, Милосердная, въ молитвахъ Твоихъ угодныхъ, въ вѣчныхъ моленіяхъ Твоихъ заступныхъ, передъ Сыномъ Твоимъ, Господомъ нашимъ, Аглаю добрую, хотя-бы и была она нѣмецкаго рода!... И взялъ я эти четыре сосиськи и пошелъ.

— Царица Небесная! И за что меня и эти избили? Когда Никита это сдѣлалъ, и потомъ геранью меня осчастливилъ, и открылись надо мной алмазныя небеса всей жизни, и я увидѣлъ тогда въ блескѣ небываломъ всю правду о невольной злобѣ людской, и новое понятіе возымѣлъ о своемъ недавнемъ величіи, о преходящей славѣ человѣковъ, то только и было во мнѣ, Господи, только и было во мнѣ одно торжество за благость Твою всегдашнюю, за

милосердіе Твое неотступное. Рвался же я къ Тебѣ, Господи, по велицей милости Твоей, безпрестанно! Рвался и еще рвался, неутомимо приближаясь къ Тебѣ, въ боляхъ тѣла и въ постоянномъ недоумѣніи души изъ-за отсутствія жены и дѣтей любимыхъ. Гдѣ жена моя, Глафира, гдѣ она, Господи?! Гдѣ дочь, Ирина старшая и неразумная изъ-за бѣсовскаго страха? Воззри-же на меня плачущаго за малую дѣтку мою, любимую, добрую и достойную, похожую и ликомъ, и духомъ на ту, которая меня теперь пріютила. По чудному промыслу Твоему обѣ онѣ Вѣрой зовутся, и, однако, моя — далеко... далеко... Воззри-же на меня плачущаго, Господи, воззри-же, по велицей милости Твоей! Не она-ли, добрая и достойная, говорила Никитѣ: «Не смѣй, не смѣй!» И не посмѣлъ онъ *тогда...* помутилась его совѣсть каменная въ страшную минуту, оберегла его чудотворная герань! И меня, Господи, оберегла — для новыхъ путей, подъ алмазными Твоими небесами, и во славу Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ, и мнѣ, и Никитѣ. «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!»

— Ну, а когда *эти* меня избили, — не изъ-за стараго непониманія, не изъ-за войны, не изъ-за моего начальственнаго тона и былого моего тщеславнаго величія, а только лишь оттого, что вошелъ въ нихъ обыкновенный врагъ человѣковъ, который надо мной власти не имѣетъ, и возстали они противъ меня какъ разъ въ такое время, когда я съ усердіемъ, достойнымъ Твоего, Святая, одобренія, хотѣлъ того комиссара заключить въ свои объятія, только въ помышленіи о его душѣ... — вотъ тутъ-то и помутился-было мой разумъ до лютой злобы, до полнаго забвенія милосердія Божьяго, коимъ я здѣсь, во славу Его, подвизаюся. Но не-надолго... нѣтъ, Святая, недолго это продолжалось. Сначала, правда, все о ножикѣ моемъ, охотничьемъ, думалъ...

и видѣть я ихъ не могъ, ихъ-то, пролетаріевъ несказанныхъ, — нигдѣ не могъ, и на улицѣ не могъ... животы... животы ихъ видѣть не могъ, пузо это самое неокаянное, — прости, Святая, а въ немъ-то, въ пузѣ, и торжествуетъ обыкновенный врагъ человѣческій! Да, такъ это оно, тогда, было... съ ножикомъ моимъ и съ ними. Ну, а потомъ, Сама знаешь, Святая, вознесъ я молитвы и раскаяніе, и съ тѣхъ поръ неустанно къ Тебѣ прибѣгаю все объ одномъ, да объ одномъ, потому-что *это* — мое рѣшеніе смиренное и окончательное, безповоротное, и упованіе мое дерзновенное. И сейчасъ-вотъ, Преславная Владычица,буду молить Тебя все о томъ-же. И дерзаю я молить Тебя только о томъ, чтобы Ты за меня съ ними расправилась по-Своему, съ пролетаріями несказанными, — Своимъ прямымъ чудеснымъ вмѣшательствомъ. А то они всю землю своими когтями изроютъ, и только одна безвинная кровь по ней потечетъ. И не нужно для этого никакого Твоего снисхожденія въ это логовище дьявола, какая есть теперь земля, потому-что самъ я отлично понимаю, что это теперь совершенно невозможно. А Ты только, какъ молилъ я Тебя, и теперь молю, и буду вѣчно молить, подай мнѣ Свой милосердный *знакъ!* Вымоли, Владычица, вымоли, Преславная, вымоли, Благодатная, молитвами Твоими угодными и неотступными, моленіями Твоими блаженными и непорочными, за насъ, грѣшныхъ, заступными, вымоли у Сына Твоего, Господа Нашего Іисуса Христа, чтобы Онъ, по молитвѣ моей смиренной и дерзновенной, въ страданіяхъ моихъ небывалыхъ, ниспослалъ мнѣ единый Свой милосердный *знакъ!* И какъ хочешь Ты, Святая, запечатлѣть на мнѣ этотъ знакъ, такъ пусть оно и будетъ. Въ видѣ ли рубца кроваваго и глубокаго на самомъ моемъ сердцѣ, по которому дважды стукнули меня пролетаріи несказанные, либо на лбѣ, либо на ру-

кѣ, — какъ хочешь, Святая! А если почитаешь Ты меня этого недостойннымъ, несмотря на мое огромное терпѣніе, то хотя-бы въ видѣ вещи какой-нибудь небывалой и небесной, чтобы она и самое солнце затмила сіяніемъ своимъ необыкновеннымъ. Какъ Ты хочешь, — а я ради этого милосерднаго знака готовъ принять отъ Тебя и всякія муки... И не для себя прошу я, нѣтъ, не для себя, и не потому, чтобы я, аки Ѳома невѣрный... нѣтъ-же, Святая, нѣтъ! Вѣрую я, вѣрую! И потому-то и прошу, что вѣрую — и уповаю, и знаю, что Ты не откажешь! Нѣтъ-же, Святая, нѣтъ, не для себя, — а для нихъ-то, для нихъ-то, для пролетаріевъ несказанныхъ, для большей моей передъ ними убѣдительноости, вотъ оно что, для смущенія ихъ окончательнаго, вотъ оно какъ, Святая! И тогда, въ такомъ видѣ, имѣя при себѣ Твой милосердный знакъ, на сердцѣ, на лбѣ, или на рукѣ, или съ какой-нибудь вещью небесной, пойду я къ пролетаріямъ несказаннымъ и скажу имъ, пряча *знакъ*, и для начала простецки: «Взяли вы шубу мою?» — «Взяли, скажутъ, такой-сякой!» А я спрошу: «Теперь отвѣчайте: куды вы дѣвали жену и дѣтей моихъ?» А они засмѣются. А я спрошу: «А царь вашъ гдѣ?» А они захохочутъ пуще прежняго. А я еще: «Убили вы царя-то?» — «Убили», скажутъ, и — «ха-ха-ха», а меня — «такой-сякой». «Хорошо, скажу я тутъ, а — *это?!*» И покажу я имъ, Господи, Твой небесный милосердный знакъ, по велицей милости Твоей на мнѣ запечатлѣнный! То-то они испугаются и затрепещутъ! То-то, пролетаріи несказанные, то-то, рать злодѣйская!! А что съ ними потомъ будетъ, это ужъ Ты, Святая, распорядишься, а я отойду. И глядя, откуда-нибудь изъ сторонки, какъ они въ Твоей справедливой власти барахтаются, я, рабъ Твой, опять-же буду безъ злобы, безъ смѣха неприличнаго, но въ одномъ только торжествѣ за благость

Твою настоящую и всесвѣтную, за милосердіе Твое всегдашнее, за насъ, грѣшныхъ, заступное передъ всѣми глазами! И это, Владычицца, такъ нужно, нужно безотлагательно! Прости, Святая, но обыкновенный человѣческій врагъ въ *нихъ-то* отъ Тебя и прячется, а я его вижу, а Ты, можетъ-быть, отъ меня только о немъ и узнаешь вразумительно, и потому-то я и молю Тебя со столькимъ усердіемъ и въ такомъ смиренномъ дерзновеніи... Господи! Любовь Твоя, милосердіе Твое есть вѣчно! Это я знаю, и вѣрую, и уповаю. А *имъ* дано отъ роду жизнь прожить, и когда-же та минута настанетъ, что одолѣетъ ихъ сатанинскую гордость Твое милосердіе?!...

V.

Никудимовъ думаетъ:

«Все великое — просто, и солнце свѣтитъ безъ всякихъ финтифлюшекъ! А безуміе, если вѣрить докторамъ, что безуміе есть, — очевидно, потому только и безуміе, что стремится все слишкомъ сложное, непонятное, умомъ непостижимое, залить поистинѣ чудоподобнымъ свѣтомъ простоты, ясности и примѣнимости къ жизни. Только надъ этимъ дѣломъ и бился тщетно всю жизнь — напримѣръ, Толстой, Левъ Николаевичъ. Но почему, — какъ сказала-бы Вѣруня, если бы она могла надъ этимъ размышлять, — почему изъ этого, то-есть изъ Толстого или изъ Андрея Трофимыча, почему изъ этого ничего не выходитъ? И почему въ жизни — все остается по-старому? Въ этомъ, вѣроятно, послѣдняя тайна! Дано-ли будетъ проникнуть въ нее хотя бы тому, кто въ безымянное русское лихолѣтіе, когда не могло не казаться, что Богъ навсегда покинулъ

людей и землю, неустанно уповалъ на Него, стоя «съ ручкой», у Курскаго вокзала?».

Андрей Трофимычъ помолчалъ, въ раздумiи глубокомъ и продолжительномъ... Но вотъ онъ опять заговорилъ... Молится-ли онъ? Вѣдь вотъ онъ присѣлъ на краешекъ сундука, и теперь глаза его бродятъ по всей кухнѣ, какъ бы въ поискахъ друга-человѣка. И все-же, — взываетъ къ Святой! Онъ знаетъ, что Она всегда слушаетъ его. И снова, подчасъ, устремляетъ глаза на образокъ... Встаетъ... Опять садится, обезсиленный... И еще, и еще встаетъ, прямитъ спину, воспламеняется. Онъ говоритъ:

— И еще неоднократно буду молить Тебя о томъже, Святая! Смиренно будетъ дерзновенiе мое, но буду настойчивъ. Потому-что съ тѣхъ поръ удостоился я еще и многiя другiя муки принять... Какъ я тогда, взявши эти четыре сосиськи, пошелъ невѣдомо въ какомъ направленiи, и самъ не зная, зачѣмъ, — какъ я потомъ и днемъ, и ночью скитался подъ небомъ, и дождикъ меня мочилъ, и холодъ меня трепалъ, и вѣтромъ меня валяло, какъ я ночевалъ на бульварныхъ скамейкахъ, либо на набережной, подъ мостами, — какъ у меня не было хлѣба насущнаго, а ужъ сосиськи-то эти я въ первый-же день и поѣлъ, — все это Ты Сама, Святая, знаешь, ибо на все Ты Сама взирала Своими милосердными очами, въ неустанныхъ заботахъ Твоихъ обо мнѣ, недостойномъ, охраняя мою жизнь и всячески способствуя мнѣ съ должнымъ смиренiемъ вынести это испытанiе. А если чего, въ милосердiи Твоемъ, Тебѣ и неугодно было запримѣтить, если, по милости Твоей и понимая мою слабость, и закрывала иногда Свои небесныя очи на многiя мои прегрѣшенiя, на злобу мою лютую и безсильную, на гнѣвъ мой неудержный, на слова мои нехорошiя и бранныя, иногда и близкiя къ грозному проклятiю, и на то, какъ я людей поносилъ и надувалъ безбож-

но, и на всякіе поступки съ чужимъ хлѣбомъ, и когда я не свои сапоги продалъ, и еще на многое другое, непризнаваемое и для Тебя обидное, — то вотъ, теперь, во всемъ я открываюсь передъ Тобой, Владычица Небесная, и чтобы не перечислять грѣхи-то мои поочередно, скажу разомъ, что въ голодѣ и холодѣ такомъ постоянномъ, въ униженіяхъ небывалыхъ и неперестанныхъ, всѣ-всѣ грѣхи, которые намъ отъ Господа запрещены, я на душу свою принимаю, — развѣ только вотъ никого не убилъ и старался не обижать завѣдомыхъ мнѣ вдовицъ, либо сиротъ, либо беззащитныхъ женщинъ. Ну, да все равно, Святая! Пусть, ради наказанія моего заслуженнаго, пусть, ежели какого грѣха у меня и не было, то пусть будетъ такъ, какъ будто оно и было, на тотъ случай, ежели я что забылъ, либо если такъ Тебѣ отъ Себя угодно будетъ, для большаго моего наказанія!

— Благодареніе Господу, Святая! Есть у меня въ груди настоящее великое стучаніе, и тяга нѣкая немалая, и какъ бы одолѣніе непосильное и неземное, и это есть мое непомѣрное благодареніе Милосердному Богу! И не меньшее непомѣрное и Тебѣ, Матерь, неустранимой Заступницѣ нашей, по молитвамъ Твоимъ неотступнымъ и неусыпнымъ за раба Божія, Андрея бродящаго! Вотъ же, добротой Твоей ангельской и блаженной, была у меня перемѣна жизни, и снова водворенъ я въ должное величіе человѣковъ. Есть у меня теперь теплота жилища, и нѣкоторая сытость, и сознаніе себя. Что не глаза мои слезящіе отъ побоевъ и голода, которыхъ нѣтъ, а истинно очи мои — не зря, а съ восторгомъ вникаютъ въ бѣлый свѣтъ отъ неба, который я вижу, *то* есть благодареніе мое, — ей, Господи Царю и Утѣшителю! Что истинно очи мои разборчиво видятъ бѣлый свѣтъ отъ солнца, и по всей земли отъ славы Твоея, и въ спокойствіи настоя-

щемъ не наглядятся на собственное мое величіе человѣковъ, *то* есть благодареніе мое, — ей, Господи Царю и Утѣшителю, пріими! А ужъ какъ я, въ молчаніи постоянномъ отъ презрѣнія настоящаго къ самому себѣ, люблю и просто обожаю Вѣру-дѣвушку, пріютившую меня, въ младенческой чистотѣ своихъ помысловъ юныхъ, и какъ я согрѣтъ бываю этой любовію, когда она возсядетъ на стулѣ насупротивъ меня и глазами своими иной разъ на меня посмотритъ, и трясутся неудержно мои руки, чтобы наложить на нее ласку отеческую и горячую, замѣсто моей родной дочери, Вѣры тоже, въ непостижимой темнотѣ міровъ отъ меня затаенной... Ну, да что, Святая! Не всякая слеза дробитъ сердце до дна. А закачаюсь я, какъ щепка, когда она на рѣчкѣ всплыветъ и на солнцѣ, въ капляхъ своихъ, заиграетъ, едва взгляну я на Вѣру-дѣвушку другую, и задрожу весь на ея охоту радостную меня пріютить, и благословляю въ ней родную, затаенную во тьмѣ, и великій единственный свѣтъ надъ всею тьмой міровъ кромѣшныхъ! «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея!».

— И ничего мнѣ теперь бояться не приходится, — а только пребывать передъ Тобой въ благодареніи непомѣрномъ и въ удивленіи навсегда. И, дѣйствительно, дивлюсь я немало — и всей жизни дивлюся, и самого себя не чую! Вотъ же, Благодатная, — пребывая теперь передъ Тобой въ должномъ смиреніи, и въ нѣкоторой сытости, и въ сознаніи такого моего величія, одновременно ощущаю я, какъ будто ничего особо страшнаго и не было во всемъ, что было, и даже веселаго, прости, Святая, много открываю въ прошломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, опять же, тутъ же пораженъ бываю, какъ это я живъ остался отъ всѣхъ этихъ страховъ и ужасовъ, и болѣзней, и холода, и голода несказанныхъ! Что страхъ во мнѣ теперь, а что радость великая —

невѣдомо! Туманъ, Святая, туманъ великій! Конца его я не чую... И самого себя не чую! И страшно мнѣ, и радостно мнѣ, и могу я только припасть къ любвеобильнымъ стопамъ Твоимъ и слезно благодарить Тебя за всѣ Твои неугасаемыя заботы и молитвы угодныя обо мнѣ. А и въ восторгѣ одномъ неразрывномъ... не учую себя никогда! «Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!».

— И не запомню я теперь, сколько времени я такъ скитался, къ милости людей обращаясь, а иногда такъ и случайнымъ грѣхомъ побираясь. А только помню, что не одинъ мѣсяцъ, и не два, и не три, а больше. А потомъ, забрелъ я какъ то, здѣсь, неподалече, въ Харитоньевскій переулокъ и случайно же наскочилъ на мою старую знакомую, вдовую генеральшу Констабельскую. Что-жъ дѣлать, вотъ горе то! Хоть и обрадовался я, на первыхъ порахъ, замѣчательно! Пришлось, однако, предстать передъ ней въ моемъ подлинномъ видѣ, какъ я тогда былъ, до встрѣчи съ Вѣрой-дѣвушкой, въ шинелькѣ драной и безъ одной пуговицы, и не имѣя въ желудкѣ никакой пищи въ теченіе трехъ сутокъ. Генеральша Констабельская, она же по дѣвичеству своему высокаго званія и кавказскаго происхожденія, изъ тамошнихъ нагорныхъ прынцессъ, въ прежнія времена, говорятъ, была вхожа и въ самый императорскій дворецъ. Самъ же я, какъ Ты знаешь, Святая, роду простого, крестьянскаго. Хотя, будучи на военной службѣ, дворяниномъ почитаюсь, и того заслужилъ, но дѣдъ мой еще, можно сказать, былъ простымъ мужикомъ, хотя усерднымъ и трудолюбивымъ. Отецъ-же, въ гражданскіе чины вышелъ и о дѣтяхъ большое попеченіе имѣлъ. И хотя всѣ они, два брата моихъ и сестра, отъ неизвѣстной болѣзни померли въ отроческую пору, — мозгами унесло, такъ тогда говорили, — самъ же я благополучно въ корпусѣ и въ училищѣ военномъ обучал-

ся, и въ офицеры вышелъ отлично. Образованіе, значитъ, у меня есть. Но хотя я въ корпусѣ и обучался, но — не знаю ужъ какъ, Святая, Тебѣ признаться.... Потому-ли, что я всю жизнь съ солдатами возился и на фронт*ах*ъ, японскомъ и нынѣшнемъ, долгіе годы проводилъ, но, только, всегда меня тянуло къ простому обращенію и къ словамъ простымъ, обыкновеннымъ и, даже, — прости, Святая, — деревенскимъ. Не мало мнѣ за это отъ моей Глафиры доставалось! Ну, а послѣ этого... происшествія, Святая, — когда угодно было Твоему милосердію, по блаженнымъ молитвамъ Твоимъ передъ Господомъ, открыть мнѣ, черезъ Никиту, истинныя Твои небеса алмазныя, — то я и самъ не знаю, что со мной стало! Ни одного слова, кромѣ мужицкаго, я толкомъ сказать не могу... да и отчего-то не хочется! Вообще, можно сказать, что я говорю, какъ мужикъ, и недурно себя при этомъ чувствую. То-есть, опять-же, говорю я такъ, а самъ смекаю... какъ бы querнимъ умомъ... выше, *надъ* этимъ, но, опять-же, говорю все такъ же. Иной разъ, Святая, и знаешь, что надо-бы сказать «кромѣ», а «окромя» изъ тебя такъ и претъ, такъ и претъ... А генеральша Констабельская, хотя она теперь, какъ и всѣ, въ бѣдности должна бы обрѣтаться, но сохранила манерность великолѣпную, — и разныя слова! Но, по одной причинѣ, нѣту и бѣдности достойной и благородной... Живутъ они тамъ... генеральша Констабельская, оба сына ея, Петръ и Георгій, а съ ними Наталья, горничная ихъ болѣзная, и не очень болѣзная, а болѣе притворяется, чтобы жалость была, и Фридрихъ Александровичъ, сыновей нѣмецкій гувернеръ, когда они въ малолѣтнихъ мальчикахъ были, и теперь съ ними неразлучный, и еще Сигизмундъ Соломоновичъ, который у нихъ бывалъ. Все это, Святая, въ Харитоньевскомъ переулкѣ... Что я тамъ перенесъ, до чего наиспытался! Этого

я никогда не забуду. А вѣдь сначала и встрѣченъ былъ ласково, и въ домъ къ себѣ впущенъ съ ночлегомъ! А и пробылъ же я тамъ всего двѣ недѣли... Хотя и не было тамъ настоящихъ побоевъ, но было другое, и не знаю, — что лучше?...

— Началось съ Фридриха Александровича. Началось-же это въ тотъ-же день, какъ я вошелъ... Злой онъ, неправду онъ говоритъ! И отъ словъ его неправда, и отъ глазъ разноцвѣтныхъ, за стеклами скрытыхъ, и отъ зубовъ, и отъ носа, и отъ всей его личности непосильной. Возненавидѣлъ онъ меня — и за что, я самъ не знаю. Должно быть, за грязноту моего одѣванія и за всю мою личность, въ тотъ день давно неумытую и неочесанную. Самъ же онъ — въ хорошихъ гамашахъ и по сей день ходитъ, а на головѣ волосяная нашлепка, клеемъ примазанная, чтобы лысины вовсе не было... Всѣ-же они — изъ Санктъ-Петербурга прибыли, — гдѣ дѣти ея, въ прежнія времена, въ императорской гвардіи съ успѣхомъ подвизались, — и отъ голода себя спасаючи, здѣсь-же — въ надеждѣ на лучшее. А по знакомству досталась имъ отдѣльная квартира отъ хозяевъ въ отъѣздѣ, либо въ бѣгахъ, по причинѣ историческихъ событій. Фридриху же Александровичу досталась особая комната съ умывальникомъ мраморнымъ, а на немъ косметика и банокъ всякихъ изрядное количество. И предложила мнѣ генеральша въ этой-же комнатѣ заночевать, — предварительно Фридриху Александровичу глазами пріятную улыбку отобразивъ, какъ бы за меня и за доброту своего женскаго сердца извиняясь. Онъ же всталъ. Святая, онъ же всталъ и «мадамъ» говоритъ, и ей, и мнѣ улыбается. «Мадамъ» — или вродѣ этого, но похоже. Произношеніе же у него было во всѣхъ тонахъ неразборчивое и пренепріятное для слуха, унылое... И положили они меня на полу, хотя съ подстилкой порядочной и пріятной, между умываль-

никомъ тѣмъ и печкой. Какъ разъ мнѣ въ пору пришлось, ввиду моего значительнаго роста, но такъ, что еще отчасти подъ себя колѣнки подбирать приходилось, хоть и немного совсѣмъ. А у него, гдѣ я лежалъ, передъ печкой, какъ разъ особый заграничный чемоданъ, съ металлическими бляхами, дотолѣ пребывалъ. Генеральша Констабельская, вводя меня въ его комнату, и ему меня всячески рекомендуя, сама же этотъ чемоданъ въ сторонку прибрала. А онъ опять «мадамъ», и опять улыбается. А ненавидѣлъ онъ меня уже тогда...

— Только это я, къ ночи, спать расположился, и послѣ долгихъ скитаній впервое по-порядочному, и онъ входитъ, чтобы тоже на свою постель положиться, — беретъ онъ этотъ самый чемоданъ, прямымъ маневромъ ко мнѣ подходитъ, «виноватъ», говоритъ, — и съ пренепріятнымъ, Благая, свистомъ, — и, бултыхъ мнѣ этотъ чемоданъ на ноги, даже не обождалъ, чтобы я ихъ убралъ съ того мѣста, гдѣ онъ раньше стоялъ. Тутъ я немножко призадумался... хотя о нахальствѣ его уже тогда сталъ догадываться, по злющимъ его глазамъ разноцвѣтнымъ: одинъ подъ гороховую жидель, а другой, самъ отъ себя, желтый. А онъ, какъ ничто не бывало, присѣлъ на свою постель и давай съ себя свои крахмальныя упружины скидавать. Ахъ, ты, думаю я, аховый ты человѣкъ! Однако, на первую ночь и принимая во вниманіе генеральшу Констабельскую, вознесъ молитвы и покорился; а ноги у меня, какъ оглобля, крутыя...

— Но на слѣдующій вечеръ... — а ужъ за-день-то мы порядочно глазами поцапались, и понялъ онъ, что злоба его мнѣ окончательно открылась... — какъ онъ къ этому самому маневру приступилъ, я ему говорю: «Не извольте напрасно утруждаться! Вонъ онъ, вонъ онъ, уголокъ-то для вашего чемодана!» — и пальцемъ

скромно указую на мѣсто, избранное для него генеральшей Констабельской. А онъ: «виноватъ, виноватъ», золотыми зубами какъ-бы пріятно улыбается, сопитъ слегка и на ноги мнѣ чемоданомъ больно нажимаетъ. А я его, чемоданъ-то, съ силой ногой отпихиваю и говорю: «Здѣсь ему не мѣсто!». А онъ — пропотѣлъ весь, лобъ мокрый, самъ блѣдный, но все улыбается пуще прежняго, зубами какъ-бы ласково скалитъ и такъ-этакъ: «Хо-о-о!... Тутъ онъ бу-удетъ... тутъ онъ бу-удетъ... А вамъ здѣсь вовсе не мѣсто!». Это мнѣ-то... Тутъ я и его ногой задѣлъ. А онъ перековырнулся и вмѣстѣ съ чемоданомъ мнѣ на ноги сѣлъ. И опять — еще веселѣе и милѣе: «Хо-о-о!... Тутъ онъ бу-удетъ... тутъ онъ бу-удетъ!». И на мнѣ сидитъ. Я ему говорю: «Уйди съ ногъ, нѣмецкая колбаса!», прости, Господи! Онъ не уходитъ, я его вытѣсняю. А онъ за меня, за мои плечи цѣпляется, надъ самымъ моимъ лицомъ дышитъ, сопитъ, потѣетъ, безпрестанно и зубами, и глазами паскудно улыбается, и все свое, какъ будто ласковое: «Хо-о-о!... Хо-о-о!...» Ахъ, нѣмецъ, — вотъ онъ каковъ! Такъ вѣришь-ли, Благая, — если бы не Твое, въ ту минуту, за меня милосердное заступство передъ Истиннымъ, я бы нѣмцу этому носъ откусилъ! Да надоумила Ты меня тогда съ матраца моего хватиться. Всталъ я, взялъ я Фридриха за плечи, съ силой, и на собственную его постель усадилъ. «Сиди, говорю, смирно, а то худо будетъ!». И тутъ онъ мнѣ впервое это самое слово сказалъ... Взглянулъ на меня, какъ-бы растроганный, точно отъ высочайшаго на меня умиленія и жалости, и говоритъ: «Халюнке... — такъ онъ, Святая, сказалъ, а что это, я и сейчесъ не знаю, а если плохое, прости... — халюнке, говоритъ, ти у меня полѣзешь на стѣнку!». Въ тотъ разъ я его и слушать не сталъ, — залегъ, вознесъ молитвы и покорился въ сонъ забвенный...

— И всѣ двѣ недѣли такъ мы съ нимъ и прожили... Была у нихъ тамъ, какъ и здѣсь, кухня, и давно меня туда тянуло. Но я изъ-за самолюбія не пошелъ, ни за что не пошелъ! Потому-что не подобаетъ мнѣ, офицеру, передъ нѣмцемъ на кухнѣ валяться, въ собственномъ своемъ отечествѣ! Всѣ двѣ недѣли, какъ мы съ нимъ вдвоемъ останемся, такъ другъ на дружку нажимаемъ, ноги одинъ другому давимъ, плечами и руками работаемъ, разные предметы взаимно вырываемъ, словомъ — на тѣло и въ душу другъ-другу дышимъ-то! Я, точно, все это дѣлалъ. Но вѣдь я же ему и въ глаза-то глядѣть не хотѣлъ! А онъ, какъ меня завидитъ наединѣ, такъ тотчасъ-же ко мнѣ какъ-бы съ восторгомъ бросается, руки ко мнѣ на плечи кладетъ, теребитъ ихъ, гладитъ, приглаживаетъ, точно, — прости, Святая, баба тѣсто мѣситъ и обваливаетъ; и шепчетъ со смѣшкомъ, какъ-будто пріятнымъ: «Халюнке, ти у меня полѣзешь на стѣнку!». Или сядетъ на свою постель, когда я на матрацѣ растянусь, взглянетъ на меня какъ-бы отъ высочайшаго умиленія, точно отецъ надъ сынкомъ, и опять любовно: «Халюнке, ти у меня полѣзешь на стѣнку!». Да, такъ это оно, тогда, было... Прости, Угодница, но пріими и это ничтожное событіе жизни подъ Твое милосердное покровительство...

— Святая! Я есть доблестный воинъ государевъ, что тамъ ни говори, это я навѣрное знаю! А въ вѣрѣ моей — рабъ Милосерднаго, коего я не устанно молю, черезъ молитвы Твои угодныя и заступныя обо мнѣ. А на фронт*а*хъ, когда въ бояхъ сражался, замыслы мои были объ отечествѣ. Только и всего, Святая! Вотъ — весь я! Какъ же онъ, нѣмецъ такой, будучи на чужой сторонѣ, въ гостяхъ, можетъ мнѣ *стѣнкой* грозить, да еще съ руганью иностранной, для моего слуха оскорбительной?! Такъ хотя я его не причисляю къ послѣд-

нимъ врагамъ человѣческимъ и о жестокомъ наказаніи для него не помышляю, но, для примѣра, слѣдовало бы его извергнуть изъ русскаго воздуха, чтобы онъ у себя на родинѣ заводилъ новыя житейскія понятія и какую хочетъ мудрость иную! Да такъ бы оно и многихъ людей оберегло отъ большого возможнаго зла! Потому-что, какъ вспомню я, какъ я, тогда, чуть носа его зубами не отхватилъ... А вѣдь и не всегда-же, Благая, быть намъ въ этомъ униженіи!..

— Между прочимъ, по-правдѣ,—Преславная,— объ этомъ я докладывалъ Тебѣ безъ особой претензіи, но такъ, какъ оно было. И не это, въ главную часть, помутило меня у Констабельскихъ... Замѣчаю я, съ перваго дня, что у нихъ, на столѣ, всякія явства не по времени и, можно сказать, неприличныя, при всеобщемъ теперь обнищаніи, Тебѣ, Милосердная, извѣстномъ. Но, будучи очень голодный, ѣлъ и молчалъ. А сыновья ея, Петръ и Георгій, все объ чемъ-то шепчутъ между собой и съ матерью, и по телефону частые разговоры ведутъ съ разными этими... учрежденіями! На нихъ-же самихъ — отличнаго покроя и свѣженькіе френчи, а на ногахъ славные сапожки. А на второй, либо на третій день, приходитъ къ нимъ Сигизмундъ Соломоновичъ, коммунистъ и іудеянинъ... Какой онъ, Сигизмундъ, человѣкъ. — этого, Святая, я, право, не знаю. А генеральша Констабельская увѣряетъ, что отличный, потому-что онъ ей телефонъ исправилъ, и манеры у него, говоритъ, вѣжливыя и даже свѣтскія, и никакого, говоритъ, въ немъ этого русскаго хамства, — такъ она, Святая, сказала. Главное же, телефонъ исправилъ... когда это было невозможно, — однако, его премилымъ, говоритъ, распоряженіемъ случилось. А какъ онъ, будучи коммунистомъ, огромную власть имѣетъ и все можетъ, то можетъ и телефоны исправлять. А самъ я не знаю, — какой онъ чело-

вѣкъ? Правда, отъ иныхъ людей слыхалъ я, что отъ этого племени вообще большого добра не бываетъ. Самъ же я, по совѣсти, объ этомъ ничего не знаю. У насъ въ городѣ ихъ вовсе мало, а какіе были, такъ я, можно сказать, съ ними ни въ какое общеніе не вступалъ. А какой былъ у меня Мойша-пирожникъ, такъ онъ мнѣ торты подъ французскія башни раздѣлывалъ, и очень былъ акуратный человѣкъ. На фронтѣ, въ *мѣстечкахъ* разныхъ, видалъ я ихъ много, но опять-же особо къ себѣ не допускалъ, а если, иной разъ бывало, какой-нибудь заголоситъ и надоѣстъ, что только крикнешь ему: «цыцъ»! — онъ и бѣжитъ. А вообще, по совѣсти, не знаю я этого народа, и чего они хотятъ отъ Россіи! И хотя, по моей всегда неослабной христіанской вѣрѣ, я отлично понимаю, что долженъ питаѣъ естественное нерасположеніе къ этимъ людямъ, которые и Спасителя нашего не пожалѣли, но, по существу моего малаго земного опыта, я въ этомъ дѣлѣ ничего толкомъ не понимаю, и въ томъ Тебѣ признаюсь искренно, Милосердная... Опять же, Святая, вспоминаю я о моихъ скитаніяхъ... Былъ же я, въ тотъ день, голодный, какъ всегда. И подходитъ ко мнѣ іудеянка одна, суетъ мнѣ въ руку огромнѣйшую баранку и говоритъ такъ, какъ я этого давно не слыхалъ: «Господинъ полковникъ, — говоритъ, — возьмите этотъ бубликъ и кушайте себѣ на здоровье!». А я, съ перепугу отъ пролетаріевъ несказанныхъ, сначала оторопѣлъ, оглянулся по сторонамъ и кричу ей: «И чего, баба, врешь, — какой я тебѣ полковникъ?» А она подъ меня близко подходитъ, къ уху моему тянется и шепчетъ: «Никого здѣсь нѣту... — а было это къ вечеру, за Крымскимъ мостомъ... — и никого здѣсь нѣту, — шепчетъ она, — и никто насъ не слышитъ, а я васъ видѣла въ нашемъ мѣстечкѣ, Свенцянскаго уѣзда. И все мы понимаемъ... Кушайте, кушайте себѣ на

здоровье — и меня простите, ради Бога! И сынъ мой, какъ вы, пропащій...» Отошла же она отъ меня, іудеянка эта, глазами часто моргая, — и на черные банты своего бѣднаго платья слезится! Да, такъ это оно, тогда, было... Но Сигизмундъ Соломоновичъ, Святая, — ежели онъ отличный человѣкъ и телефоны исправляетъ отъ одной душевной пріятности, то почему онъ — коммунистъ?! Почему, принявъ въ пузо-то свое обыкновеннаго врага человѣковъ, онъ и чужую душу травитъ настойчиво? Съ братьями же этими, Констабельскими, Петромъ и Георгіемъ, онъ договорился вполнѣ. И пошли они оба по чрезвычайной дорогѣ, — такъ это, Милосердная, здѣсь, такое чека зовется, — и снаряжались оба на финляндскую границу, для улова разныхъ, въ страхѣ бѣгущихъ, буржуйныхъ и аристократскихъ людей! Они же, будучи въ прошломъ въ императорской гвардіи, и съ успѣхомъ подвизаясь въ разныхъ будуарахъ и въ салонахъ свѣтскихъ, знали на-лицо всю, можно сказать, россійскую знать, и всякія особы. А потому, на сіе ремесло были спеціально и особо назначены... Тогда, Преславная, я терпѣлъ въ духѣ моемъ, но не въ тѣлѣ! Оба дѣти, Матерь, оба дѣти — душу свою загубили, убоявшись обыкновеннаго врага человѣковъ, и тѣмъ его до себя пуская...

— Думалъ я тогда, — поди-жъ ты, что общаго между Сигизмундомъ Соломоновичемъ и этими Констабельскими братьями, Петромъ и Георгіемъ? А надо Тебѣ сказать, Святая, что коньяку у нихъ было видимо-невидимо! Пили же они этотъ коньякъ, сидя въ угловой комнатѣ и превесело между собой бесѣдуя. А до меня слова ихъ долетали... Ужасно они полюбили другъ-друга, и все смѣются, смѣются... И подслушалъ я (хотя не-нарочно), что сошлись они сердечно на прелестяхъ, да еще на настоящемъ враждебномъ неудовольствіи отъ Россіи. Братья эти

оба, Петръ и Георгій, были тонкаго образованія, и на разные языки. А Сигизмундъ отъ нихъ ничуть не отставалъ, будучи самъ, какъ я понималъ, изъ богатой семьи, и подолгу въ прежнія времена проживая заграницей и въ самомъ Парижѣ. И говорили-то они все больше о прелестяхъ заграничныхъ. И какія тамъ, — прости, Святая, — актрисы, и въ какіе фестоны необыкновенные онѣ наряжаются, и какой походкой ходятъ! И все хохочутъ, хохочутъ, и коньякъ дуютъ исправно! А однажды, — при мнѣ это было, въ столовой, — когда Георгій разговаривалъ насчетъ того, почему онъ опредѣлился на эту чрезвычайную дорогу, и тогда сказалъ: «Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ!». Есть у насъ, здѣсь, такая вродѣ поговорки, да-а... А Сигизмундъ тогда говоритъ: «Это вы насчетъ коммунистической партіи такъ выражаетесь?». И хотя, будучи коммунистомъ, отличное получалъ удовольствіе въ генеральской дружбѣ, но все же потупился, какъ бы нѣкую замѣтную хмурость выявляя. А Георгій съ удивленіемъ ему отвѣчаетъ правдивымъ серебристымъ голосомъ: «Да нѣтъ-же, — это я насчетъ Россіи»! И тутъ они оба прояснѣли лицомъ и захохотали весело...

— Тутъ бы мнѣ, узнавши все это, и уйти отъ нихъ, — сознаюсь! Однако, нѣтъ, сразу на это не рѣшился, потому-что былъ я тогда ужасно голодный, улицы непосильно боялся, и самъ съ собою упрямился. Вотъ горе-то!... Но начали мы обмѣниваться разными выпадами, и съ матерью, и съ ними, особо — съ Георгіемъ, младшимъ. Петръ, тотъ все больше молчалъ, и только пресерьезно, иногда, увѣрялъ, что этотъ Божій міръ надо всячески и старательно исковеркать до полнаго обрушенія. А мнѣ-то что отъ его такой философіи? За такія слова, надо полагать, ему отъ Истиннаго Милосерднаго не поздоровится! А меня это вполнѣ

мало трогаетъ насчетъ этихъ мыслей. А меня онъ какъ будто щадилъ — и какъ бы напослѣдокъ! А вотъ съ Георгіемъ — вышло похуже. Самъ же онъ, Георгій, весь холеный, тонкій, бѣлолицый и съ сильными глазами! Извѣстно мнѣ, что въ старыя времена онъ при чужихъ женахъ съ успѣхомъ, — прости, Святая, — задумывался! Возненавидѣлъ меня этотъ Георгій вослѣдъ за Фридрихомъ Александровичемъ. Были же между нами такіе разговоры, что я просто не знаю, Милосердная, какъ Тебѣ о нихъ докладывать! А одинъ разъ, — это ужъ къ концу было, изъ-за чего я ушелъ, — такъ просто дошло до, правда, вполнѣ незначительной, однако рѣзвой колотушки...

— Стала она меня съ нѣкоторой поры, генеральша-то, поносить за бездѣліе. Вхожу я разъ къ вечеру, — цѣльный день ея не видалъ, — подхожу къ ручкѣ и освѣдомляюсь: «Какъ, говорю, матушка Анна Георгіевна, насъ сегодня Богъ миловалъ?». А она мнѣ — сурово такъ, едва поздоровавшись: «Что это вы все мухъ считаете, а дѣла не дѣлаете?». Меня немного проняло. «Что-же, говорю, прикажете явиться къ Троцкому для ради поклоненія?». А она мнѣ, вся раскраснѣвшись: «Такихъ, говоритъ, дураковъ, какъ мы съ вами, Андрей Трофимычъ, свѣтъ не видывалъ! Пора это оставить. Наше время позади. Мы свое взяли и — говоритъ — недурно взяли! А теперь — новое! И нечего отъ него отпираться!». А я ей: «Нѣтъ, — говорю, — Россія терпитъ, и я потерплю!». А она опять свое, и пышитъ пуще прежняго: «Благородство ваше — на кой оно нужно? Благородствомъ вашимъ, если пожелаете знать, развѣ только...» И такое она тутъ слово загнула, что и не думалъ, по правдѣ, что придется когда-нибудь такое слово — да изъ генеральскихъ женскихъ устъ! И сказали бы мнѣ объ этомъ раньше, такъ не повѣрилъ

бы... Замолчалъ я отъ смущенія, — да и какъ-то противно мнѣ стало! И, можетъ быть, совсѣмъ промолчалъ бы. Да этотъ Георгій-мальчишка, который тутъ же сидѣлъ, какъ нарочно, своимъ серебристымъ голосомъ, да запѣлъ: «А вы, Дюковъ, сгніете, — вы, Дюковъ, насидитесь въ чрезвычайкѣ! Я же, говоритъ, никогда до такого униженія не дойду, чтобы въ грязнотѣ ходить, нѣтъ, молъ, благодарю покорно, да еще, — такъ онъ, Святая, добавилъ, — за столъ садиться!». Какъ онъ это сказалъ, прихлынуло мнѣ къ сердцу. Всталъ я, обращаюсь къ нему: «Сгнію я?!» — говорю. Я сгнилъ уже! Во мнѣ живого мѣста нѣту! Двѣ пули, въ японскую войну, двѣ — въ эту, черезъ мое тѣло прошли, снарядомъ два ребра вышибло, и отъ штыка одинъ разъ дырявый. Я сгнилъ уже!». И было мнѣ, Матерь, истинно грустно, когда я это говорилъ, хотя, признаться, раньше я объ этомъ моемъ такомъ геройствѣ какъ-то и не думалъ... А тутъ стало истинно грустно отъ словъ моихъ горькихъ... Добро бы ему промолчать! Такъ нѣтъ же, онъ опять запѣлъ, и съ пренепріятной, Святая, развязностью! «Вы, говоритъ, насчетъ ранъ своихъ оставьте! А вотъ почему, говоритъ, на васъ бѣлье грязное? И неужели вамъ не противно?». И хотя я-же понимаю, что онъ, все-же неглупый человѣкъ, не дуракъ, и не могъ же онъ меня за нечистое мое бѣлье, по причинѣ моихъ скитаній, оскорблять, а хотѣлъ онъ мнѣ этими словами только путь-дорогу къ спасенію указать, черезъ недостойную службу, но былъ я тогда въ чувствахъ грустныхъ и благородныхъ, — истинно былъ, Святая! Было во мнѣ тогда истинное умиленіе отъ возможнаго душевнаго величія человѣковъ! И потому, неосторожно сказалъ ему: «Грязное бѣлье! — такъ я закричалъ. Грязное бѣлье?! — говорю. А измѣна Россіи?! — говорю. А сознаніе грѣха?!» — говорю. Батюшки мои, что-жъ Ты,

Матерь Милосердная, думаешь! Я-то полагалъ, что слово мое благородное такъ его и сразитъ! А онъ только угломъ рта усмѣхнулся. И выразился онъ вотъ какъ, не совсѣмъ по-простому, но нахально: «Сознаніе, говоритъ, — да, такъ онъ это сказалъ, — сознаніе, говоритъ, грѣха, приходитъ къ людямъ черезъ полицейскій участокъ!» Тутъ я, не желая дать ему восторжествовать, отъ ума его современнаго и бойкаго, по-молодости, — закричалъ ему, опять неосторожно: «Сгнилъ я! И еще сгнію! А Россіей и вѣрой моей торговать не буду!». И прямехонько ему въ глаза моими глазами цѣлюсь...

— И, вѣришь-ли, Святая, все, все это я тогда говорилъ вполнѣ основательно, отъ души, а не для форсу передъ людьми, потому-что былъ я въ истинныхъ чувствахъ. Хотя, не могу укрыть отъ Тебя, что слово это самое, насчетъ торговли Россіей, я, въ самомъ началѣ, какъ съ фронта уѣхалъ, подчиталъ въ одной газетѣ, и очень оно мнѣ тогда понравилось, какъ подходящее. Также не было тамъ ничего сказано насчетъ вѣры, потому-то, — говорили мнѣ такъ, — газету эту печатаютъ безбожники. Но я, будучи всегда въ страхѣ и почитаніи передъ Богомъ, вѣру-то пристегнулъ отъ себя, по совѣсти и ради такого истиннаго случая. А вышло нехорошо... И не отъ него, для начала, не отъ мальчишки, а отъ самой генеральши. Онъ только опять усмѣхнулся. А она, какъ завопитъ о томъ, что ежели я сгнилъ и еще хочу гнить, то нечего мнѣ тягаться съ ея сынами, нечего мнѣ объ ихъ жизни и думать, и намекнула тутъ впервое, что надо-бы мнѣ собираться вонъ. И хоть прямо не сказала: «вонъ изъ моего изъ дому», но вышло на то похоже. И еще добавила она, вставая, въ сердцахъ, и уже къ дверямъ направляясь, добавила о томъ, что изъ гриба-поганки, — такъ она сказала, и вообще, была у нихъ такая констабельская манера говоритькакими-то *цитата-*

ми — что изъ гриба-поганки нельзя сдѣлать розовое варенье. И хотя сія аллегорія показалась мнѣ вовсе ужъ и не вразумительной, потому-что — и за что это я — грибъ, да еще поганый, и почему они, пойдя по чрезвычайной дорогѣ, должны за розы почитаться, — но стало мнѣ очень грустно, по причинѣ моего непосильнаго страха улицы... Передъ тѣмъ, какъ къ нимъ притти, въ моихъ скитаніяхъ, стало у меня за послѣднее время что-то въ животѣ дергать и острить, въ животѣ, то-есть въ правомъ боку, такъ что иной разъ я ходить больше не могъ... Всталъ я и чувствую, что голосъ мой упалъ, да-а-а... Да и насчетъ этого розоваго варенья и грибовъ мнѣ тоже въ память вшибло. Всталъ я, чувствую, что весь трясусь, и говорю: «Розъ мнѣ не надо, матушка Анна Георгіевна, а хлѣбъ свой я всегда найду у честныхъ людей!». Послѣднее слово, конечно, неосторожно сказалъ, какъ то оно само выскочило...

— Тутъ то и произошла эта колотушка, съ руганью! Только я это вымолвить успѣлъ, вскакиваетъ этотъ мальчишка, весьма проворно ко мнѣ подходитъ, руку мнѣ на плечо положилъ: « Ну, говоритъ, торопитесь !». А затѣмъ, впился въ меня своими сильными глазами, въ зрачки мнѣ смотритъ и еще говоритъ : « Не забывайте, Дюковъ, съ кѣмъ вы говорите! Нето — будетъ по-моему, сгніете вы, Дюковъ, въ чрезвычайкѣ!». Дыханіе его самое, глаза эти непосильные и рука его на плечѣ — душили меня, Матерь, какъ чадъ полынный! А тутъ, — вотъ горе то! — всплыла вдругъ передо мной какая-то, прости, Святая, бѣсовская рожа... Фридрихъ-то, Фридрихъ-то Александровичъ, который во все время разговора въ углу сидѣлъ... показалось мнѣ-то, что онъ такъ и затопилъ меня своими какъ будто ласковыми глазами, и губы его сами отъ себя зашептали это самое: «Халюнке, ти у меня полѣзешь на стѣнку!».

А мальчишка этотъ мое плечо все сжимаетъ. А я, по причинѣ моего офицерскаго званія и чина моего, надъ нимъ, мальчишкой, превосходнаго, рѣшилъ — хоть и уйти, но не сразу, не бѣгомъ... Замѣть, Святая, замѣть, — я же къ нимъ не напрашивался! И почему они, встрѣтивши меня на улицѣ, обласкали меня тогда пріютнымъ предложеніемъ?! Боюсь думать, но чую, что здѣсь были какія-то темныя глубины... Очень ужъ онъ, Георгій этотъ, на новой службѣ своей тянулся и въ довѣріе къ начальству войти хотѣлъ... А тутъ еще этотъ... со своимъ этимъ словомъ непонятнымъ и непосильнымъ: «Халюнке...» Ударилъ я этого мальчишку въ грудь — и кулакомъ, и кричу ему: «Вы хулиганъ!». А за недѣли эти я у нихъ подкормился, и было ему, должно, шибко больно. Бросился онъ на меня и опрокинулъ на полъ. И хотя ничего особо серьезнаго не произошло, но, однако... Генеральша меня за ноги держала и рукамъ моимъ мѣшала, въ материнской заботѣ, какъ бы я ея сынка не обуродовалъ, самъ-же онъ, сынокъ-то, раза два меня по щекамъ хлестанулъ. Вотъ и все... А затѣмъ я на кухнѣ очутился — и шинелька моя позади меня туда же влетѣла...

— Ну, тутъ, Святая, дальше — маленькое! Можетъ, и вспоминать объ этомъ не стоитъ... Однако, мимолетно, то-есть черезъ кухню пролетая, еще разъ унизился... и усилилъ горечь! Наталья, горничная ихъ болѣзная, и не очень болѣзная, а такъ, все болѣе представлялась, чтобы была къ ней жалость, и на ревмастики жаловалась... Какъ вокругъ молодыхъ господъ, или этого Сигизмунда, хлопотать и на чаи получать, такъ во-о какъ бѣгала! А какъ мнѣ въ чемъ услужить, такъ — ревмастики!... А страхъ улицы, — признавался уже я, — былъ во мнѣ великъ. Да и дѣло-то было къ ночи, разговорецъ-то нашъ сильно затянулся. А за кухней, подлѣ сѣней, былъ у нихъ тамъ такой, вродѣ сарайчика

для дровъ, тамъ же и всякая битая посуда, и ведра дырявыя стояли. И показалось мнѣ, Святая, мимолетно, передъ моими новыми скитаніями, что как' Россія наша общая родина-мать, и моя, и Констабельскихъ, и какъ теперь я, по волѣ злодѣйской родины какъ-бы лишился, и некуда мнѣ мою тревожную голову къ ночи преклонить, — то могу-ли я раскинуться въ этомъ маломъ сарайчикѣ для отдыха послѣдняго и безъ особыхъ угрызеній насчетъ того, что генеральша приказала мнѣ выйти вонъ? Такъ я тогда смекнулъ. И говорю къ ней: «Натальюшка, краса моя ненаглядная, какъ хочешь, а я въ этомъ сарайчикѣ на сегодня завалюсь. А за тебя — вознесу молитвы!». Она-же весьма одобрительно относилась къ молодымъ господамъ и къ Сигизмунду, а ко мнѣ опять же весьма неодобрительно. Въ Санктъ-Петербургѣ она жила въ большой тонкости и, даже, многія свои понятія французскими словами изъясняла. Такъ-что она мнѣ сказала: «Уйдите, не раздражайте меня! У меня ревматизмъ, ежели вы способны понять (это она мнѣ-то!), уйдите! А то придутъ Георгій Сергѣичъ и прибьютъ васъ!...»' Да, такъ это оно, тогда, было... И, снова, Святая я вышелъ въ темную ночь...

— Послѣ этого я еще скитался, почитай, съ мѣсяцъ. Навидался снова всякихъ людей. Приходили они — и отпадали, какъ тѣни... Искалъ смиренія всегда, но въ чувствахъ растерзанныхъ, въ изступленіи неукротимомъ, содрагался многократно, — когда, бывало, переутомлюся слишкомъ! На Твое милосердное заступство уповалъ неустанно, но отъ людей, почитай, ничего уже не ожидалъ, потому что они... какъ тѣни...

— И еще была одна колотушка, вовсе, Святая, незначительная, когда я одному человѣку не повѣрилъ, что онъ можетъ ѣсть завѣдомо тухлыя яйца. Да, такъ это оно, тогда, было... Сидимъ мы оба,

я, да этотъ человѣкъ, ночью, подъ мостомъ, за храмомъ любвеобильнаго Сына Твоего, Господа нашего Христа Спасителя. Сидимъ, оба печальные и холодные, и молчимъ, и на воду черную глядимъ. И хотя мы другъ-дружку не знаемъ, но отъ нечего-дѣлать, иной разъ, словомъ-другимъ и перебросишься! Онъ мнѣ и говоритъ: «Ѣли вы что-нибудь сегодня?». Хоть онъ «ѣли» и не сказалъ, а по-другому, но я для Тебя, Святая! А я ему и отвѣчаю, что ѣсть — ничего не поѣлъ, но что въ скитаніяхъ моихъ, какъ я Балчугомъ шелъ, — есть здѣсь, Святая, одна такая улица широкая, близъ рынка, — то видѣлъ на полу, то-есть на улицѣ, одно яйцо, которое показалось мнѣ полное, а при самой тщательной провѣркѣ, оказалось, хоть и полное, но тухлое до черноты, и я его бросилъ. А этотъ человѣкъ мнѣ говоритъ: «И напрасно бросили, а я вотъ могу ѣсть завѣдомо тухлыя яйца!». Огорошило это меня немного, потому-что отъ роду я объ этомъ ничего не слыхалъ. Думаю, — человѣкъ хвастаетъ! Помолчалъ я отчасти продолжительно, а потомъ говорю: «Не можетъ этого быть, чтобы вы могли ѣсть завѣдомо тухлыя яйца!». А онъ ко мнѣ лицо свое оборачиваетъ и спрашиваетъ: «То-есть *какъ-же* это, говоритъ, не можетъ быть?». Ну, а что мнѣ было на это отвѣтить, — я и говорю: «Да *такъ-же*; вотъ, говорю, и не можетъ быть!». Что съ нимъ тутъ сдѣлалось, я и сейчасъ понять не могу.... Какъ завопитъ на всю рѣку: «Да ты что надо мной издѣваешься!», и всякія слова, глазами въ темнотѣ сверкнулъ и — шасть!—вскочилъ, и на меня! Я ему кричу, что мнѣ насчетъ «завѣдомо» ему трудно повѣрить, что «завѣдомо»-то меня смущаетъ, а что вообще тухлость, конечно, бываетъ. А онъ и слушать ничего не хочетъ, на меня наступаетъ: Я — отъ него! Онъ — за мной! Нагналъ меня, по причинѣ моихъ ослабѣвшихъ ногъ, по затылку меня — хлопъ, хлопъ —

раза два, а затѣмъ, за плечи взявши, въ воду сбросилъ и окунулъ. Держитъ меня за плечи, не выпускаетъ — и вопитъ: «Говори, раскаиваешься-ли ты въ этихъ дерзкихъ словахъ, вѣришь теперь, что могу я ѣсть эти яйца?». Что тутъ, Святая, въ такихъ случаяхъ подѣлаешь! Я отъ всего и отрекся, хотя сомнѣнія меня тогда не покидали насчетъ «завѣдомо», и теперь не покидаютъ. Вытащилъ онъ меня изъ воды, еще подъ затылокъ далъ, на дорогу, и отпустилъ. Сильно меня тогда промокрило!...

— А потомъ — видѣла Ты меня, Милосердная, — шелъ я по переулку, громыхая, какъ Иродъ, и при одномъ только ужасъ-желаніи, и весьма опредѣленномъ... Хотѣлъ я тогда затормозить эту планету непонятную и непосильную... искали руки мои порушить всю міровую затѣю, разнести вдребезги окрестные дома — и самый воздухъ, которымъ уже и дышать я не могъ по-христіански, развергнуть и сокрушить! И жабовъ, Святая, жабовъ подковыристыхъ учуялъ я по всей земли и до самаго неба! Былъ камень міра, обросшій дикостью и густотой разящей, ядовитой! Зачѣмъ?!... Дышалъ я на него! Плескался сокомъ-то крови — изъ сердца! Зачѣмъ?! Туманъ, Святая, туманъ великій!! Однако, изъ каменной расщелины этого бытія несказаннаго исторглась, съ нѣжностью во взорѣ, Вѣра-дѣвушка... То-то, она меня пріютила! То-то, жабы подковыристыя!! То-то, рать злодѣйская!! Эхъ, Святая, Святая...

— О чемъ моя боль?! Есть у меня замышленія. Человѣкъ есть существо естественнаго мрака. Однако, — стремится къ свѣту... Были у меня, Святая, родныя поля! И сидѣлъ я въ окопахъ. То-ли вѣтеръ ходилъ надо мною, то-ли вода плавала вдали, то-ли солнцевый лучъ увѣнчалъ зеленую рощу, — а ужъ билась битьемъ веселымъ, разгульнымъ и отличнымъ моя душа! И хотѣлъ я тогда сразиться съ нѣмцемъ

на-славу.... Была же во мнѣ тогда правда простая, обыкновенная, каждому понятная... Что есть мракъ лѣса? Потемки простыя. Можетъ солнцевый лучъ скользитъ отъ поднебесья и въ самыя нѣдра земли? Всегда это такъ бываетъ, — и потемокъ ужъ нѣтъ. Можно-ли чего боятся, въ жизни, пуще смерти? Ничего. А и самая смерть не страшна!... А потомъ подошла чернота и сѣрость... И я сначала ничего не понималъ... не могъ я тогда догадаться, что это есть отъ моей-же заранѣе помутнѣвшей души — и бывшей такъ, не по моей винѣ, изначала моей жизни. Плакалъ я тогда и страшился премного! Потому-что думалъ, что это отъ человѣковъ — и отъ меня. Однако, въ скорости понялъ, что въ забвеніи Милосерднаго родилось мое непониманіе. Какъ они меня тогда избили въ кровь, и потомъ приказали жить и веселиться и вольно ходить по просторамъ земли, самому въ красные банты облечься и такъ-же возвеличить этотъ малый цвѣтокъ, — такъ стала для меня послѣдняя правда, которой и теперь поклоняюсь! Нѣту лѣса темнаго, не скользитъ никакой солнцевый лучъ, ничто никуда не уходитъ и не приходитъ, ни вода, ни вѣтеръ, а и жизни моей особой нѣтъ, а смерти и вовсе нѣтъ! Слышишь-ли Ты, Святая, мое пониманіе? Взывалъ-же я къ Тебѣ о Глафирѣ, женѣ моей, и о дѣтяхъ моихъ пропащихъ! Взывалъ и еще взывалъ — отъ одного неутомимаго понятія моего, что вся жизнь, всѣ смерти, всѣ ухожденія вдаль и возвраты вблизь, отъ воды-ли, отъ вѣтра, отъ огневыхъ-ли силъ, горящихъ мимолетно, и звѣзды всѣ, и солнце жаркое, — на заранѣе опредѣленныхъ мѣстахъ, подъ непосильнымъ Твоимъ милосердіемъ, Господи, сверкаютъ вѣчно — и не падутъ никогда! Мы въ бой вступаемъ — и продвигаемся, либо отходитмъ! А Твои, Боже нашъ, огромныя позиціи — незыблемы до безпредѣльности! Тамъ-же, Господи, тамъ-же, въ черно-

тѣ огневой и сверкающей, моему уму недоступной, исходитъ факеломъ покорнымъ Глафира, жена моя, дѣти мои... дѣтка моя любимая... Страшно мнѣ, Господи... Воззри-же на меня, плачущаго за нихъ, — безъ гнѣва, но въ милосердіи отъ моего понимания должнаго и упованія настоящаго! Воззри-же, какъ бьюся я денно и нощно въ могучей, непосильной правдѣ Твоей — и хотя крѣплюся постоянно, но плачу, плачу... Воззри-же, Господи, по велицей милости Твоей!...

— И вспоминаю я, Святая, мое дѣтство! Ходилъ давнымъ-давно къ матери моей одинъ монахъ... Монахъ онъ былъ, — прости, Святая, — непутевый... словомъ, придерживался чарочки, такъ что матушка моя дальше кухни его не допускала. Но, скажу по совѣсти, — умственныя и спасительныя вещи говорилъ такія, что было просто удивительно, и въ сердце входило тепло. Говорилъ же онъ такъ: «Богъ есть вѣчно. Благость Его, милосердіе Его есть вѣчно. А что есть самое вѣчно? Вѣчно, оно не здѣсь, и не тутъ, и не тамъ, но — замѣчай! — и здѣсь, и тутъ, и тамъ — и вездѣ — и еще всегда! А дьявола власть можетъ и могучѣе Бога быть, — да что въ ней толку! Она не вѣчно! Занесется-ли она въ видѣ секунды малой, или на огромное тысячелѣтіе даже, все одно — сгинетъ, и поминай какъ звали! Богъ есть вѣчно, а дьявола власть, она — замѣчай! — тутъ, либо здѣсь, либо тамъ — и не вездѣ — и еще не всегда!» А я, бывало, въ младенческомъ моемъ непониманіи, спрошу: «А гдѣ есть вѣчно?» А онъ — разгнѣвается и скажетъ: «А ты, малый, слушай ухомъ, а не брюхомъ. Я же тебѣ только пояснялъ!» И опять сначала... И спросилъ я его однажды: «А можно Бога видѣть?» Онъ же отвѣтилъ: «Нѣтъ, нельзя никакъ! Богъ укрылся отъ взоровъ человѣческихъ, по причинѣ нашей большой грѣшности, — развѣ только святымъ угод-

никамъ, либо какимъ мученикамъ за вѣру, въ послѣднюю минуту!» А я опять спросилъ: «А, значитъ, милость, милосердіе Божье, могу я видѣть?» Онъ же тогда сказалъ: «Вполнѣ можешь — и во всякую минуту, черезъ посты и молитвы. Потому-что я же тебѣ, вотъ, пояснялъ, что милосердіе Божье, оно — не здѣсь, не тутъ и не тамъ, но здѣсь, и тутъ, и тамъ — и вездѣ — и еще всегда!» Такъ это оно, тогда, было...

— Что-жъ, Святая! Прошли года небывалые... А тѣснитъ меня и сейчасъ эта дѣтская правда, наслушаная у человѣка убогаго, — пусть хотя бы и въ чемъ непутеваго, это не моего ума дѣло! Прошли года небывалые... А теперь, почитай, вся Россія въ постахъ и молитвахъ истомилась, насупротивъ враговъ человѣческихъ, и кромѣ развѣ какихъ-нибудь Констабельскихъ-людей! А ужъ я-то, рабъ вѣрный и постоянный... Скажу я просто! Могу я, Святая, умолить Тебя какъ-бы сопричислить меня къ мертвымъ?! Опять-же, чѣмъ я не мертвый?! Хочу я, вмѣстѣ съ ними, не нынче-завтра возстать изъ гробовъ! Жизнь свою я не творилъ произвольно, но хочу стоять на стражѣ ея, какъ часовой на посту... Возстанутъ они изъ гробовъ, покажутъ намъ свои раны, и скажутъ: «Что! Били вы насъ?!» А кто имъ въ ту пору отвѣтитъ? А я между ними буду, какъ часовой на посту, себя и всѣхъ оберегая, и тогда угомоню я всѣхъ словами великими: — Я-ли не молилъ Тебя, Матерь?! Вымоли, Владычица, вымоли, Преславная, вымоли, Благодатная, молитвами Твоими заступными и неотказными, моленіями Твоими вѣчными и неотступными, вымоли у Господа нашего, чтобы Онъ, по молитвамъ рабовъ Его погибающихъ, ниспослалъ намъ Свой единый милосердный *знакъ!*...

IX.

И однажды его забрали.

Былъ-ли доносъ со стороны, или это домашнимъ латышамъ просто надоѣло слушать его ежевечерніе вопли, — объ этомъ Никудимову ничего толкомъ узнать не пришлось. Словомъ, — забрали! Пришли и забрали.

Пришелъ тощій мальчикъ, съ шейкой, какъ у дѣвочки, и съ лицомъ перепуганнымъ и какъ-бы на самое себя недоумѣвающимъ. То былъ товарищъ комиссаръ, — съ именемъ, такимъ длиннымъ и сложнымъ, что Андрей Трофимычъ, пожалуй, и не выговорилъ бы. А съ нимъ три невѣдомыхъ латыша, державшіе винтовки и объяснявшіеся, вслухъ, на своемъ языкѣ. Тощій мальчикъ вытащилъ изъ кармана бумажку и, тщательно разыгрывая развязность въ манерахъ и непоколебимую крѣпость духа, но то-и-дѣло косясь на ноги и на руки всѣхъ мужчинъ, стоявшихъ на кухнѣ, пробормоталъ по писанному какія-то невнятныя слова. А затѣмъ Андрея Трофимыча увели.

Показалось Никудимову, что когда Андрей Трофимычъ прощался съ Вѣруней, на лицѣ его, впервые за все время его пребыванія въ домѣ, дрогнуло нѣчто похожее на понятную человѣческую улыбку... Онъ унесъ съ собой свою герань. Хотѣлъ захватить и палку. Но тощій мальчикъ испуганно взглянулъ на латышей, — тѣ не позволили, и палка осталась у нихъ на рукахъ... По Ирининскому переулку онъ шелъ бодро, стремительно поддавшись впередъ плечами и туловищемъ, и какъ-то неестественно высоко вскидывая ноги; было въ его походкѣ, отъ этого страннаго сочетанія выдвинутыхъ плечъ и вскидываемыхъ ногъ, какое-то острое подкарауливаніе ритма передъ началомъ большой пляски. Голова и глаза были чуть приподняты, — онъ вслуши-

вался въ дальнiе призывы: въ неистребимые призывы своего неугасимаго духа! Стража едва поспѣвала за нимъ. Латыши, по росту своему, подходили ему подъ-плечи. А тощiй мальчикъ — чуть-по-выше поясницы.

Но почему, — вскорѣ послѣ ареста, — онъ попалъ въ каторжную тюрьму?! Почему на него надѣли куртку, штаны и круглую шапку изъ грубаго сѣраго войлока, и взвалили ему на плечи огромную косу, и потомъ, однажды, въ такомъ видѣ прогнали по всему Разгуляю и дальше, по той когда-то заново строившейся и оставленной не-мощенной, заброшенной улицѣ, которая ведетъ отъ Разгуляя къ вокзаламъ?

Это произошло при раннемъ осеннемъ закатѣ. Ихъ было человѣкъ тридцать, они несли высокiя косы: на ножахъ загоралось бѣлымъ пламенемъ и тускло холодѣло мѣдное, помутнѣвшее солнце. Охраны не было. Но позади шагалъ маленькiй, гладко упитаный комиссаръ, съ револьверомъ въ кобурѣ. Они спускались съ высоты Разгуляя, и такъ какъ Никудимовъ шелъ снизу, со стороны Басманной, то они показались ему огромными, головою уходящими въ небо! (Впрочемъ, такъ онъ чувствовалъ и видѣлъ часто, въ тѣ дни, независимо отъ уклоновъ, всходовъ или ниспаденiй улицъ и дорогъ). На всѣхъ были благородныя каторжныя облаченiя того времени. Никудимовъ подумалъ: «Неужели бываютъ такiя большiя косы?!» А поравнявшись съ ними, остановился.

Они шли тихо, съ перевалкой, замедляя шаги и молчаливо задумавшись. Внезапно, къ горлу Никудимова сталъ быстро подбираться удушливый шаръ... Такъ-ли? Не обманываютъ-ли его глаза?! Вотъ этотъ большой человѣкъ, пытающiйся шагать *браво* — и съ такой дѣтской важностью несущiй свою тяжелую косу! Этотъ огромый человѣкъ, кача-

ющійся, шаткій, похожій на больного верблюда?! Да, это былъ Андрей Трофимычъ.

Теперь онъ шелъ, согбенный, нелѣпо мотая головой, безпрестанно вскидывая ее вверхъ и снова опуская на грудь. И черезъ каждые два-три шага онъ съ силой втягивалъ въ себя воздухъ, раздвигая губы и затѣмъ по-ребячьи надувая щеки, при выдыханіи. Онъ пытался выступать *браво!* Еще болѣе, чѣмъ прежде, отощала его шея; на два пальца отъ нея отстоялъ низкій, прямой воротничокъ его сѣрой куртки. Да, онъ былъ похожъ на больного верблюда!...

— Андрей Трофимычъ!! — громко закричалъ Никудимовъ и ступилъ на мостовую.

И, кажется, Андрей Трофимычъ узналъ его. Но когда глаза ихъ встрѣтились, когда во взглядѣ Андрея Трофимыча, какъ краткая зарница, мигнуло это раздробленное, шалое пламя напряженнаго упованія и затаеннаго хохота, Никудимовъ почувствовалъ, что отнынѣ мысли полковника навсегда покорены міромъ — ему, Никудимову, недоступнымъ.

Тогда Никудимовъ подумалъ:

«Можетъ-быть, такъ оно и полагается? Можетъ-быть... упованіе... должно сначала загасить въ человѣкѣ послѣднюю искру разумной мысли, а потомъ ужъ — въ вѣчномъ милосердіи скрѣпить?»

— Я знаю этого человѣка... Онъ боленъ! — говорилъ онъ подоспѣвшему комиссару. Но тотъ, приподнявъ обѣ руки къ своей груди и какъ-бы отстраняя Никудимова раскрытыми ладонями, строго-настрого просилъ «не вмѣшиваться не въ свое дѣло» и, кромѣ того, снисходительно, съ неопредѣленной улыбкой, объяснялъ, что Андрей Трофимычъ, можетъ быть, и боленъ, но что онъ весьма тихій и вполнѣ работоспособный человѣкъ; арестованъ же и приведенъ въ такой видъ, — насколько ему, комиссару, извѣстно, — за злостное дезертирство и

еще за какой-то поступокъ — при допросѣ. Никудимовъ быстро и прерывисто спросилъ:

— Вотъ оно что! Былъ... поступокъ?! Было... Оставили вы ему... послѣ этого... его герань?

Но комиссаръ, скользнувъ подозрительнымъ взглядомъ по лицу Никудимова, ничего не отвѣтилъ и отошелъ. А Никудимовъ подумалъ:

«Тридцать косъ — и одинъ револьверъ въ кобурѣ! Какъ, однако, они предварительно приглядѣлись къ Андреямъ Трофимычамъ!»...

Они уходили... Теперь они шли по немощеной улицѣ, вдоль деревянной ограды, подлѣ пустыря. Подъ ихъ ногами едва взбивалась тяжкая осенняя пыль... Никудимовъ глядѣлъ имъ вослѣдъ — и, почему-то, сказка далекой ранней юности и первыхъ русскихъ упованій возстала передъ нимъ, въ саванѣ мертвеца. Мысль его покорно опускала крылья.

«Съ годами, — думалъ онъ, — солнце свѣтитъ все ближе, все безпризывнѣе! А въ юности — даже закатные лучи, какъ восходящіе, смѣшиваясь съ пылью дорогъ, устилаютъ жизнь золотыми далями! Гдѣ теперь эти дали? Куда теперь уводятъ Андрея Трофимыча?! Почему коса его рѣжетъ небо?!»

И еще думалось Никудимову о томъ, что одинокое присутствіе единаго комиссара, при этомъ прощальномъ шествіи Андрея Трофимыча въ невѣдомыя дали — является, въ сущности, престраннымъ историческимъ недоразумѣніемъ. Вѣдь было-же, въ прошломъ, немало людей, которые, на протяженіи всей жизни Андрея Трофимыча, всячески травили его за то, что онъ — былъ онъ, — за то, что онъ любилъ то, что любилъ, — за то, что вѣрилъ въ то, во что вѣрилъ! Травили по-разному: по Марксу, по Виктору Чернову, еще по какому-то, или такъ — просто отъ собственнаго большого ума! Почему бы этимъ людямъ, — размышлялъ циническій Никудимовъ, — не собраться теперь въ этомъ за-

брошенномъ, одичавшемъ пустырѣ, по которому шагаетъ Андрей Трофимычъ, почему не бѣжать вослѣдъ за нимъ, потрясая въ воздухѣ разными книжицами и статейками (или, хотя-бы, просто манжетами и пенснэ, ввидѣ интеллигентскихъ кастаньетъ), и не кричать съ азартомъ галопирующихъ въ уличной пыли мальчишекъ-хулигановъ:

— Пойма-али!... Пойма-а-али!!... Пойма-а-аали!!!....

X.

А теперь Россія осталась позади! Поздней осенью 1920-го года Никудимову удалось бѣжать. Послѣдній ободранный куполъ церкви, на холму, близъ бѣлорусской деревни, ставшей пограничной, и послѣдній красноармеецъ, нелѣпо стоящій на-стражѣ позора Россіи, были ему одинаково непонятны, одинаково и жутко ненужны. Въ осеннюю ночь, на рубежѣ поверженной Россіи и передъ просторомъ тогда его манившихъ новыхъ, свободныхъ земель, возникшихъ изъ крови родины, Никудимову не было ни радостно, ни печально. Воображеніе дразнило многимъ небывалымъ, чудеснымъ! Но сердце сурово обѣщало иное, и губы убѣжденно прошептали кроткую и покорную молитву, подсказанную любящимъ другомъ. И остались позади какая-то безымянная, недожитая, но изжитая боль и мечта цѣлой жизни — и дни и ночи скитаній, бѣгства, страха, безсмысленныхъ униженій и никому ненужнаго, одинокаго изумленія, тоски...

Теперь онъ живетъ въ Парижѣ, въ кварталѣ весьма отдаленномъ отъ русскихъ центровъ, едва проглядываетъ кое-какія эмигрантскія газеты и не посѣщаетъ никакихъ митинговъ... Впрочемъ, какъ-то онъ заглянулъ-было на одно русское собраніе, въ

одномъ изъ кафэ по бульвару Монпарнассъ. И вотъ, что онъ увидѣлъ и услышалъ. Почтенный, сѣдой старецъ, съ большой библейской бородой, и бывшій когда-то въ Россіи, въ сердцѣ ея — Москвѣ, значительнымъ дѣятелемъ, — дѣятелемъ обще-государственнаго размаха, — говорилъ, обращаясь къ немногочисленной и сонной, какъ околѣвающая муха, аудиторіи: — «Религіозныя вѣрованія, какъ извѣстный комплексъ явленій, имѣющій свое право на существованіе, какъ всякая свободная вещь...» Дальше Никудимовъ не слушалъ. Онъ записалъ на листкѣ бумаги слова оратора (осталась у него эта страстишка — записывать), записалъ буквально — и сбѣжалъ.

Пишетъ онъ, впрочемъ, мало, — слишкомъ мало, говорятъ иные друзья-недруги. (Кто другъ, кто недругъ — не разберешь!). Нѣмота обуяла его! Онъ — какъ мелкая рыбешка, которой удалось сорваться съ крючка рыболова. На одно лишь мгновеніе она восприняла пропасть безводную, чудовищный обликъ человѣка, съ подъятой рукой, и учуяла огромное удушье, смерть! И сорвалась съ крючка, оставивъ на немъ кровавые кусочки своей утробы. Ядомъ исторгнутой горечи, вмѣстѣ съ каплей немощной крови, взбаламучены окрестныя воды. И въ страхѣ она погружается ко дну... Но иногда и человѣка влечетъ — къ этимъ холоднымъ, блѣднымъ и все большимъ глубинамъ, гдѣ, по словамъ одного не-русскаго поэта, одни лишь утопленники бьются лбами о выступы невѣдомыхъ утесовъ.

Дѣла его, вообще, ничтожны... Стремленія — неуловимы, блѣдны... Но иногда у него бываютъ милыя сердцу утѣхи, предпринятыя съ одной лишь цѣлью мимолетнаго торжества надъ обычнымъ теченіемъ жизни.

Онъ любитъ, иногда, въ предосеннюю золотую пору, отъѣхавъ отъ Парижа на десятокъ-другой ки-

лометровъ, засѣсть въ самой глубинѣ какого-нибудь обширнаго и густого лѣса, засѣсть на большомъ мшистомъ камнѣ, и такъ-вотъ сидѣть — весь день — отдаваясь мыслямъ, безцѣльнымъ и нелѣпымъ, а къ вечеру слушать то далекіе, то близкіе перекаты охотничьяго рога, когда онъ стонетъ и гремитъ надъ лѣсомъ, возвѣщая міру торжественную славу завершенныхъ кровавыхъ забавъ! О кровавыхъ забавахъ онъ не думаетъ, но любитъ вообразить, для собственной души, что то ангелы земные перекликаются съ архангелами небесными насчетъ прелестей лѣсного уюта, уединенныхъ мостиковъ, недоумѣнныхъ, заброшенныхъ полянокъ и вечернихъ сумерекъ, когда онѣ золотятся, дробятся, сыплютъ искрами, вспыхиваютъ красными снопами, нѣжно, боязно вздрагиваютъ и порывисто шарахаются по листьямъ, по стволамъ и по всему большому, многодумному, пышно-затихшему лѣсу! Ангелы земные докладываютъ архангеламъ небеснымъ, что у этихъ плѣнительно-встрепанныхъ всадницъ, въ охотничьихъ костюмахъ, которыя ѣдутъ игривымъ шажкомъ по лѣсной тропинкѣ и мирно, мило бесѣдуютъ красивыми голосами, душа столь же изящна и прекрасна, какъ и глаза, губы, ноздри, глубокіе, нѣжныя, тонкія, упившіеся и пресыщенные свѣжей кровью павшихъ звѣрей... Поздно! По тропинкѣ прошла согбенная, черная, востроносая старуха, съ большой связкой хвороста на спинѣ. Прошла — и спустилась въ лѣсную котловину! Исчезла... Къ какому сыну печальному, къ какой свѣтлокудрой внучкѣ, она понесла свою черную засохшую старость, свою согбенную близость къ земному тлѣну, къ мраку могилы? Ну, а если нѣтъ никого! И если она, какъ звѣрь, живетъ въ какой-нибудь лѣсной берлогѣ, среди обломковъ и лохмотьевъ прошедшей, конченной жизни, и по ночамъ страшится таинственнаго шороха мглы, этого — ей, одной, зна-

комаго — скрипа своего сердца, своего мозга! Да, въ такія-вотъ страшныя, послѣднія ночи, когда жизнь ея кончается, какъ дикая животная быль, — сохранила она хотя бы воспоминаніе о небесныхъ серафимахъ изъ пѣсенъ и сказокъ своего дѣтства? Или жизнь ея столь же тлѣнно идетъ къ небытію, какъ гніетъ дерево кровли надъ ея конурой?

Послушаемъ объ этомъ у ангеловъ лѣсныхъ, когда они воспламеняются пурпуромъ далекаго неба и первой фіолетовой звѣздой! По-истинѣ чудесны прозрачное благоволеніе, покой вечерній и соразмѣрная милость уходящаго свѣта и медленно нисходящей тьмы. Если вслушаешься въ шорохъ валежника, надъ которымъ воздухъ потемнѣлъ, и одновременно уловишь шелесть съ самой вершины дерева, гдѣ еще такъ свѣтло, то почувствуешь, что въ этотъ часъ у дня и ночи созвучное дыханіе. Какъ тихо въ замирающемъ лѣсу, подъ крыломъ нерушимой міровой свѣтотѣни! И какъ проникновенно хороша жизнь въ эту минуту! Люди играютъ на рожкѣ, поютъ пѣсни, какой-нибудь чудакъ сидитъ на старомъ камнѣ и предается растроганнымъ размышленіямъ, другіе — любятъ, иные уповаютъ, молятся! И все это, въ строжайшей, непонятной закономѣрности, блаженно минуя стезю міровыхъ блужданій, уносится высоко-высоко, до забытыхъ черной старухой пѣвучихъ серафимовъ, съ золотыми арфами, до архангеловъ небесныхъ, правящихъ міромъ однимъ лишь трубнымъ созвучіемъ, коимъ они неустанно и громогласно славятъ незыблемое величіе, совершенство, безтлѣнную крѣпость заповѣдныхъ скрижалей. И такъ, въ гармоніи вечерней благодати, къ приходу тѣней, летятъ на землю отвѣтныя милосердныя вѣянія и грозныя дуновенія Всевышняго Судіи, хоралъ раздумій Его, нераздѣльныя, сладкозвучныя строгость и благость. И никнутъ покорно наша немощь и боли, и наша не-

нужная гордость, и вотъ — и самый сокровенный ужасъ человѣка поверженъ. Человѣкъ смирился. Аллилуіа дыханію нашему въ вышнихъ! Аллилуіа вечерней благодати!

И Никудимову — легко, воздушно-легко; онъ полонъ невозмущеннымъ, какимъ-то не-русскимъ очарованіемъ!

А къ наступившей темнотѣ, когда выходишь изъ лѣса, вездѣ — вокругъ — мигаютъ огни человѣческихъ жилищъ... Въ чужихъ квартирахъ, когда заглядываешь туда изъ темноты улицы, все кажется осмысленнымъ, содержательнымъ и пребывающимъ въ мирѣ и тишинѣ. И хорошо тогда, затаивъ дыханіе, приложить ухо къ полураскрытому окну и подслушать, какъ тикаетъ, нѣжно шепчетъ и сладко шипитъ это маленькое укрытіе чужой человѣческой жизни.

И Никудимовъ ѣдетъ домой...

Въ купэ вагона третьяго класса, скудно освѣщенномъ и съ низкимъ потолкомъ, цѣлая французская семья, — возвращаются откуда-то изъ провинціи, съ похоронъ жены «дяди Жюля». Они бесѣдуютъ объ этомъ оживленно, дѣловито. Они высчитываютъ, сколько долженъ былъ израсходовать дядя Жюль на похороны жены. И каждый помнитъ какую-нибудь деталь. Дѣти-подростки высказываютъ свои восторженныя предположенія. Подъ самымъ Парижемъ, на маленькой, полутемной станціи, отецъ семейства, выглянувъ изъ вагоннаго оконца, кричитъ въ темноту:

— Ohê! Francois... Juliette... vous êtes la?

И къ вагону шумно подбѣгаетъ небольшая толпа родныхъ и знакомыхъ. Нѣжныя, пѣвучія привѣтствія и восклицанія. Необыкновенно быстрые и мѣткіе разспросы и отвѣты. Въ одно мгновеніе, — меньшее, чѣмъ то, которое потребно иному московсковскому купцу для чиханія, — дружно подобра-

на и скрѣплена нить общей жизни, лишь временно порванная отъѣздомъ и дальними похоронами. Поѣздъ тронулся...

— Et ce pauvre Jules, comment est-il — кричитъ женскій голосъ изъ толпы.

Но поѣздъ ускоряетъ ходъ, и отецъ семейства, изогнувшись надъ оконцемъ, машетъ шляпой въ темноту и едва успѣваетъ выкрикнуть свое основное впечатлѣніе:

— Jules... merci... Jules a trouvé l'enterrement épatant!

И Никудимовъ продолжаетъ думать, въ порядкѣ недавняго лѣсного очарованія:

«Какъ это просто — и какъ хорошо! Бѣдный вдовецъ, черпающій подлинное утѣшеніе въ томъ, что жену его похоронили шикарно...»

А по возвращеніи въ городъ, уже на бульварахъ Парижа, сквозь сѣтку дождя и запахъ мокраго асфальта, среди желто-пышущихъ электрическихъ огней, закутанныхъ въ тѣни черныя, какъ сажа, среди постоянно разверзаемыхъ зеркальныхъ дверей ресторановъ, въ угарѣ табачнаго дыма, острыхъ благовоній и алкоголическихъ фантасмагорій, передъ Никудимовымъ проносятся видѣнія танцора и танцорки! Это предѣльныя устремленія послѣ-военной жизни цѣлаго народа, это жажда, чаяніе, пріятной, смрадной наготы мужского ума и все большей обнаженности женскаго тѣла. Безстыжество и великолѣпіе! Экстазъ и смутная услада поруганія уже не-нужныхъ чистыхъ истоковъ рожденія, любви и смерти. Это послѣднее оправданіе жизни, ставшей нелѣпой, сладостной, злобной, — какъ наша похоть. Это *онъ* — разумный, все и всѣхъ прозрѣвшій хищникъ и разрушитель! Онъ скроменъ, онъ смиренно затаился. Онъ умница, ничѣмъ не смущенный и всегда, во всякомъ слу-

чаѣ, сознающій свою правоту. А *она* — чувственная простушка! Но не Венера, радостно-обнаженная! А Саломея... Сейчасъ она потребуетъ голову Крестителя!...

Но Никудимовъ все еще цѣпляется за свое лѣсное вдохновеніе, и даже въ этомъ фатальномъ шествіи пьяницъ, альфонсовъ, темныхъ дѣльцовъ, распутниковъ и блудницъ, онъ ищетъ волшебныхъ отраженій и интимной музыки, той милой мистеріи, которая давнымъ-давно, въ раннемъ дѣтствѣ, разыгралась въ его сердцѣ; тогда у него была русская книжка для дѣтей младшаго возраста, а въ ней картинка съ пояснительной надписью:*иностранный городъ!*... Однако, онъ утомленъ чрезвычайно. И его усталая мысль, распираемая и пресыщенная прелестями чужой жизни, незамѣтно, тихонько возвращается къ Россіи. Онъ вспоминаетъ Москву, ту — старую — бывалую...

Онъ помнитъ московскіе лѣтніе дни... Онъ помнитъ пыльныя тумбы вдоль улицъ, — кривыя, задумчивыя тумбы, ни на что не похожія! И дребезжаніе ломовыхъ телѣгъ по булыжнику мостовой! И запахъ рыбы и дегтя вокругъ вокзаловъ и рынковъ! И всю эту послѣобѣденную большую московскую скуку, когда, среди бѣла-дня, вся Москва, — даже та, которая какъ-будто бодрствуетъ и движется, — глубоко погружается въ забвеніе, въ сонъ, въ небытіе. Идешь, съ понурой головой, гдѣ-нибудь далеко, за Басманной, за Разгуляемъ, и сворачиваешь въ тихій, пустой переулокъ! Смотришь, — ни души, а передъ тобой — пригорокъ, и телѣжка съ поклажей ползкомъ одолѣваетъ эту ничтожную городскую кручу; возчикъ сѣлъ бокомъ, поводья опустилъ, на лошаденку не смотритъ, — можетъ-быть, и заснулъ! И вѣдь казалось-же ему, Никудимову, еще тогда, что эта русская телѣжка есть только блѣдное атмосферическое отраженіе другой насто-

ящей телѣжки, на самомъ дѣлѣ продвигающейся впередъ, въ далекой, невѣдомой, но реальной странѣ! Но тогда онъ думалъ, что такая призрачность Россіи, такое ея невещественное бытіе — есть только знакъ особой Божьей благодати, ниспосланный, какъ лучшая посула, какъ высшее предзнаменованіе грядущей безплотной побѣды для «жизни будущаго вѣка». И сердце опрокидывало внѣшнюю, видимую логику вещей и явленій, и въ самой не-вещественности Россіи, во всѣхъ этихъ сѣрыхъ призракахъ, безцѣльно и шатко бродящихъ по ея землѣ, угадывало единственно-подлинное, дѣйствительное, не преходящее, не тлѣнное, но вѣчное бытіе человѣка и вселенной. А теперь — онъ ничего не знаетъ! И только страшится этого, на его-же глазахъ догорѣвшаго броженія плоти человѣческой, и смутно понимаетъ еще горячую, но уже завершенную текучесть жизни....

Итакъ, — онъ ничего не знаетъ! Однако, иногда онъ длительно упивается ядомъ какого-то гордаго торжества и слѣпого успокоенія. Даже при воспоминаніи объ Андреѣ Трофимычѣ, — когда его потянетъ помолиться! Даже на порогѣ храма, — гдѣ душа человѣка вздрагиваетъ въ послѣднемъ, безпокровномъ, обнаженномъ отъ всякихъ житейскихъ путъ, испытаній, — онъ вспоминаетъ московскій пустырь, тяжелый осенній закатъ... И медленно, — ползучей, раскаленной твердью, — сгущается и каменѣетъ въ немъ недоумѣніе, всегда одинаково гложущее мозгъ и сердце, всегда все то же... Великихъ закатовъ, ликующихъ восходовъ — нѣтъ! Солнце встаетъ и уходитъ близко! И пыльныя дороги никуда не ведутъ... Спаяны во-едино частицы раскаленной тверди. Вотъ холодъ вѣчный, вотъ забвеніе! Искомое чудо, давно желанное, насыщенное древней тяжестью — и новой жаждой, неутолимой!

пустота... Странно!... Страшно!... Онъ ничего не знаетъ! Ничего!...

Только въ этомъ сознаніи своего безсильнаго невѣдѣнія, неодолимаго никакимъ упорствомъ разума, онъ и черпаетъ силы для малыхъ, — какъ пепелъ, невѣрныхъ и шаткихъ, — дѣлъ своей жизни, а порою, и для большого упованія, которое поднимается въ немъ, какъ мельчайшая капля воздуха со дна глубокаго колодца, — поднимается, вздыхаетъ, сверкнетъ въ огнѣ вездѣсущаго свѣтила, рвется къ просторамъ дальнимъ и невидимымъ и — внезапно, всей всеобъемлющей малостью своей, развергаетъ и постигаетъ и міроzданіе и Творца. Тогда изъ-за рѣзкаго поворота всей его жизни, изъ тумана оставленнаго позади русскаго бытія, выходитъ поступью неровной и медленно грядетъ мимо него — Андрей Трофимычъ... Онъ несетъ свою высокую косу. Онъ сгибается низко и, снова, упорно прямится. Опять, — какъ *тогда*, — голова его уходитъ въ небо. Онъ несетъ свою высокую и тяжелую ношу. Въ раздробленномъ пламени его глазъ — вся жизнь, весь міръ, весь сущій Богъ! Онъ несетъ свой высокій и тяжелый Крестъ.

Парижъ, февраль, 1925.

ВѢРУНЯ НА КУХНѢ.

(Вмѣсто пасхальнаго разсказа).

1.

ПРОСТАЯ БЫЛЬ.

Въ одномъ изъ Ирининскихъ переулковъ, въ Москвѣ, въ деревянномъ домѣ, гдѣ жизнь была разрушена такъ называемой октябрьской революціей, жила дѣвушка-подростокъ. Ее звали Вѣрой. Но родные и знакомые, любившіе ее, (а не любившихъ, кажется, и не было) всегда называли ее Вѣруней... Я не сразу полюбилъ это имя. Для меня, для моего воспоминанія о ней, одно лишь «Вѣ» — стройно и прекрасно. Но глубокое. рѣзкое «ру» и разслабляющее носовое «ня», въ своемъ хрупкомъ и скользкомъ сочетаніи, безсильны воплотить простой и героическій образъ дѣвушки былой Россіи. Но въ этомъ имени, созданномъ любовью и лаской, есть древняя пѣвучесть и тяжкость, смягченная шаткимъ умиленіемъ. И, можетъ быть, въ немъ правда, незатѣйливая правда жизни. Постепенно я сталъ къ нему привыкать, носить его въ себѣ, крѣпко запечатлѣннымъ въ сердцѣ. И, наконецъ, полюбилъ его. А теперь я не въ силахъ ничего измѣнить.

Какъ она жила? Въ чемъ проходила ея жизнь?

Ея жизнь проходила на кухнѣ. Она работала — на себя и на другихъ. Больше всего на другихъ.

Въ седьмомъ часу, еще до восхода солнца, утрешняя работа Вѣруни бывала закончена. Полъ, — на кухнѣ и въ прихожей, — загрязненный, какъ всегда, сапогами жильцовъ-латышей, начисто вымытъ. Картошка — очищена, омыта и сварена; плита, кастрюли и посуда — блестѣли! Въ это зимнее предразсвѣтное время всѣ въ домѣ еще спали, а изъ комнатъ латышей въ кухню доносился ихъ тяжелый, разнотонный храпъ. Они занимали почти весь домъ; внизу — бывшую гостиную, бывшую дѣтскую — ея, Вѣрунину — и двѣ комнаты верхняго этажа; а «папочка съ мамусей» жили въ третьей комнатѣ верха, въ опустѣвшей комнатѣ Николая, жили — теперь уже поневолѣ вмѣстѣ, примиренные, молчаливые, въ этой загадочной «лабораторіи» исчезнувшаго сына, въ этой самой, теперь такой печальной «каютѣ капитана Гранта»... Лабораторія... каюта капитана Гранта... — поблеклые отзвуки и тѣни недавняго, но такого далекаго прошлаго!

Вѣруня торопливо заканчивала свою работу при трепыхавшемъ свѣтѣ крохотной лампочки-коптилки, собственноручно смастеренной братомъ Николаемъ, незадолго до его ареста и исчезновенія. Затѣмъ она изготовляла, изъ старыхъ газетъ, пакетики съ ѣдой и писала на нихъ нѣжныя слова: «для папочки», «для мамуси» и еще для разныхъ другихъ лицъ, знакомыхъ и мало-знакомыхъ, уродливыхъ и присноблаженныхъ странниковъ тѣхъ дней, бродившихъ по улицамъ, заходившихъ въ чужіе дворы — и находившихъ картошку, корку хлѣба, а иногда и ночлегъ на кухнѣ у Вѣруни. Потомъ она торопливо накидывала на себя шубку, торопливо и нервно крестилась,

покидала спящій домъ и бѣжала по полутемнымъ улицамъ на другой конецъ города. Здѣсь она служила — въ «районномъ бюро по регистраціи продовольственныхъ карточекъ».

Работа была не трудная. Подсчетъ и записи по графамъ. И очень большая скука, и говоритъ не-охота — съ товарками или съ мужчинами-сослуживцами! Не-охота — да и боязно! Иной — изъ какой-то комъячейки — послушаетъ-послушаетъ тебя, а потомъ такъ мрачно заглянетъ въ глаза, что (какъ говорила сама Вѣруня) «такъ тебя въ дрожиментъ и ударитъ».

Былъ среди этихъ служащихъ высокій юноша. съ очень длинными руками, свѣтловолосый и съ рябымъ, глубоко изрытымъ оспой лицомъ; глаза у него были прозрачные, неподвижные. Онъ былъ сыномъ портного, и когда-то, очень давно, жилъ въ подвалѣ каменнаго дома, по-сосѣдству съ Вѣруней. Онъ даже и въ гостяхъ побывалъ у нея и Николая — лѣтъ десять тому назадъ, на Рождествѣ, когда отецъ Вѣруни созвалъ дворовыхъ дѣтей на елку. Тогда то, вѣроятно, зародилась въ немъ нѣжность — горькая, какъ полынь — и непримиримая вражда. Онъ помнилъ Вѣруню... Какъ то разъ, послѣ службы, онъ вызвался проводить ее до дому. А она по дорогѣ призналась ему, что еще задолго до революціи, когда былъ арестованъ одинъ изъ товарищей Николая, она полюбила эту революцію и все мечтала о заговорахъ, о конспиративныхъ квартирахъ, о бомбахъ, приносимыхъ подъ полою... но, только, чтобы все это было «за царя» и «противъ» таинственныхъ негодяевъ въ маскахъ! Съ тѣхъ поръ, послѣ этого разговора, ей становилось жутко, когда этотъ высокій юноша съ прозрачными глазами пожималъ ея руку. А у него рука

всегда была потная, скользкая, холодная. Онъ былъ коммунистомъ.

Жутко, да! Но она не боялась его. Страха въ ней не было никогда. Ничего и никого она не страшилась.

Какой же страхъ, — когда и въ самые страшные дни, среди голода и убійствъ, ей снились веселые сны... Разсказывала она:

— Мнѣ снилось, что я лилипутъ и попала въ плѣнъ къ какому-то Чингисъ-хану. Тутъ меня схватили и посадили къ нему на пузо. Сначала все шло хорошо. Онъ только хохоталъ и щекоталъ меня. Но потомъ мы стали бороться, и я чувствую, что перевѣсъ на моей сторонѣ. Вдругъ, пузо его осѣло, какъ вода, и я одолѣла!

А за ночной работой съ иглой, когда глаза ея смыкались отъ усталости и она засыпала сидя, ей снилось, что она — *мережка* и что *ею* отдѣлываютъ — или, какъ пестрядью, вышиваютъ огромныя полотнища, горящія веселыми узорами утрешнихъ зорь, великимъ восходнымъ заревомъ небесныхъ далей.

Какой же страхъ, — когда она не испытывала подлиннаго страха даже тогда, когда говорила: «Вотъ страшно-то!». А нерѣдко она восклицала такъ, думая объ этихъ блѣдныхъ бродягахъ, заходившихъ на кухню за коркой хлѣба. Тутъ были разные. Знакомые — и незнакомые. Молчаливые — и безъ умолку болтавшіе. Иные показывали ей оружіе и много говорили о томъ, что они отомстятъ, прольютъ проклятую кровь, убьютъ! «Вотъ страшно-то!», восклицала она, но не пугалась нисколько. Другіе молились громкимъ голосомъ, изступленно кричали, бредили Богомъ, и кланялись ей въ ноги, стукая головой о полъ. «Вотъ страшно-то!», — восклицала она, но жалѣла такихъ людей еще больше другихъ и все придумывала, чѣмъ бы ихъ под-

кормить. Случилось какъ-то, напалъ было на нее страхъ — изъ-за одного стихотворенія. Читалъ свое произведеніе знакомый сочинитель. Думалъ онъ тронуть ее своимъ давнишнимъ ребячьимъ творчествомъ. Хотѣлъ угодить и ей, и себѣ. Начиналось стихотвореніе такъ:

«Я бродилъ по улицамъ, убогій,
Было холодно и скучно мнѣ,
Рядомъ шелъ мальчишка босоногій,
Пятачокъ просилъ подать къ зимѣ.
Холодно ему — и страшно,
Страшно жить среди большихъ домовъ...»

Но тутъ и Вѣрунѣ стало страшно. И она прервала поэта... Онъ хотѣлъ въ трагически-ровныхъ строфахъ (ровныхъ, какъ похоронный маршъ!) разсказать ей о ночныхъ огняхъ Большого Театра въ Москвѣ, гдѣ происходитъ балъ-маскарадъ; а онъ, юный, но уже граждански-доблестный («убогій»!) поэтъ — скромно проходитъ мимо и размышляетъ о преступной роскоши большихъ городовъ и о бѣдности, которая ютится рядомъ. Все это было трогательно! Все это было по Некрасову! А она прерываетъ его:

— Дали вы этому мальчику пятакъ?

Поэтъ взмолился:

— Вѣра Дмитріевна, такъ нельзя! Слушайте, слушайте...

Но она настаивала на немедленномъ отвѣтѣ. И какъ онъ ни былъ увлеченъ своими доводами въ пользу дальнѣйшаго чтенія, но пришлось ему... заглянуть въ ея глаза. И тогда онъ осѣкся, замолчалъ, подумалъ — и сказалъ:

— По улицамъ мальчишка шелъ,
Морозъ пробралъ его жестоко.
А я тамъ былъ. Въ мгновенье ока
Я далъ ему пятакъ
И тотчасъ отошелъ.

А стихотвореніе онъ разорвалъ.

Страхъ, — вдали, гдѣ темнота и неизвѣстность! А у нея жизнь была подъ рукой. Но страхъ передъ людьми есть также возданіе за нашу злобу, хотя бы и только возможную. А она не умѣла ненавидѣть. Ея чувства скользили, не колебля большой глубины, но радостно играючи, какъ быстрая струя рѣчной зыби вослѣдъ за парусной лодкой, бѣгущей въ солнечный день, подъ легкимъ вѣтромъ! И однажды, когда мимо нея, въ веселомъ сверканіи штыковъ и красныхъ тряпокъ, громоподобно пронесся тяжелый грузовикъ, гремѣвшій криками, свистомъ и улюлюканьемъ, она долго глядѣла ему вослѣдъ, а потомъ потупилась и тихо спросила... Сѣрымъ стало лицо ея спутника, когда онъ услышалъ эти слова:

— Скажите, не слишкомъ-ли мы строги къ большевикамъ?

Что дѣлать! Захотѣлось на мгновенье и ей, вмѣстѣ съ веселыми ребятами, лихо помчаться, помахать флажкомъ, покричать и даже посвистать... Еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ театрѣ, она — вмѣсто «браво» — какъ-то закричала: «ура-а!».

II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРОСТОЙ БЫЛИ

«Районное бюро по регистраціи продовольственныхъ карточекъ» было расположено въ домѣ казненнаго человѣка. Онъ былъ казненъ за богатство. Кухня въ его квартирѣ помѣщалась отдѣльно отъ прочихъ комнатъ, въ концѣ длиннаго и темнаго коридора. А окно кухни выходило на глухую бѣлую стѣну, по которой, въ эту зимнюю пору, вились голые прутья дикаго винограда и хмѣля. Сюда Вѣруня приходила во время обѣденнаго перерыва.

Здѣсь она съѣдала принесенный изъ дому холодный картофель съ солью. Пока ѣла, сбрасывала шкурки картофеля въ раковину подъ кухоннымъ краномъ; но покончивъ съ ѣдой, собирала ихъ въ газетную бумагу и бросала въ помойное ведро, — а самую раковину, по привычкѣ, подчищала и обмывала. А затѣмъ, умывши руки, она садилась на подоконникъ и, глядя на бѣлую стѣну и на голые прутья, надломанные, безсильно повисшіе, предавалась размышленіямъ — и тихонько, сама съ собой, горевала о прежней жизни... Дома ее поджидала обычная вечерняя работа и уходъ за ослабѣвшими отцомъ и матерью... Они не покидали своей комнаты, не двигались... Какъ-это они протянутъ эту зиму! Картошка-то, вѣдь — на исходѣ! И нельзя теперь, — какъ это бывало лѣтомъ, по воскресеньямъ, — съ утра собраться за Сокольники или за Марьину Рощу, чтобы тамъ самой нарыть и на себѣ принести въ городъ эту картошку... Вотъ горе-то!...

Въ прежней жизни больше всего она любила катанье на конькахъ. Любила и конфекты, сладости... Она была гонщицей въ гимназическихъ заѣздахъ, брала призы. Когда мчишься прямо и быстро, то тягаешься съ вѣтромъ и чувствуешь себя сильнѣйшей! А на поворотахъ захватываетъ духъ, но нужны осторожность, ловкость, выдержка, и тогда скакнешь на слѣдующую прямую однимъ ударомъ ноги, однимъ броскомъ, — точно по воздуху скакнешь! Но теперь пруды на бульварахъ занесло снѣгомъ, фонари вокругъ нихъ не горятъ, теплушки заброшены, и какъ-то вечеромъ, когда она проходила мимо, въ самой серединѣ пруда, въ порывѣ вѣтра, поднялся высокій бѣлый столбъ, похожій на привидѣніе въ саванѣ... Гдѣ-то на чердакѣ ржавѣютъ теперь ея «снѣгурочки»... И конфекты — тоже исчезли! Выдаютъ разъ въ три мѣсяца, по осьмуш-

кѣ! Неужели-же они такіе жадные, эти большевики?! Убиваютъ людей, — а живымъ ничего не даютъ?...

И вотъ, однажды, когда жителямъ столицы выдавались конфекты, Вѣруня взяла по карточкамъ для себя, для отца и для матери. Свою порцію она съѣла по дорогѣ, идучи домой. Съѣла также одну карамельку изъ отцовской порціи и одну — изъ материнской. «Ничего, — грустно и сурово подумала она, — ничего, обойдутся! Имъ вредно... при сидячемъ образѣ жизни!» Но на слѣдующій день, въ бюро, всѣ служащіе, и дамы, и мужчины, напропалую сосали карамельки — и Вѣруня затосковала. А въ ящикѣ ея стола лежали карточки, недавно-лишь сданныя владѣльцами, по случаю предстоящаго выѣзда изъ Москвы: приносили какіе-то робкіе люди, — такъ полагалось «по декрету». А на карточкахъ этихъ были не-использованные купоны на конфекты: можно было снести карточки въ лавку, получить конфекты, и положить обратно въ ящикъ...

Въ обѣденный перерывъ она прошла на кухню, закусила — и затосковала еще больше. Она возвратилась въ пустую комнату бюро, достала изъ ящика три карточки съ не-отрѣзанными купонами, поглядѣла на нихъ сосредоточенно, строго, а потомъ сунула ихъ къ себѣ подъ корсажъ, за лификъ. «То-то, — подумала она, опять рѣшительно и грустно, — то-то! Мы еще потягаемся, господа!» И тотъчасъ-же въ сосѣдней комнатѣ загремѣлъ стулъ — и на широкомъ бездверномъ порогѣ появился высокій юноша съ длинными руками. Онъ ничего не сказалъ ей, прошелъ мимо нея, съ опущенной головой, одѣлся въ передней и вышелъ на улицу. А она-то думала, что никого не было, что никто ничего не видѣлъ! Сердце въ ней заныло. Какая-то

острая тѣнь скользнула передъ ея глазами, и пахнуло на нее холодомъ погреба...

Это было зимою 1918-го года. Въ тѣ дни еще дѣйствовали такъ-называемыя районныя или участковыя чрезвычайныя комиссіи, — хотя онѣ считались «упраздненными» какимъ-то декретомъ... И не прошло и часа, — служащіе бюро только-что собрались на работу, былъ среди нихъ и сынъ портного, рябой, — какъ въ комнату, гдѣ сидѣла Вѣруня, торопливо и легко вошелъ человѣкъ съ дымными глазами, одѣтый въ кожаную куртку, комиссаръ, а съ нимъ — три красноармейца съ винтовками. Войдя, комиссаръ поискалъ глазами сына портного. Тотъ тотчасъ-же всталъ, подошелъ, сказалъ:

— Вотъ эта!

Его нижняя губа разслабленно отвисла. Онъ не глядѣлъ на Вѣруню, но указывалъ на нее пальцемъ. Комиссаръ спросилъ сорвавшимся голосомъ:

— Вы что-то украли?

— Нѣтъ! — рѣшительно сказала она. — Я ничего не украла!

Комиссаръ взглянулъ на сына портного. Тотъ грустно и утвердительно поникъ головой. Тогда комиссаръ сказалъ:

— Я долженъ буду васъ обыскать.

— Ищите! — сказала она, становясь все болѣе красной.

Красноармейцы подошли къ ней. Одинъ изъ нихъ, необычайно худой и желтый, въ длинной кавалерійской шинели, положилъ руку на ея плечо. Она взглянула на него... голова ея медленно закружилась. Отъ него пахло потомъ, онъ обсасывалъ свои тонкія безкровныя губы, а лицо его было похоже на желтую маску — такую, какую надѣваютъ иногда, на святкахъ, для страха. И какъ-же больно

онъ стиснулъ ея плечо, — неужели такъ надо?! А комиссаръ еще разъ спросилъ: — «Вы взяли?»

— Я взяла! — крикнула она, вскакивая со стула, какъ-то смѣшно разводя руками и присѣдая, точно танцуя дѣтскую кадриль. И одновременно и слезы, и горячіе лучи улыбки затопили ея глаза.

— Вотъ онѣ! — кричала она, задыхаясь и передавая комиссару карточки. Вотъ онѣ! Всего три осьмушечки!

Комиссаръ снова взглянулъ на сына портного, отошедшаго къ своему столу. Тотъ сидѣлъ, низко опустивъ голову на грудь, глубоко погруженный въ свою печальную грезу. Казалось, — свершались передъ нимъ какія-то давно взлелѣянныя чаянія, и вотъ онъ встрѣчаетъ ихъ великой печалью...

— Пойдемте! — сказалъ комиссаръ. Его голосъ нѣжно понизился, а дымные глаза странно посвѣтлѣли.

Она сразу-же бросилась въ переднюю, схватилась за шубку. Но комиссаръ сказалъ: — «Сюда!», указывая на коридоръ, ведшій на кухню, и отнялъ у нея шубку:

— Не безпокойтесь!

И она побѣжала по коридору впереди всѣхъ, бойкая, вольная, летящая, какъ вѣтеръ....

«Значитъ, — арестъ! Цѣлый день! Можетъ-быть, больше! Отецъ... мать... Испугъ-то для нихъ какой, когда узнаютъ! А кормиться-то какъ они будутъ?! Вотъ горе-то! Ну, да она нажметъ на этого комиссара по-своему, — и говорить ему не дастъ! Разъ, два — доказано! Три осьмушечки, чепуха-то какая! Отца и мать кормить надо! Доказано — и отпускай на волю!..

. . . .

Ее убили на кухнѣ, возлѣ раковины, на томъ

самомъ мѣстѣ, гдѣ, нищая труженица, она ѣла холодный картофель, добытый трудомъ своихъ рукъ.

Мгновенно она пыталась отбиваться. Тяжелый ударъ по темени ослѣпилъ ее. Какъ львенокъ она бросилась на ударившаго ее... Но какъ затопотали ея ноги, когда въ послѣднее мгновенье она поняла, — точно вспорхнуть хотѣла! Какъ закричала она: «мама»! Какъ затрепетала вся, точно птица малая, зажатая въ кулакъ, порываясь прочь отъ этого страха, прочь! Но люди тутъ-какъ-тутъ, взрослые, сильные, съ бородами и съ оружіемъ — и хотятъ ея смерти! И смерть пришла. Сверкнула какъ молнія. Налетѣла какъ тѣнь. Стала тучей черной. И уже выходитъ изъ кухни предводитель-комиссаръ, съ дымящимся револьверомъ, идутъ за нимъ по коридору трое другихъ, въ картузахъ, въ гетрахъ, съ винтовками, покидаютъ домъ, сворачиваютъ за уголъ переулка и большими шагами уходятъ въ пустынность русской жизни...

Можно еще упомянуть о томъ, что черезъ нѣсколько дней, въ газетѣ, издаваемой отъ имени русскихъ рабочихъ и крестьянъ, было напечатано, что Вѣруня была «расстрелена» по постановленію московской чрезвычайной комиссіи за систематическое расхищеніе государственнаго имущества, являющагося неотъемлемымъ достояніемъ всѣхъ трудящихся россійской совѣтской федеративной соціалистической республики... И еще о томъ, что подлинные русскіе рабочіе и крестьяне, узнавши объ этомъ, ровно ничего не сказали...

Скажутъ-ли когда-нибудь?

III.

НЕМНОГО СКАЗКИ.

На небѣ произошло великое смятеніе, едва узнали тамъ о кончинѣ Вѣруни. Мгновенно легіоны

ангеловъ, оторвавшись отъ предножья Престола Вседержителя, взмыли въ серебряныя пространства вселенной и устремились къ землѣ — туда, гдѣ Россія, и Москва — и достигли тверди, и снизились по переулку, вокругъ дома, гдѣ лежала дѣвушка — бездыханная — на кухнѣ. Всѣ держали свѣтоносные мечи, всѣ были строгіе ангелы. Но старшій ангелъ былъ еще строже; онъ былъ грозный. И мечъ его сіялъ блескомъ возмездія, пылалъ какъ кровь. Тихимъ вѣтромъ, безслышнымъ трепетомъ, пронесся онъ по коридору дома. Вслѣдъ за нимъ пронеслися другіе изъ множества, пока снаружи, въ предѣлахъ переулка, и всей Москвы, и Россіи, и міра всего — на стражѣ стояли легіоны! Вошли, наполнили кухню сіяніемъ очей и крыльевъ, благоуханіемъ ликовъ, приблизились неуклонно къ умершей, поникли надъ ней... То-ли пепелъ старый, пожираемый новымъ огнемъ, то ли сѣмя полыни, взрываемое бурей, — скажите мнѣ, что шелестѣло тогда на кухнѣ, что шелестѣло, и билось, и горѣло рвеніемъ непонятнымъ? Чу! Прогремѣла тишина, когда рдѣли пламена мечей, развившія сѣрую темень дальнихъ угловъ — и свершилось на кухнѣ отъ Бога таинство, въ которомъ громоподобный трепетъ грядущаго боя за жизнь вѣчную. Тогда старшій опустилъ свой мечъ, горящій, въ капли Вѣруниной крови на полу.Острѣе запылалъ мечъ, грознѣе сталъ ликъ старшаго ангела. И взяли они убитую, взяли ее, какъ живую Божью душу, — средь строгихъ думъ, въ грозѣ застывшаго мгновенья. Затѣмъ покинули землю и, большими ударами крыльевъ постигая пространства вселенной, понесли Вѣруню къ Богу...

Тогда увидѣла она безбрежную воздушную пустынь, океанъ туманностей, хаосъ эфирныхъ тканей и огней блуждающихъ средь тихихъ звяканій безплотныхъ колокольцевъ. «Что это?» — подумала

она. Вдругъ — свѣтъ! Вдругъ — гусли и свирѣли! Вдругъ — гармонія... благоговѣніе... покой! «Что это?» — опять подумала она. Тогда увидѣла она Бѣлый Свѣтъ, Смотрящій на нее. И поняла — и испугалась. И такъ какъ была она, отъ природы, простодушной, но въ такомъ своемъ простодушіи — хитрой, то, тотчасъ-же вспомнивъ о купонахъ на конфекты, рѣшила пока объ этомъ умолчать, но поспѣшила сказать о другомъ... (На тайныхъ подступахъ къ желанному предѣлу я подслушалъ ея дѣтскія и вѣчныя слова).

— Господи, — сказала она, — они меня били! И хотѣла показать на свою голову и плечи въ крови.

— *Я знаю!* — сказалъ ей Самъ Іисусъ Христосъ, Господь нашъ, — ибо это былъ Онъ! И Онъ положилъ Свою руку на ея глаза.

Что тутъ дальше было, никто не дерзаетъ знать. Ибо здѣсь раздается невѣдомый всплескъ и въ сказкѣ, и въ молитвѣ незримаго бытія. Но при одномъ помышленіи объ этомъ невѣдомомъ, — тамъ, въ Москвѣ, узнавши о смерти Вѣруни, — изъ дали думъ, прочь отъ земли меня унесшихъ, я увидѣлъ эту землю — горѣвшую, какъ вспыхнувшая угольная пыль... и небо, какъ огненный шаръ, дыбилось, лопалось, стенало, и некуда было уйти отъ огня; а строгіе ангелы, налетѣвшіе какъ вихрь, въ невыносимомъ сіяніи очей и крыльевъ, въ огнѣ мечей, гнали родъ человѣческій въ бездну ужасную; а отъ ужаса такого не было голоса даже у тѣхъ, кто хотѣли кричать: Горе!.. Горе!..

Парижъ, 1926 г.

СЛУЧАЙ НА ФРОНТѢ

I.

Это произошло весною 1916-го года, на фронтѣ; 8 или 9 апрѣля, въ лѣсу Виленской губерніи, Свенцянскаго уѣзда, верстахъ въ двадцати отъ мѣстечка Поставы, гдѣ въ тѣ дни проходили русскія передовыя позиціи. То, что я здѣсь видѣлъ, тогда поразило меня, какъ чудо.

Я ѣхалъ на лошадяхъ въ направленіи мѣстности, называемой «Волки», бывшей въ то время станціей узкоколейной желѣзной дороги (позже перешитой на широкую). Въ пяти-шести верстахъ отъ Поставъ, близъ станціи, въ деревнѣ Монченята, я долженъ былъ заночевать въ строительномъ отрядѣ, а на утро, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда и группой саперовъ, добраться и до Поставъ... Весенняя распутица и безпрерывные дожди превратили проѣзжую дорогу въ сплошную мѣшанину топкой грязи; мѣстами представлялось почти невозможнымъ выбраться изъ этого болота. Лошади по брюхо увязали въ грязи, отбивая себѣ ноги, и выбивались изъ силъ, выкарабкиваясь изъ рытвинъ, наталкиваясь на ухабы. Солдатъ-возница, то и дѣло, слѣзалъ съ повозки и крикомъ и понуканіями подгонялъ лошадей. — Вотъ, какъ попадемъ въ э-вонъ лѣсокъ, — сказалъ онъ мнѣ, — и проѣдемъ одно мѣсто, то ужъ тамъ дальше дорога

полегчаетъ. Да только мѣсто такое... — онъ неодобрительно и недовѣрчиво мотнулъ головой — у-у, проклятое!

Но когда мы углубились въ лѣсъ и приближались къ тому мѣсту, которое солдатъ назвалъ проклятымъ, до нашего слуха стали доноситься раскаты, гулъ человѣческихъ голосовъ. Мы прислушались. Крики раздавались неумолчно и разносились далеко, по всему лѣсу... Я узналъ эти крики. Сколько разъ, раньше и позже, я слышалъ ихъ — и до сихъ поръ, повторяясь въ памяти, они томятъ-томятъ мою душу! То были надрывные крики русскаго фронта, — крики, вопли, тяжкіе стоны народа, грудью навалившагося на кокое-нибудь препятствіе въ мертвой природѣ и въ мучительномъ и неуклюжемъ напряженіи мышцъ, энергіи, воли, одолѣвающаго и собственную склонность къ покою и къ лѣни, и упрямую неподвижность міра бездушнаго...

— Значитъ, утопли! — сказалъ мой солдатъ, и губы его дрогнули въ едва замѣтной улыбкѣ: печаль ли въ ней, или насмѣшка — разобрать невозможно. — Ну, теперь — намъ подождать!...

Мы подъѣхали ближе... Сначала увидалъ я — лошадей, по-двѣ и по-три, пять или шесть упряжекъ цугомъ. Но вотъ и они, люди...

Быть можетъ, ихъ и не было такъ много: тридцать, сорокъ, самое большое — пятьдесятъ человѣкъ! Солдаты, одѣтые въ старые картузы и шинели неопредѣленнаго цвѣта выжженной травы и песковъ прифронтовой полосы. Но они какъ бы множились отъ необычайнаго смятенія, царившаго среди нихъ, отъ суеты, отъ тревоги, заставлявшей ихъ судорожно бросаться изъ стороны въ сторону; и въ первый моментъ, когда я только глянулъ, мнѣ показалось, что ихъ — великое множество. Они копошились вокругъ лошадей, но болѣе всего — вокругъ желѣзнаго чудовища, огромнаго артиллерій-

скаго орудія, увязшаго колесами въ топкую грязь дороги. И люди, и кони выбивались изъ силъ, мучительно надрывались, пытаясь сдвинуть съ мѣста желѣзо, вонзившееся въ землю. Кони — то растягивались гуськомъ, въ нѣсколько рядовъ, низко осѣдая задомъ, то поворачивались бокомъ къ орудію, скосивъ глаза и вздрагивая всѣмъ тѣломъ, то какъ-то обезсиленно вздымались на дыбы, точно пытаясь оторваться отъ земли, а то, вдругъ, — когда рвались ремни, лопалась упряжь, — они шарахались въ разныя стороны, вразсыпную, или безпорядочно сбивались въ кучу и ржали, взвизгивали, били одна другую копытомъ. А люди барахтались въ грязи, суетились, бѣгали, ругались неистово — и кричали, обращаясь и къ лошадямъ, и къ самимъ себѣ: — Иииіе! Иииіо! Иииіе-хе-иііо!... Ноно-нооо!... Аааэтттааа!... Иииіе... Берииись! Рааазомъ! Аааннпуу!... И навалившись грудью, всѣмъ тѣломъ, на колеса орудія и на самое пушечное жерло, они давили изо всѣхъ силъ, надрывались тщетно, изнемогали...

Это продожлалось утомительно долго. Я прождалъ и часъ, и два. Погода стояла печальная, смутная, накрапывалъ мелкій дождь; надвигался вечеръ. Мнѣ становилось холодно. Я вздрагивалъ. И снова лопалась упряжь, снова сгоняли лошадей и перепрягали. И снова, и кони и люди барахтались въ грязи, разбѣгались, искали другъ друга, сбивались въ кучу, и опять судорожно бились надъ тѣмъ же кускомъ желѣза, на одномъ и томъ-же мѣстѣ. И снова не смолкали все тѣ-же надрывные крики, полные звѣринаго возмущенія и горькой жалобы человѣка: — Иииіе! Иииіо! Иииіе-хе-иііо! Аааэттааа!...

II.

Я ждалъ... Объѣхать стороною, изъ-за болотной топи и канавъ, было невозможно. И солдатъ мой, возница, смѣшался съ толпою и болѣе не показывался. Пробовалъ и я присоединиться къ усиліямъ толпы. Добирался, шлепая по грязи, до орудія, нащупывалъ точку опоры на жерлѣ и пытался нажимать, давить. И тогда я чувствовалъ безжизненное, неумолимое, какъ смерть, сопротивленіе желѣза.

И вотъ мнѣ показалось... нѣтъ, я почувствовалъ, я понялъ безнадежность дальнѣйшихъ усилій. Казалось, эти люди сцѣпились въ мертвой схваткѣ съ инертностью міра — и въ этой неравной борьбѣ губили свои силы впустую, изнемогали безсмысленно. И вотъ, я не понималъ ни ихъ настойчивости, ни ихъ терпѣнія. Тревога, отчаяніе и, наконецъ, злоба овладѣли мною. Идіотизмъ (такъ я говорилъ себѣ) этого ушедшаго въ землю орудія, этихъ воющихъ людей и моего собственнаго положенія — былъ слишкомъ очевиденъ и приводилъ меня въ бѣшенство. Необходимо было что-нибудь предпринять. Отойдя въ сторону, я искалъ глазами моего солдата, рѣшившись все таки попытаться объѣхать, пробраться впередъ другой дорогой — или, наконецъ, поворотить назадъ.

И когда я такъ озирался, съ холодомъ отчаянія въ сердцѣ, я увидѣлъ пожилого человѣка, подошедшаго къ толпѣ солдатъ. Не знаю, прошелъ ли онъ мимо меня по дорогѣ, и я въ волненіи не замѣтилъ его, пришелъ ли онъ съ другой стороны, или вышелъ изъ лѣсу. На видъ ему было лѣтъ шестьдесятъ, изъ подъ шапки выбивались сѣдые волосы, — но тѣломъ онъ былъ крѣпокъ, широкъ въ кости, и держался бодро, солидно. У него было обычное, скуластое русское лицо и небольшіе гла-

за, слегка сощуренные и смотрѣвшіе спокойно, но настойчиво, на людей, на лошадей, на пушку и на все, что здѣсь происходило. Не думаю, что-бы онъ былъ духовнаго званія. Одежда на немъ была простая, вольная, армякъ безъ пояса, — и только шапка, сдѣланная изъ неопредѣленной матеріи и, какъ мнѣ показалось, остроконечная, могла напомнить монашескую скуфью. Не знаю, — не владѣвшее ли мною острое отчаяніе вызвало во мнѣ странную мысль, подсказало мнѣ какую-то экзальтированную увѣренность, что этотъ человѣкъ сдвинетъ съ мѣста пушку, и что сдѣлаетъ онъ это какимъ-то чрезвычайно простымъ «техническимъ» указаніемъ, точнымъ дѣловымъ распоряженіемъ. Въ моихъ мысляхъ мелькали даже — Богъ вѣсть, почему — какія то нелѣпыя, ребяческія, быть-можетъ и бредовыя догадки — о томъ, что этотъ человѣкъ — техникъ, инженеръ, путеецъ, «спеціалистъ по перевозкѣ пушекъ», и что онъ только, вотъ, откроетъ ротъ и скажетъ... Этотъ пришлый, посторонній человѣкъ, обводившій такимъ пристальнымъ взглядомъ все происходящее, привлекъ не только мое вниманіе. И солдаты, въ это время оторвавшіеся отъ своей муки, косились на него, поглядывали на него какъ-то выжидательно. Я рѣшилъ, что и они чувствуютъ *то же,* что и я, и ждутъ *того же* отъ пришельца. Экзальтированная увѣренность въ томъ, что этотъ человѣкъ поможетъ — возросла во мнѣ, пронзила меня. Я не отрывалъ глазъ отъ его рта, я ждалъ... Вотъ зашевелятся губы, онъ скажетъ: — колеса... лошадей... ремешки... винтики... гайки...

И онъ сказалъ. Онъ сказалъ ласково, но твердо, бодро. Онъ сказалъ:

— Богъ помощь, родимые!

Въ отвѣтъ ему изъ толпы солдатъ послышался смѣхъ. Но смѣялись не зло, — а признательно, по-

доброму. И съ той же легкой и признательной насмѣшкой въ голосѣ, иные изъ солдатъ крикнули:

— Спасибо отецъ!

А затѣмъ...

— Иииіе! Иииіо! Иииіе-хе-иііо! Aааэттааа!..

И вдругъ.... — я не вѣрилъ глазамъ, ушамъ своимъ, а сердце во мнѣ остановилось — ....раздался лязгъ, трескъ, хрясть, кони заерзали, забились, люди закричали еще сильнѣе, всѣ разомъ, закричали ужасно... — и желѣзное чудовище, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, выпрямилось и поползло.

...Я пришелъ въ себя послѣ громкаго оклика моего солдата, подавшаго повозку по ту сторону дорожной трясины.

Варшава, 1920 г.

«АГИТПУНКТЪ»

I.

Однажды, въ Козловѣ, — Господь и Богъ мой, это было 25-го іюня 1919-го года, — я видѣлъ русскихъ рабочихъ, настоящихъ, подлинныхъ, въ плоти и крови — и потерявшихъ плоть и кровь, и ставшихъ блѣдными тѣнями самихъ себя. Актерская гримаса страстей, имъ органически чуждыхъ, искажала ихъ сѣрыя безкровныя лица; въ пустыхъ глазахъ застыла покоренная стихія, и только изрѣдка, на самомъ днѣ ихъ, вспыхивали далекія слабыя искры безвольнаго стыда и послѣдней муки. На нихъ были надѣты шутовскіе головные уборы. На нихъ, рабочихъ, настоящихъ, подлинныхъ, были надѣты сдѣланные изъ чернаго коленкора бутафорскіе картузики революціонныхъ «увріеровъ», стилизованныхъ «пролетаріевъ», — и они выполняли комедію по безкрылому замыслу Богъ-вѣсть какого провинціальнаго Мейерхольда. Они были наняты для этого дѣла за малую толику хлѣба.

Они, рабочіе, не выдуманные, а живые, настоящіе, недоѣвшіе, безработные, съ сѣрыми заострившимися лицами, съ пустыми глазами, изображали «побѣдоносный пролетаріатъ на стражѣ великихъ завоеваній революціи». Такъ, неся на плечѣ настоящія ружья, они обходили пыльную площадь Козлова безвольнымъ и невѣрнымъ шагомъ зачаро-

ванныхъ призраковъ. Ихъ освѣщалъ и двигался за ними блѣдножелтый лучевой спектръ ацетиленоваго прожектора. Нѣсколько мѣдныхъ трубъ и барабаны визгливо оглашали темнѣвшій воздухъ — ни свѣтъ, ни тьму — звуками марша изъ «Аиды». А съ высоты трибуны, поставленной средь площади, картавый ораторъ, съ глазами столь фальшивыми, что казалось, они у него вставные и сдѣланы изъ закопченаго желтаго стекла, говорилъ, обращаясь къ глазѣвшему народу: «Смотрите, товарищи, какъ прекрасенъ побѣдоносный пролетаріатъ ,обходящій дозоромъ революціонную Русь!» И «Русь» звучало, какъ шипѣніе жабы изъ затхлой бездны гнилого болота... Затѣмъ, обращаясь къ державшимъ ружья и шагавшимъ, кричалъ: «Бодрѣе, товарищи, на васъ смотритъ пролетаріатъ всего міра!». Блѣдножелтый свѣтъ прожектора вспыхивалъ сильнѣе, трубы, дребезжа и фальшивя, выли вразбродъ, большой барабанъ стучалъ громко. Народъ молчалъ и, тяжело переводя духъ, смотрѣлъ. А они шагали...

Я это видѣлъ...

Я пріѣхалъ въ Козловъ послѣ шестисуточнаго странствованія по желѣзнымъ дорогамъ въ теплушкахъ, переполненныхъ красноармейцами. Я былъ голоденъ и грязенъ. И двое сутокъ я жилъ на Козловскомъ вокзалѣ, поджидаючи поѣздъ на Саратовъ.

То, что я видѣлъ, происходило въ самый день открытія мѣстнаго «агитпункта», 25-го іюня, на маленькой городской площади передъ вокзаломъ.

Самый вокзалъ, залы, коридоры, сѣни, ступеньки вокзальнаго крыльца и вся площадь, съ утра и весь день, заполнены людской толпой. Проѣзжіе красноармейцы; странствующіе, въ поискахъ хлѣба, мужики и бабы; и бывшіе люди изъ дворянъ, чиновниковъ и интеллигентовъ. Всѣ съ мѣшками, съ котомками, съ самодѣльновыми сундуками. Не толь-

ко на вольныхъ, но и на военныхъ, вовсе не видать одежды приличной, добротной. Все — люди въ отрепьяхъ, въ дырявыхъ сапогахъ, въ рваныхъ картузахъ, въ лаптяхъ; много босыхъ и простоволосыхъ. Все — люди потные, грязные, обросшіе густымъ волосомъ и разящіе крѣпкимъ духомъ давно не мытыхъ тѣлъ. Всѣ чешутся. Многіе открыто ищутъ на себѣ... другъ у друга. Старухи-бабы, сидя на землѣ, ищутъ въ головахъ у лежачихъ дѣвокъ, ищутъ и давятъ съ большой скоростью и ловкостью костлявыхъ пальцевъ; дѣвкамъ пріятно, и онѣ трутся лицомъ о грязныя юбки старухъ и тихо напѣваютъ, мурлычатъ... Стоятъ люди оцѣпенѣлые, точно въ столбнякѣ, съ застывшими обезьяньими гримасами на лицахъ: и зной ихъ мутитъ, и умыться хочется, и внутри все такъ непонятно, и пусто, и дико, и тяжко... Иные сидятъ — на вещахъ, на срубѣ и доскахъ, оставшихся на площади послѣ постановки трибуны, на ступенькахъ вокзальнаго крыльца, а то и просто на землѣ, — и спины согнулись дугой, и головы глубоко ушли въ плечи, безвольно свалились на бокъ: спитъ — не спитъ человѣкъ, а замеръ, скованный животной усталостью и сонной пустотою мозга. А еще иные — лежатъ, распластавшись на землѣ, въ мертвецкомъ забытьи наболѣвшаго тѣла и души, измотавшейся впустую. Лежатъ и другіе, съ восковыми лицами, съ остеклянѣвшими глазами, съ прозрачными ноздрями; это перенесшіе болѣзнь, выздоравливающіе; эти лежатъ смирненько, какъ муміи, не шелохнутся; а то есть и такіе лежачіе, которые стонутъ, плачутъ, зовутъ Богородицу, бредятъ: эти больны, ихъ треплетъ горячка...

Тифозныхъ много... Они и лежатъ, и бродятъ по заламъ и коридорамъ вокзала и тутъ-же на площади, одѣтые, иногда, въ одни больничные халаты поверхъ голаго тѣла, — пробираются черезъ толпу.

цѣпляясь за людей и, гдѣ можно, опираясь руками о стѣны. Они сбѣжали изъ околотковъ и больничныхъ бараковъ и ѣдутъ домой, безъ бумагъ, безъ пропуска, безъ денегъ. Въ горячечномъ бреду они забываютъ откуда они родомъ, названіе родныхъ деревень и куда, въ какомъ направленіи имъ слѣдуетъ ѣхать. Въ народѣ ихъ жалѣютъ, помогаютъ имъ, дѣловито одобряютъ ихъ планы: «Это дѣло! Повидаешься, значитъ...» И они садятся въ любой поѣздъ, въ который имъ удается втиснуться, на открытую товарную платформу, на площадку, на тормозъ, на буферъ, — и ѣдутъ, и часто катятъ на востокъ, когда нужно на западъ, и удаляются отъ дома все дальше и дальше. При остановкахъ, — когда сердобольные люди разъяснятъ ошибку, или злые прогонятъ, — они сходятъ съ поѣзда, ждутъ другого. Подчасъ ихъ ловятъ, — они прячутся; ихъ арестовываютъ, они снова бѣгутъ. И опять пускаются ѣздить вслѣпую, и кружатъ такъ по Россіи и дни, и недѣли, доколѣ не ослабѣютъ, не свалятся съ ногъ, а то и умрутъ — въ вагонѣ-ли, въ комнатѣ-ли вокзальной невѣдомаго полустанка, или еще гдѣ-нибудь, далеко-далеко отъ дома.... Были здѣсь, въ Козловѣ, не только тифозные; были здѣсь и двое чернооспенныхъ больныхъ; и они лежали среди всѣхъ прочихъ, здоровыхъ и хворыхъ, въ большомъ залѣ, въ самой толщѣ народной.

Цѣлый день я бродилъ среди этой толпы, сидѣлъ съ ними, велъ съ ними разговоръ, ѣлъ съ ними супъ изъ общаго котелка. А къ вечеру зашипѣлъ ацетиленовый прожекторъ, задребезжала музыка — и начался «агитпунктъ». И вскорѣ затѣмъ показались *они*, рабочіе, старавшіеся походить на «увріеровъ», облаченные въ высокодонные картузы изъ чернаго коленкора, ни на что не похожіе, — развѣ только на еврейскія шапки изъ гетто XVIII вѣка.

II.

У оратора съ фальшивыми глазами, говорившаго о коммунизмѣ, кривились губы; кончикъ носа тянулся къ губамъ и ежеминутно брезгливо морщился отъ сдерживаемой, съ такимъ трудомъ, ироніи — его, оратора, къ своимъ же собственнымъ словамъ, произносимымъ для этихъ дураковъ... Онъ говоритъ торжественно — объ идеалахъ пролетарскихъ! Мелкая рябь безпрестанно набѣгаетъ и расплывается по его мясистому носу, губы змѣятся, брезгливо оттягиваются внизъ, трепещутъ; брови скачутъ. И въ этой невольной пляскѣ его лица, которую онъ не въ силахъ унять, остановить, — хоть и старается упорно, — великое откровеніе: «Я — не коммунистъ, не общинникъ; братство, дѣлежка — не моя стихія! Общество, Государство, Нація — достойны моего плевка! Я — частный собственникъ, только собственникъ! Убѣжденный, страстный, неистовый... Аминь!». И вотъ: неистовый собственникъ, онъ не за страхъ, а за совѣсть служитъ тѣмъ, кто поднялъ изъ заслуженной грязи его похотливость и алчность и вѣчную безкрылую мечту о золотомъ тельцѣ...

Онъ театрально поднимаетъ руку въ повелительномъ жестѣ. Музыка смолкаетъ. Русскіе рабочіе, играющіе въ «рабочихъ», останавливаются. Лучевой спектръ прожектора рыщетъ по всѣмъ направленіямъ площади, освѣщаетъ окрестные уголки города, скользитъ по церковному куполу, по оградѣ и чахлымъ деревьямъ, и застываетъ, наконецъ, на экранѣ, поставленномъ въ глубинѣ площади, шагахъ въ тридцати-сорока отъ трибуны. Съ полотна экрана глядитъ на толпу и лукаво подмигиваетъ лицо бѣглаго каторжника, профессіональнаго убійцы, умудреннаго долгимъ опытомъ успѣшнаго осмѣянія людской совѣсти и годами безнаказаннаго

воровства. Ораторъ кричитъ, какъ въ циркѣ капельдинеръ-актеръ, объявляющій знаменитость:

— Товарищъ Ленинъ, отецъ міровой пролетарской революціи!

«Татаринъ!... Татаринъ!» — громко проносится въ толпѣ. Слышенъ смѣхъ мужиковъ. Бабы бормочутъ: «м-м-мда-а, ужъ!». И поджимаютъ губы. Свѣтъ на экранѣ гаснетъ — и вспыхиваетъ вновь, показывая иной портретъ.

«...по образу и подобію Своему»... Но возможно ли, Боже, чтобы человѣческое лицо такъ низко пало? Гдѣ же *голова* вдохновеннаго убійцы русскихъ? Этотъ дикій и гнусный отростокъ похотливаго тѣла, безобразно разбухшій надъ шейнымъ позвонкомъ! Это голова человѣка?

Ораторъ снова кричитъ, какъ въ циркѣ:

— Товарищъ Троцкій, передъ которымъ трепещетъ міровая буржуазія; любимый вождь красной арміи!

«Жидъ!... Жидъ!» — тихо несется въ толпѣ. Затѣмъ, всеобщее невнятное бормотаніе, переходящее въ шопотъ.

Ораторъ говоритъ, драматически понижая голосъ:

— Товарищи, обнажимте наши головы и споемте, въ честь великихъ вождей пролетарской революціи, нашъ рабоче-крестьянскій гимнъ. Что такое этотъ гимнъ? Это пѣсня всѣхъ обездоленныхъ бѣдняковъ, всѣхъ эксплоатируемыхъ капиталомъ! Этой пѣсни не любитъ буржуазія. И знаете, товарищи, почему? Потому, что въ этой пѣснѣ мы торжественно утверждаемъ *то*...

Тутъ ораторъ простираетъ впередъ указательный палецъ правой руки, и роскошно, и мечтательно — вверхъ и внизъ, вверхъ и внизъ — двигаетъ бровями, мученически закрывъ глаза.

— ...о чемъ мы мечтаемъ...

Но внезапно грозно хмурится, сжимаетъ руку въ кулакъ и заканчиваетъ съ большой энергіей, какъ въ ударѣ грома:

— ...и что *будетъ*, товарищи!

Мѣдныя трубы воютъ, дребезжатъ; ихъ звуки тонутъ въ неистовомъ бряцаніи и стукѣ большого барабана. Народъ снимаетъ шапки. Поютъ «Интернаціоналъ». Тяжелѣетъ усталое сердце, насыщенное злобой...

Въ толпѣ появляется и, расталкивая плечами народъ, быстро продвигается впередъ (по направленію къ вокзальному крыльцу, гдѣ я стою) пожилой однорукій человѣкъ, одѣтый въ тошнотно-грязный черный сюртукъ хорошаго заграничнаго покроя...

Огромная косолапая фигура, непокрытая сѣдая голова; лицо, когда-то бритое, густо обросло грязной, сѣдой и рыжей, щетиной волосъ. На немъ нѣтъ нижняго бѣлья, и нѣтъ ни одной пуговицы, ни на сюртукѣ, ни на томъ мѣстѣ, гдѣ брюки должны застегиваться. Онъ весь нараспашку, полуголый: видна грязная волосатая грудь, видны непріятныя отдѣльныя части его тѣла. Вокругъ голой шеи повязанъ огромный бантъ изъ ярко-краснаго кумача. На ногахъ остатки башмаковъ со шнурками, обвязанные вокругъподошвы бичевкой.Отъ подобраннаго рукава отсутствующей руки къ петлицѣ сюртука тянется, на подобіе эксельбанта, толстый пучокъ простыхъ веревокъ, спускающихся затѣмъ внизъ — вдоль живота и бедеръ; къ концамъ этихъ веревокъ привязаны различные предметы: порыжѣвшій, весь въ дырахъ, складной цилиндръ (днемъ я видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ, забавляя народъ, надѣвалъ, не отвязывая отъ петлицы, цилиндръ на голову), темно-синіе очки (и очки онъ надѣвалъ днемъ, на солнцѣ), обгрызанный кусокъ черного хлѣба, карандашъ и еще различные бумажные сверточки... Онъ проходитъ черезъ порѣдѣвшую, въ заднихъ рядахъ, тол-

пу, останавливается преимущественно передъ женщинами и, непристойно подмигнувъ, предлагаетъ за «одну керенку» портретъ Троцкаго; онъ держитъ въ рукѣ цѣлую пачку такихъ «открытокъ». Отказывающимъ онъ въ лицо хрюкаетъ по-свиному. Къ берущимъ онъ склоняется и шепчетъ на ухо какія-то слова. Бабы отталкиваютъ его, тычутъ ему въ грудь кулаками, кричатъ: «Ишь, жеребецъ сыскалси! Товарищамъ бы сказать, тоже!». Дѣвки переглядываются между собой.

Спѣли «Интернаціоналъ». Ораторъ говоритъ о томъ, что для окончательнаго счастья нужно уничтожить міровую буржуазію, что попы не нужны. «Что же вы думаете, что если вы пойдете въ церковь и попросите что-то у намалеванной иконы, то она вамъ это дастъ? Нѣтъ, товарищи, — не Богъ, а штыкъ!» Бога и нѣтъ, и Онъ только для буржуазіи, а — «штыкъ — молодецъ, товарищи, не выдастъ!».

Я бѣгу...

III.

Пройдя черезъ вокзальныя сѣни, среди кучами лежащихъ на полу людей, я вхожу въ общій залъ. И тутъ лежатъ — на полу, на столахъ, на скамьяхъ: все сплошь покрыто тѣлами. Удушливая вонь ударяетъ въ носъ, хватаетъ за горло. Мухи носятся тучами и, несмотря на полумракъ, жужжатъ такъ громко, точно большой самоваръ гудитъ. Въ другомъ углу зала — тѣ же крики и все та же возня, которую я видѣлъ еще днемъ. Я снова слышу: «Дать ему по мордѣ два раза, — чтобы не оралъ, скотина!». Тамъ съ утра, лишь изрѣдка затихая, бьется и кричитъ припадочный больной. Онъ сквернословитъ и призываетъ Бога, молится и богохульствуетъ. Людямъ онъ кричитъ: «Отойдите!... Отойдите!...

Всѣхъ убью!». А люди навалились на него, сидятъ у него на ногахъ, на рукахъ, на груди. Его унимаютъ, ласкаютъ, цѣлуютъ, бьютъ по щекамъ, обливаютъ водой, дерутъ за волосы. Днемъ — я видѣлъ — какая-то старуха, увѣренно растолкавъ людей, окружавшихъ больного, приблизилась, плюнула ему въ глаза и произнесла идіотское заклинаніе. Теряя силы, безчувственный ко всему, и я опускаюсь на полъ, возлѣ входныхъ дверей; кладу подъ голову свой мѣшокъ, прячу въ него лицо и, закрывъ глаза, пытаюсь забыться, уснуть...

...Я увидѣлъ мою жену, ждавшую меня въ Саратовѣ; увидѣлъ ее невѣстой — въ Москвѣ, въ церкви, подъ вѣнцомъ, всего лишь годъ тому назадъ, да!... Ну, а затѣмъ — три недѣли тому назадъ, она проѣзжала здѣсь; значитъ, тоже двое сутокъ ждала поѣздъ, тоже лежала на этомъ зловонномъ полу, все видѣла, слышала, чувствовала, все перенесла!... Неоформленныя видѣнія необыкновенной бѣлизны и ясности проносились въ моемъ воображеніи... Я слышалъ благостный звонъ, я видѣлъ серебряный свѣтъ утренней звѣзды, и синій бархатъ ночного цвѣтка, осіянный, и такъ ослѣпительно, лучами луны; я видѣлъ сказку о всѣхъ ангелахъ и святыхъ, носящихъ лучистые ореолы. Горящая свѣтомъ даль, обвѣянная ароматомъ ландышей, бѣлый міръ забвенія земли — благоуханно раскрывался передо мной, какъ воздаяніе за земное долготерпѣніе. Конечно, — говорилъ я себѣ, — придетъ время, когда все будетъ бѣло, потому-что скорбящій сынъ земли смотритъ на звѣзды Твои, Творецъ, и шлетъ Тебѣ довѣрчивый вопль сердца: «вѣрую!». А Ты все слышишь, все видишь... Конечно, настанетъ день, когда растворятся всѣ двери и въ окнахъ встанутъ строгіе ангелы: такова мечта и вѣра человѣка! Кто тогда уйдетъ отъ ихъ свѣтоносныхъ мечей! Куда спрячутъ себя люди съ фальшивыми глазами?...

Вдругъ, слышу — совсѣмъ близко и тихо: «Богородица!... Богородица!»... Я подымаю голову, смотрю — и узнаю: это мой больной паренекъ, красноармеецъ, лѣтъ пятнадцати, а то и меньше; совсѣмъ мальчикъ, безусый, свѣтлоокій. Мы ѣхали вмѣстѣ четверо сутокъ; днемъ, здѣсь въ Козловѣ, я ходилъ за нимъ, пробовалъ кормить, отгонялъ мухъ отъ лица его. Когда я справился о причинахъ его добровольчества, онъ сказалъ: «Сказывали, велосипедъ дадутъ!». — «Что же, дали?» — «Нѣтъ, это которые «бескуты» — развѣдчики!». А онъ попалъ на посылки при полевой телефонной службѣ...

Онъ болѣлъ тифомъ гдѣ-то подъ Борисовомъ, лежалъ въ баракахъ и, едва оправившись послѣ кризиса, поѣхалъ на родину, подъ Тамбовъ. Онъ ѣхалъ безъ одежды, безъ обуви, безъ денегъ. Деньги, вмѣстѣ съ крестомъ, вмѣстѣ съ чаемъ, сахаромъ, табакомъ и пахучимъ мыломъ, у него вытащили изъ-подъ подушки, въ больницѣ. «Кто укралъ?» — спросилъ я. «Люди поворовали!» — мягко и степенно отвѣтилъ онъ. Все — все лежало подъ подушкой, и все — все поворовали!... Выйдя изъ больницы, онъ продалъ старые сапоги (обѣщанныхъ новыхъ не дождался!), гимнастерку и брюки, — купилъ соли, спичекъ, свѣчей, леденцовъ (мать писала, что въ этомъ недохватъ на деревнѣ), связалъ все въ узелокъ и поѣхалъ домой, босый, въ одной тощенькой шинелькѣ поверхъ нижняго бѣлья. Когда я удивился, зачѣмъ же онъ въ такомъ видѣ ѣдетъ домой и не опечалитъ ли это его родныхъ — онъ задумчиво сказалъ: « Дома штаны есть...» — и больше ничего не отвѣтилъ. Когда я, замѣтивъ его слабость, говорилъ, что ему слѣдовало еще полежать въ больницѣ, хотя бы сапогъ новыхъ дождаться, — онъ сказалъ, поднявъ на меня глаза, со слабой улыбкой: «Помереть хотится дома!».

И точно, онъ былъ очень плохъ. Ни кровинки

въ прозрачномъ лицѣ, углы рта осунулись, точно мальчикъ кислаго поѣлъ; на губахъ блуждающая улыбка. А на пятыя сутки путешествія, здѣсь въ Козловѣ, онъ свалился и еще съ полудня сталъ отказываться отъ пищи. И вотъ онъ лежитъ пластомъ на полу, положивъ голову на свой узелокъ, въ своей шинелишкѣ, босой, и смотритъ остеклянѣвшими глазами въ потолокъ... Гаснутъ послѣднія видѣнія жизни: больница, поворованныя деньги, недоставшіеся новые сапоги, спички, леденцы... и длинная-предлинная желѣзная дорога; а тамъ, впереди — высоко-ли, далеко-ли — зеленый лугъ, и рѣчка, и хата, и мать!... Мухи облѣпили его лицо, углы губъ, впадины глазъ, ноздри, — а онъ ужъ не въ силахъ отогнать ихъ: едва доволокъ руку до груди — и пальцы чуть трясутся, слабо вздрагиваютъ въ порывахъ замирающей жизни. Онъ дважды звалъ Богородицу, но вотъ — замолкъ, молчитъ, затихъ...

Я понимаю: «онъ умираетъ!». Я думаю, — какъ и чѣмъ помочь ему? И внезапно вспоминаю красную сестру милосердія, которую видѣлъ днемъ въ сѣняхъ вокзала.

. . . .

Миловидная бѣлокурая женщина, съ высокой грудью и очень бѣлымъ припухлымъ лицомъ, сидѣла на полу. Она тяжело дышала и неопредѣленно — нето смущенно, нето жалостливо, нето горделиво — улыбалась. Нижняя челюсть ея безостановочно двигалась, точно она, не переставая, жевала что-то, или глотала слюну. Голова ея была повязана черной косынкой съ большимъ краснымъ крестомъ. Рядомъ съ нею, на полу же, сидѣли трое военныхъ инструкторовъ, со значками, въ галлифэ, съ револьверами и шашками. Она доставала изъ корзиночки хлѣбъ, крутыя яйца, соль, и передавала имъ, кормя ихъ, наливая имъ чаю. Поѣвъ, они вытерли губы и тотчасъ-же расположились спать, причемъ всѣ трое пожела-

ли одновременно положить голову къ ней на колѣни. Она запротестовала. Тогда, переглянувшись, они вступили съ ней въ странныя пререканія. Одинъ сказалъ — мягко, но солидно и строго: «Не упрямьтесь, Капитолина Ивановна, я же говорю вамъ, не кочевряжьтесь: а то, неровенъ часъ, обожжетесь!». А другой: «Д-да, и — вотъ!». И онъ сильно дернулъ ее за прядь свѣтлыхъ волосъ, выбившихся изъ подъ косынки. А третій — курчавый и собой потоньше: «Ахъ, эта гордость, Капитолина Ивановна, — ахъ, эта гордость!». И этотъ положилъ ей обѣ руки на грудь и глянулъ ей прямо въ глаза, ласково и дерзко. Затѣмъ, такъ какъ она продолжала протестовать, они всѣ трое одновременно, точно по сигналу, схватили ее — и смѣясь, обнимая ее, выворачивая ей кисти рукъ, съ силой щипали ея ноги, бедра, грудь. Слезы показались у ней на глазахъ, челюсть дергалась рѣзко и учащенно; но съ лица ея не сходила все та же неопредѣленная улыбка, — точно она купалась въ слишкомъ холодной водѣ, и ей было пріятно, и духъ захватывало, и боязно, и въ сердцѣ кололо, и слезы подкатывали къ горлу; дышала она, дѣйствительно, еще тяжелѣе, задыхалась... Она сдалась, наконецъ... И они всѣ трое, какъ могли, размѣстились у нея на колѣняхъ, и всѣ трое обхватили руками ея талію, ея ноги. И заснули.

Мнѣ было непонятно — и немного жутко отъ всего этого. Я понялъ только, что она попалась имъ, похожая на нихъ — и, все же, не совсѣмъ такая, какъ они, — что они дружески привязались къ ней, полюбили ее, быть можетъ, и принялись смѣхомъ, пинками и щипками — такъ, чтобы было и больно, и не очень, и все же серьезно — изгонять изъ нея то, чѣмъ она отличалась отъ нихъ. Она ѣхала съ восточнаго фронта, изъ-подъ Царицына. Она сказала мнѣ: «Если бы вы знали, что тамъ со мной сдѣ-

лали! — И вотъ эти, эти, эти...» — добавила она, ударяя припухлымъ кулачкомъ по головамъ спавшихъ у нея на колѣняхъ. Затѣмъ, помолчавъ, она сказала: «У меня острое малокровіе. Вы видите, я не могу унять моей челюсти: она у меня ходуномъ ходитъ!».

IV.

Я долго искалъ ее съ зажженнымъ огаркомъ свѣчки, въ темнотѣ сѣней, между кучами лежавшихъ человѣческихъ тѣлъ. Я нашелъ ее, склонился надъ ней. Блузка растегнулась на ея высокой, тяжело дышавшей груди; по ней бѣжали крупныя струйки пота, оставляя на кожѣ двойной грязный слѣдъ. Я съ трудомъ разбудилъ ее, и потомъ объяснялъ, просилъ: «Сестрица, скорѣе пойдемте! Тамъ человѣкъ умираетъ. Вы можете помочь, распорядиться...» Она долго и молча глядѣла на меня огромными и очень добрыми, очень несчастными глазами. Наконецъ, она поняла. Челюсть ея задвигалась, на лицѣ появилась эта безумная восторженная и робкая улыбка. Затѣмъ, губы ея сжались, надулись — капризно и страдальчески. Поправивъ на головѣ сбившуюся косынку, она сказала:

— Товарищъ, идите къ чорту!

Я не зналъ, что сказать ей, какъ просить. Со двора доносились звуки марша... Я говорилъ ей, не зная — что сказать:

— Сестра, смотрите же! Вотъ идетъ революціонный патруль. Я пожалуюсь, я обязательно пожалуюсь, если вы не пойдете. Я скажу, что вы уклоняетесь отъ исполненія революціоннаго долга. Вы знаете, что вамъ за это будетъ! Поймите же, что тамъ человѣкъ умираетъ!

Губы ея задрожали, точно она собиралась запла-

кать. Добрые и несчастные глаза нѣжно взглянули на меня, обволокли меня большой лаской — и устало закрылись. Возвращаясь ко сну, она плаксиво повторила:

— Но, товарищъ, идите же къ чорту!

Я отошелъ... Мой мальчикъ умретъ... Музыка играла громче. Играли теперь изъ другой европейской оперы, съ громомъ и восторгомъ; тамъ кричали, тамъ происходило что-то замѣчательное, — кажется, апофеозъ! Я вышелъ на крыльцо...

Музыка играетъ европейскій маршъ на азіатскій манеръ, съ дребезгомъ, съ воемъ и стукомъ... Заблудившійся мальчикъ смиренно уходитъ изъ жизни — и зоветъ, и видитъ Богородицу. Какъ грозно, какъ страшно, какъ просто свершается великій отходъ! Музыка души играетъ прощальный торжественный маршъ: тра-тра-та-та-та! Быстротекущій вихрь времени проносится мимо, свищетъ въ моихъ ушахъ,и безслѣдно, и стремительно рушится въ пропасть небытія. Мгновенія текутъ, жизнь проходитъ... — жизни нѣтъ! И вотъ — по предложенію картаваго оратора, послѣдній революціонный дозоръ къ наступающей ночи — идутъ *они*, въ высокодонныхъ черныхъ шапкахъ... Кто же они? Кто? Люди — не люди! Ибо нѣтъ въ нихъ крови, и трепетъ жизни по нимъ не пробѣгаетъ. Фигуры полутѣлесныя, бездыханныя, отлитыя изъ олова, освѣщенныя ацетиленовымъ огнемъ и заведенныя испорченнымъ механизмомъ для грознаго марша? Нѣтъ. Блѣднѣе еще, страшнѣе! Я смотрѣлъ на нихъ, смотрѣлъ...

И грезилось мнѣ, что то бредутъ къ забвенію вѣчному немощныя тѣни русскихъ рабочихъ, освѣщенныя потускнѣвшимъ солнцемъ Россіи

Парижъ, 1921 г.

СМЕРТЬ ЛОШАДИ

I.

Я не могу теперь точно припомнить, когда это было! Кажется, въ концѣ лѣта перваго года войны. Но, можетъ быть, и раньше... тогда, когда войны еще не было! Да! Возможно, что это было въ томъ странномъ, въ томъ непонятномъ прошломъ, коего подлинныя черты и не разглядишь сквозь кровавый туманъ годовъ войны и революціи. Однако, я помню ясно: былъ глубокій закатъ лѣта, — и это было въ Москвѣ!

Я проживалъ тогда въ одномъ изъ переулковъ близъ Красныхъ Воротъ, недалеко отъ старинной церковки Трехъ Святителей, похожей (если могу я такъ высказаться) на Божью избу на курьихъ ножкахъ, — такая она маленькая, сказочная, невѣроятная, со своими неровно и причудливо осѣвшими въ землю отдѣльными частями и накренившимися въ разныя стороны, какъ у надломанной игрушки, куполами, точно уносимыми вѣтромъ за тридевять земель...

Въ тотъ вечеръ я совершилъ большую прогулку по городу...

Москва не располагаетъ къ одинокимъ и безцѣльнымъ прогулкамъ. Въ Москвѣ, обыкновенно, люди выходятъ на улицу, только для того, чтобы миновать, пройти ее, отъ дома до дома. Даже и те-

перь, когда надъ прошлымъ зажглось чарующее сіяніе навсегда утраченной прелести, когда надъ всѣмъ, что было, возвышающимъ ореоломъ горятъ огни еще не изжитыхъ мученій, — даже и теперь я не могу забыть, что по московскимъ улицамъ всегда носился какой-то неспокойный и недобрый духъ, не любившій праздныхъ прохожихъ и, очевидно, не вѣрившій въ благородство ихъ одинокихъ раздумій. «Чего зря шляешься?», или: «Ну, чего ты не видѣлъ?» — таковъ былъ неизмѣнный голосъ этого духа; и онъ подталкивалъ въ спину, онъ подгонялъ — по домамъ! по домамъ! — съ такимъ немилосерднымъ упорствомъ, и такъ удушливо было его близкое дыханіе, что приходилось, обычно, послѣ непродолжительной борьбы, сдаться. «Въ самомъ дѣлѣ, — думалось тогда, не безъ тоски, — пойду-ка я за каменныя стѣны, притворю за собой двери и, подъ пискъ самовара, воображу себя на парижскихъ бульварахъ, или въ какомъ-нибудь Палермо, гдѣ человѣческая мечта, подъ просторомъ хотя-бы и городского неба, расправляетъ свои крылья широко и свободно и легко! Такъ думалось тогда... Но у всякаго заправскаго бродяги бываютъ минуты большой неустрашимости, когда ему любо помѣряться упорствомъ не только со злымъ уличнымъ духомъ, но, даже, и съ проливнымъ дождемъ, съ мокрыми хлопьями снѣга, съ топкой слякотью, съ рѣжущимъ плюющимся вѣтромъ. И Москва, гдѣ я родился, выросъ и провелъ значительную часть всей жизни, знаетъ множество и понынѣ согрѣвающихъ меня молитвъ, — исполненныхъ придушенной горечи, сраженной гордыни и вольнаго смиренія, — которыя я слагалъ въ своемъ сердцѣ, когда шажкомъ — шажкомъ пробирался среди мрака погасшихъ фонарей и наперекоръ всѣмъ враждебнымъ духамъ и разъяреннымъ стихіямъ міра всего...

Впрочемъ, въ тотъ лѣтній вечеръ, который я теперь вспоминаю, погода стояла тихая, чудесная. Тишина и миръ были разлиты надъ Москвой величественно и глубоко... На сине-золотомъ небѣ — рѣдкія мельканія падающихъ звѣздъ. Въ воздухѣ носится едва ощутимая пріятная свѣжесть, предвѣстница грядущей осени... Въ такіе вечера, на подмосковныхъ дачахъ, подолгу засиживаются на терассахъ, вокругъ охладѣвшаго самовара. Откуда-нибудь издалека, изъ мѣстнаго парка съ театромъ, плещутъ трепетоносные напѣвы оркестра. Мужчины отказываются отъ заботливо предлагаемой шляпы — и говорятъ о томъ, что до осени еще далеко. А женщины задумчиво поглядываютъ въ темноту сада, на просвѣты дорожекъ, и молчатъ, и вспоминаютъ, очевидно, иные вечера, иное время, когда ихъ ждали еще не-пройденныя дорожки, и когда музыка играла такъ близко...

Итакъ, я совершилъ большую прогулку по городу. Я покинулъ комнату передъ заходомъ солнца, но еще засвѣтло. Я вышелъ изъ своего переулка и, заворачивая налѣво, прошелъ между церковкой и погруженнымъ въ лѣтнюю дремоту строгимъ барскимъ особнякомъ, принадлежащимъ извѣстному въ Москвѣ меценату и коллекціонеру картинъ модной живописи; извѣстенъ онъ также и своей женой, которую въ городѣ считали красавицей. Затѣмъ, по Мясницкой, я дошелъ до Тургеневской площади и, здѣсь свернувъ направо, я долго брелъ по линіи бульваровъ, все прямо и прямо, черезъ Срѣтенскія Ворота, черезъ Трубную площадь, мимо Старо-Екатерининской больницы, мимо Страстного Монастыря, мимо памятниковъ Пушкину — и Гоголю... — и добрелъ, наконецъ, до Гагаринскаго переулка, гдѣ — на дворѣ дома Шлиппе — прошло лучшее время моего дѣтства. Здѣсь я игралъ въ бабки и въ городки съ дворовыми маль-

чиками и влюблялся поочередно во всѣхъ дѣвочекъ изъ сосѣдскихъ квартиръ, — и любилъ я ихъ всѣхъ, свѣтлоокихъ, свѣтловолосыхъ, мечтательно, печально и немного тиранически, и съ роднымъ братомъ дрался, однажды, до крови за одну изъ нихъ! Здѣсь-же, въ Большомъ Афанасьевскомъ переулкѣ, возвращаясь изъ гимназіи, четверть вѣка тому назадъ, — я иногда встрѣчалъ высокаго, худого старика, съ впалой грудью и узкими плечами. Я помню его старенькое потертое пальто и диковинную круглую шапочку изъ сѣраго войлока. Я снималъ передъ нимъ картузъ дрожащею рукой, и дрожащими губами бормоталъ: «З-с-с-те!», неуклюже стараясь изогнуться почтительно и граціозно. А онъ останавливалъ на мнѣ строгій, почти жесткій взглядъ своихъ маленькихъ глазъ, подъ насупленными, лохматыми бровями, и отвѣчалъ раздѣльно и ясно: «Здравствуй!». Это былъ Левъ Николаевичъ Толстой.

....Отъ дома Шлиппе, переулками, я вышелъ на Пречистенку и спустился по ней до сквэра, вокругъ Храма Христа Спасителя. За моей спиной, гдѣ-то далеко, за Крымской площадью, еще горѣла на небѣ красная полоска. Мягкія лѣтнія сумерки нѣжно замирали; тѣни клубились вокругъ низкаго кустарника сквэра. Среди легко и ласково наступавшей темноты я побродилъ вокругъ храма, а затѣмъ — постоялъ возлѣ высоко вознесенной огромной фигуры — на мраморномъ пьедесталѣ, на гранитовомъ цоколѣ — огромной бронзовой фигуры порфироноснаго царя Александра Третьяго... Позже, съ него сняли голову, — и я видѣлъ его и такимъ! Я видѣлъ, какъ онъ, и безъ головы, продолжалъ держать скипетръ и державу и непоколебимо возсѣдать на своемъ престолѣ; и не только непоколебимо, — но и такъ спокойно, такъ властно, такъ торжественно, какъ-будто голова ему и вовсе не

была нужна... Отойдя отъ памятника, я спустился къ Москва-рѣкѣ, дошелъ до перваго моста, перешелъ его — и еще долго ходилъ, при лунѣ и звѣздахъ, по той прибережной части города, гдѣ, среди Божьихъ домиковъ на курьихъ ножкахъ, среди розовыхъ и голубыхъ развалинъ со стѣнными кіотами, среди ветхой, прѣлой и ,мѣстами, подгнившей азіатчины, поставлены разныя хорошія заграничныя штуки: здѣсь — электрическая станція, здѣсь — заводъ минеральныхъ водъ, тамъ — большія, въ зеркальныхъ стеклахъ, конторы драпа и сукна, тамъ — институтъ для благородныхъ дѣвицъ! Когда смотришь на эту Москву, и еще вспомнишь, что въ магазинѣ Шанкса, на Кузнецкомъ мосту, выставлены галстухи, гетры, высокіе воротники и желтые кожаные саквояжи, то испытываешь странное, едва-ли яснымъ словомъ выразимое чувство... Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вотъ тутъ, въ Парижѣ, я видѣлъ, на avenue de l'Opéra, небольшой магазинъ подъ вывѣской: «Objets d'Asie», и въ маленькой витринѣ, среди кальяновъ, оленьихъ роговъ и еще какихъ-то кокосовъ и черепахъ, я увидѣлъ самоваръ и русскіе расписные ларцы. Objets d'Asie! Но, вотъ — въ Москвѣ, за рѣкою, часто думается о томъ, что не только наши слова — звукъ пустой, но и самыя понятія наши, наиболѣе въ насъ укоренившіяся, столь же пусты, и призрачны, и мимолетны, какъ туманъ надъ природой: сейчасъ онъ здѣсь, а съ зарею — уходитъ! И если, напримѣръ, надъ магазиномъ Шанкса подвѣсить дощечку съ вполнѣ, не правда-ли, законной надписью: «Objets d'Europe», — то для того, кто придетъ изъ Замоскварѣчья, — изъ своего, родного и привычнаго Замоскварѣчья, — эти написанныя слова и все, что подъ ними въ витринѣ, будутъ насыщены такимъ-же варваризмомъ и экзотикой, какъ и этотъ такой безсознательно гордый и глупый мага-

зинчикъ на avenue de l'Opéra, со своимъ кокосомъ и самоваромъ. Вотъ почему, когда смотришь на странную катастрофическую смѣшанность обликовъ Москвы и московской жизни, во всѣхъ ея каждодневныхъ проявленіяхъ, то переживаешь то тревожное подсознательное чувство, которое подсказываетъ тебѣ неминуемость мгновенія, — далекаго, близкаго-ли, — когда всѣ наши самыя привычныя понятія и представленія — о дикомъ и первобытномъ, о цивилизованномъ и прогрессивномъ — поблѣднѣютъ, расплывутся, сгинутъ.... или — вѣрнѣе — уйдутъ туда, куда идутъ туманы!...

Было уже около полуночи, когда я, возвращаясь, перешелъ мостъ въ другомъ мѣстѣ рѣки, и поднявшись по узкой улицѣ, мимо глухихъ лабазовъ и замкнутыхъ лавчонокъ, подходилъ къ Красной площади; направо отъ меня сѣрѣла и голубѣла пустынная Варварка... Кому не памятны золотыя ризы и синій покровъ, и млечный небесный путь, и полосы луннаго свѣта московской лѣтней ночи — надъ Василіемъ Блаженнымъ, надъ Кремлевскими стѣнами, надъ указующей дланью Минина, и надъ скорбнымъ сумракомъ Иверской часовни! Затѣмъ, я пошагалъ еще среди простора площадей — и подходилъ къ тому скверу возлѣ Театровъ, котораго здѣсь не было въ мои школьные годы. И здѣсь я неожиданно встрѣтилъ моего брата, — художника, младшаго, но теперь, уже, покойника: онъ умеръ недавно отъ тифа!..

Мы нисколько не удивились этой неожиданной ночной встрѣчѣ, хотя передъ этимъ не видались нѣсколько мѣсяцевъ, и я, напримѣръ, предполагалъ, по слухамъ, что онъ живетъ въ Финляндіи или на дачѣ, а онъ — обо мнѣ, кажется, ровно ничего не слыхалъ. Но мы не удивились, потому-что, какъ братья, — и всѣ *братья* міра, вѣроятно, поймутъ меня, — мы были проникнуты вѣрой въ нашу, такъ

сказать, обоюдную вездѣсущность и, даже, безсмертность. Мы только взглянули другъ на друга, съ нѣкоторой усмѣшкой.

— Что, тоже бродяжничаешь? — спросилъ я.

Онъ объяснилъ, что, дѣйствительно, живетъ на дачѣ, подъ Москвой, что въ городъ онъ пріѣхалъ только за красками, но — встрѣтившись съ большой компаніей знакомыхъ художниковъ, былъ ими захваченъ, и вечеръ провелъ въ ресторанѣ. А теперь онъ спѣшилъ на городскую квартиру, переночевать, предполагая возвратиться на дачу съ утреннимъ раннимъ поѣздомъ. Очень слабохарактерный, безвольный, онъ опасался застрять въ городѣ, потому-что въ тѣ дни среди московскихъ художниковъ было весьма принято шататься по дешевымъ ресторанамъ и ночнымъ чайнымъ притонамъ... Отъ него слегка пахло виномъ... А я зналъ, что онъ, по предписанію врачей, собирался этимъ лѣтомъ воздерживаться и лѣчиться. Я — спросилъ:

— Ну, а здоровье какъ?.. Почему ты не уѣхалъ въ Финляндію?

Онъ промычалъ что-то невнятное. А потомъ, безъ всякаго перехода или подготовительныхъ словъ, точно возобновляя давній прерванный разговоръ, — такая у него была обычная манера, — заговорилъ объ искусствѣ.

II.

Намъ было не по пути; мы жили на разныхъ квартирахъ. Но онъ вызвался проводить меня. Сначала, мы побродили вокругъ Театровъ. Мы шли, останавливались на углахъ — и говорили объ искусствѣ.

Было то лѣтнее ночное время въ Москвѣ, — послѣ двѣнадцати, — когда жизнь въ городѣ замира-

етъ почти повсемѣстно. Электрическіе театры отстукали свои многократные сеансы; семейные москвичи, оставшіеся на лѣто въ городѣ, разбрелись по домамъ. Только на Тверской и на прилегающихъ къ ней углахъ Садовой еще толпится спеціальная публика — вокругъ закрывающей свои двери, полутемной кофейни Филиппова, возлѣ «Акваріума» и театра Зона, и около ночныхъ колбасныхъ лавокъ, такъ-называемыхъ «гастрономій», которыми Москва обзавелась въ послѣдніе годы передъ войной. Но въ самомъ центрѣ, вокругъ Театровъ и въ районѣ Кузнецкаго — безлюдіе и тишина, изрѣдка нарушаемыя запоздалой голосистой компаніей изъ «Бара» или изъ подвальнаго ресторана «Ришъ». И, еще, подъ статуей Ивана Печатника, какой-нибудь вовсе одинокій пьяница, въ котелкѣ, — самъ не вѣдающій, куда забрелъ, — стоитъ у края панели, бьетъ палкой о тумбу, и вопитъ неистово, и зоветъ невидимаго извозчика: «Извозчикъ!... Изво-о-озчикъ!... Извозчикъ, сукинъ сынъ!...» И нѣтъ ему, сердечному, отвѣта отъ всхрапнувшей родины. А старый человѣкъ, въ блузѣ и съ большой палкой, закрутивъ лишній свѣтъ на фонарѣ, пройдетъ мимо, взглянетъ на котелокъ и пробормочетъ: «Чего орешь!» И съ горечью въ мимолетномъ раздумьѣ, и съ усмѣшкой печальной порѣшитъ незлобиво: «Самъ ты, братецъ мой, сукинъ сынъ, пьяная морда!...»

Мы говорили не о живописи и не о литературѣ, мы говорили объ искусствѣ вообще; мы говорили объ Искусствѣ. Но каждый, разумѣется, въ своихъ предпосылкахъ, примѣрахъ и разсужденіяхъ, невольно исходилъ изъ своей профессіи: онъ — изъ живописи, я — изъ литературы. Но когда я въ чемъ-нибудь не соглашался съ нимъ, онъ, младшій, говорилъ, морщась и не безъ раздраженія: «Ты этого не понимаешь!» А я, — когда, въ свою очередь,

сталкивался съ упорнымъ непризнаніемъ моихъ доводовъ, — говорилъ, не безъ робости: «Ты тутъ не чувствуешь до конца!» — Однако, такое мое замѣчаніе казалось ему менѣе обоснованнымъ, менѣе солиднымъ, нежели его указаніе на мою непонятливость. Это происходило оттого, что литература почитается за общее достояніе, о которомъ всякій можетъ имѣть свое сужденіе, не будучи къ этому спеціально подготовленнымъ. Писанное человѣческое слово — не то, что красочный мазокъ или музыкально-звуковой эфектъ! Пониманіе писанныхъ человѣческихъ словъ, ихъ сочетаній — простѣйшихъ, сложныхъ и, наконецъ, исключительныхъ, грандіозныхъ — мало кого смущаетъ въ Россіи. Да и во всей Россіи, вѣроятно, не наберется и пяти тысячъ человѣкъ, читающихъ русскихъ классиковъ, по достиженіи традцатилѣтняго возраста...

То, что мы говорили объ искусствѣ, и что примиряло и удовлетворяло насъ обоихъ, въ общихъ чертахъ сводилось къ слѣдующему.

Прежде всего — полагали мы — художникъ долженъ научиться *смотрѣть* на жизнь. Еще Антонъ Павловичъ Чеховъ горевалъ о томъ, что въ Россіи мало людей съ *видящимъ* взглядомъ глазъ. Будь ты хоть семи пядей во лбу, не можешь ты на міръ Божій лупить глаза неосмысленно, — если хочешь быть художникомъ! Нельзя, чтобы глаза твои были простыми «глядѣлками», отмѣчающими видѣнное такъ, какъ механическій счетчикъ отмѣчаетъ брошенный въ него мѣдный пятакъ, — или даже такъ, какъ зеркало отражаетъ стоящее передъ нимъ. Ты долженъ научиться смотрѣть — активно и разумно! Активно: то-есть осмысленно, проникновенно, во всеоружіи всѣхъ твоихъ жизненныхъ знаній и опыта! Разумно: то-есть безстрастно; потому-что разумъ отвергаетъ всякое пристрастіе и любую страсть. А смотрѣть на жизнь

— нужно для того, чтобы научиться въ ней распознавать и отличать дѣйствительное отъ иллюзорнаго. А такъ познавать жизнь — нужно для того, чтобы проникнуть въ ея реальность, то-есть въ единственную реальность міра — и, такимъ образомъ, овладѣть реализмомъ въ искусствѣ.

Но реализмъ въ искусствѣ — полагали мы далѣе — ничего не имѣетъ внутренно-общаго съ натурализмомъ. Различіе между тѣмъ и другимъ такое-же, какое есть между реальнымъ живымъ человѣкомъ и отраженіемъ его въ зеркалѣ. Натуральный обликъ человѣка или предмета овладѣвается и неосмысленнымъ взглядомъ «слѣпо» смотрящихъ глазъ; а реальный обликъ — едва доступенъ и самымъ *видящимъ* глазамъ, и едва-ли, когда-либо и кому-либо, доступенъ до конца. Поэтому, даже посредственный портретъ, исполненный живописцемъ съ реалистическимъ дарованіемъ, всегда лучше самой точной фотографіи, хотя-бы и цвѣтной; онъ не только лучше, выше по качеству, онъ — другого качества: того, что отъ искусства! Реализмъ и натурализмъ, въ сущности, несоизмѣримы.

Но какъ подступить къ реальности жизни, къ реальности міра, болѣе загадочной и таинственной, нежели всѣ придуманныя о жизни самыя страшныя мистеріи и символическіе гротэски, — какъ овладѣть реализмомъ въ искусствѣ? Мы полагали, что единственный путь къ этому — въ воздержаніи физическомъ. Табакъ, вино, женщины — осуждались нами не по убѣжденію нравственному, а потому, что они-де разрушаютъ въ насъ разумное безстрастіе, подрываютъ активность и чистоту нашей художественной проникновенности. Мы вспоминали Леонардо да-Винчи. Мы устанавливали связь между общей похотливостью нашего вѣка и его дряннепькимъ искусствомъ, идущимъ отъ воспаленнаго воображенія. Мы оба, будучи людьми слабыми и пад-

кими во всѣхъ смыслахъ, съ восторгомъ и тоскою рисовали другъ другу образъ художника аскетическаго, суроваго, трезваго, физически сильнаго, — вызывающаго зависть и соревнованіе мужчинъ и нѣжное затаенное поклоненіе женщинъ. Если бы, — говорили мы, — передъ любымъ изъ насъ, передъ любымъ художникомъ современности, тоскующимъ о реалистическихъ достиженіяхъ, объ овладѣніи, съ помощью краски или слова, высшимъ реализмомъ въ искусствѣ, нежданно разорвалась завѣса придуманныхъ иллюзій, и въ открывшейся холодной перспективѣ, хотя-бы на мгновеніе, во всей правдивости и строгости, предстала подлинная Реальность Жизни и Міра, то каждый изъ насъ понялъ бы свое ничтожество — и проклялъ бы оставленные позади годы, когда онъ, думая, что приближается къ Идеалу, растлѣвалъ свое вдохновеніе страстями и страстишками, гасилъ въ себѣ искру Божію, и шелъ — шелъ позорною тропою прочь отъ искусства, прочь!.. Итакъ: воздержаніе, какъ путь къ познанію реальности міра; реализмъ въ искусствѣ, — какъ цѣль!

— Ну, а импрессіонизмъ? — спросилъ я, въ заключеніе, зная склонность брата къ этому теченію французской живописи.

Очевидно, ему почудилась насмѣшка въ моемъ вопросѣ, — потому-что онъ болѣзненно поморщился. (А я и не думалъ смѣяться!)

— Импрессіонизмъ, — сказалъ онъ, — это тотъ же реализмъ, но только... въ весенней рубашкѣ!

Я сказалъ:

— Мы живемъ въ странѣ, гдѣ весны — хотя и прекрасны, но мимолетны; а осень и зима откалываютъ добрыя двѣ трети отъ цѣлины года. Поэтому намъ, думаю я, болѣе по духу... какая-нибудь сѣрая трудовая куртка!

Затѣмъ, развивая эту мысль не только поверхно-

стно, но и вглубь, идейно, и, сообразно съ этимъ, подыскавъ болѣе подходящее сравненіе, мы порѣшили, что изъ всѣхъ духовныхъ одѣяній русскому художнику всего болѣе приличествуетъ — скромная ряска послушника. И на этомъ мы смолкли.

Мы подымались въ это время по Кузнецкому Мосту. Сквозь охватившую насъ задумчивость, мы слышали какіе-то протяжные голоса, крики, доносившіеся съ высоты Лубянки. Но наше вниманіе не было этимъ отвлечено отъ занимавшихъ насъ размышленій; такіе крики часто разносятся по сонной Москвѣ, съ мѣстъ, гдѣ — по ночамъ — чинятъ асфальтъ... Въ тѣ дни, на Кузнецкомъ Мосту стояла выпуклая искусственная изгородь съ деревяннымъ накатомъ, вокругъ какой-то затянувшейся постройки или ремонта дома; она начиналась, кажется, возлѣ оружейнаго магазина Штуцера и скрывала отъ глазъ всю верхнюю часть улицы. Едва мы обогнули крутой конечный выступъ этой изгороди, возлѣ художественнаго магазина Даціаро, какъ братъ мой, шедшій впереди, весьма неожиданно и даже напугавъ меня, схватилъ мою руку и вскрикнулъ:

— Смотри!

Онъ указывалъ куда-то вверхъ, выше и дальше темныхъ угловъ Рождественки. Я ничего не видѣлъ. Онъ повторялъ, нервно тиская мою руку и точно опасаясь, что поразившее его зрѣлище разсѣется, какъ видѣніе:

— Смотри-же!... Туда.... Дальше!...

Наконецъ я замѣтилъ нѣчто, дѣйствительно, странное и, на первый взглядъ, даже непонятное. Какая-то огромная темная фигура, среди совершенно пустой улицы, — живая, двигавшаяся, приближавшаяся къ намъ! Двигалась она не прямо, а какъ то неровно, зигзагообразно. И самымъ страннымъ въ ней было то, что — приближаясь къ намъ — она

то уменьшалась, то снова становилась огромной.

Это была — лошадь! Я разглядѣлъ ее при свѣтѣ фонаря, возлѣ магазина Мюра и Мерилиза. На ней были хомутъ и изорванная сбившаяся упряжь; порванныя возжи волоклись по землѣ. Она была ранена, искалѣчена. Ея передняя правая нога была переломлена на-двое, насквозь («начисто», — какъ потомъ говорили въ толпѣ), какъ разъ по мѣсту колѣнчатой бабки; нижняя часть ноги висѣла на едва уцѣлѣвшемъ кускѣ кожи.

И, все-таки, она бѣжала, — и ужасенъ былъ ея бѣгъ! Она бѣжала на своихъ трехъ уцѣлѣвшихъ ногахъ, въ мучительномъ напряженіи всего тѣла, высоко поднявъ верхнюю часть искалѣченной ноги; а нижня часть этой ноги болталась и вертѣлась въ воздухѣ, какъ малое древко молотильнаго цѣпа. Но ежеминутно она поникала, падала, прикасаясь къ мостовой окровавленнымъ остаткомъ колѣна. Тогда, отпрянувъ отъ земли, въ мятущемся отчаяніи, она вскидывалась на заднія ноги, искала опоры, крутилась на мѣстѣ, пятилась назадъ. Затѣмъ, снова установивъ смутное равновѣсіе на трехъ ногахъ, бѣжала дальше, впередъ... И такъ она добѣжала до Неглиннаго проѣзда, и здѣсь метнулась-было влѣво, въ сторону Софійки, но затѣмъ, точно раздумала или вспомнила что-то, круто поворотила назадъ, пробѣжала еще нѣсколько саженей и, наконецъ, остановилась возлѣ углового большого фонаря, по правую сторону улицы. Только тогда, подойдя къ ней, — вмѣстѣ съ другими, со всѣхъ сторонъ сбѣжавшимися людьми, — я разглядѣлъ, насколько она была обезображена. Не только сломанная нога мучила ее. Весь ея правый бокъ былъ изодранъ и сочился кровью. И была у нея еще одна рана: верхнее вѣко ея праваго глаза было сорвано полностью и — такъ же, какъ часть изуродованной ноги — висѣло на тонкомъ кускѣ кожи.

Она остановилась... Но и стоять ей было трудно: быть можетъ, труднѣе, нежели — бѣжать! Ея непрерывно осѣдавшее тѣло дрожало крупной дрожью; были слышны тяжелые удары ея сердца: «Гхакъ! Гхакъ!» Голова ея — то низко припадала къ землѣ, то рѣзко, точно съ перепугу, вздымалась вверхъ. А огромный, обнаженный, горящій глазъ напряженно косился на столпившихся вокругъ нея людей, точно поджидая, точно подкарауливая то, что они замышляли.

Въ толпѣ говорили о томъ, что ее надо пристрѣлить, не медля. Городовой и старшій дворникъ сказали, что убить ее, дѣйствительно, надо, — но что сдѣлать это никакъ невозможно безъ господина помощника; а они не могутъ сойти съ поста. Тогда, нѣсколько человѣкъ изъ толпы вызвались сбѣгать въ участокъ за помощникомъ пристава.

Братъ сказалъ:

— Ну, — тутъ начинается такое, на что и смотрѣть нельзя!

Онъ былъ очень блѣденъ, губы его нервно вздрагивали; и онъ растерянно поглядывалъ то на лошадь, то на меня.

— Вотъ это номеръ! — бормоталъ онъ, со свойственной ему манерой высказывать свои чувства съ нарочитой вульгарностью.

Затѣмъ, — какъ-то сразу рѣшившись, — онъ наскоро простился со мной и торопливо отошелъ.

А я остался. Я продолжалъ смотрѣть. И я видѣлъ все до конца.

III.

Была ясная ночь! Лошадь продолжала стоять, дрожа, покачиваясь и осѣдая всѣмъ тѣломъ. Люди, столпившіеся вокругъ нея, были, въ большинствѣ, не злые, жалостливые люди. Они жалѣли погибаю-

щую лошадь; это сказывалось въ ихъ вздохахъ и восклицаніяхъ — то ласковыхъ, то опечаленныхъ, угрюмыхъ. Жалѣлъ ее деревенскій мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, безъ шапки, громкимъ голосомъ разсказавшій толпѣ о томъ, какъ у нихъ, въ деревнѣ, въ такихъ случаяхъ рѣжутъ лошади горло кухоннымъ ножомъ. «По дыхалу»! — сказалъ онъ. И добавилъ: «Ей Богу!», укоризненно и покорно мотая головой и какъ-бы желая этимъ сказать, что вотъ-де какіе ужасы бываютъ на свѣтѣ, и что страсти — какъ жаль лошадку. Жалѣлъ лошадь и старшій дворникъ, немолодой, бородатый человѣкъ съ умнымъ и хмурымъ лицомъ, нервно разсердившійся на мальчика за его разсказъ. «У насъ въ дере-е-евнѣ!» — передразнилъ онъ мальчика. И прикрикнулъ на него и на его однолѣтку-товарища, повышая голосъ: «Чего шляетесь, бѣсы!» — А потомъ, въ сердцахъ, онъ пытался — безрезультатно — разогнать и всю толпу; и по тому, какъ онъ говорилъ, что нечего зря глазѣть на конченную, пропащую скотинку, было ясно, что муки лошади проникали въ его сердце. И даже, молодая дама и господинъ, въ хорошемъ заграничномъ платьѣ, вышедшіе изъ ресторана «Ришъ» и, сначала, звучными, дворянскими голосами суетливо справлявшіеся у всѣхъ о томъ, гдѣ и какъ случилось это происшествіе, — потомъ притихли и, поглядывая на лошадь, перешептывались, прижавшись другъ къ другу, съ внезапно погасшимъ блескомъ въ не-трезвыхъ глазахъ. Жалѣли, кажется, всѣ... Разсказъ прибѣжавшаго ломового возчика о томъ, какъ лошадь, оставшаяся на минуту безъ его присмотра, чего-то испугалась, понесла, наскочила на маневрировавшій по Лубянской площади пустой трамвай и, потомъ, отъ боли и испуга, вырвалась изъ упряжи, — передавался изъ устъ въ уста невольно пониженнымъ голосомъ, значительнымъ полушепотомъ.

Но никто не двигался съ мѣста, никто не уходилъ. Потому-что всѣ эти искренно жалостливые люди не только жалѣли лошадь, — но и ждали ея смерти, ждали съ любопытствомъ, съ нетерпѣніемъ, и все поглядывали, не идетъ-ли помощникъ пристава съ револьверомъ. Они не только ждали ея смерти, но и хотѣли, чтобы эта смерть произошла на ихъ глазахъ и какъ можно скорѣе. Не самое грядущее исчезновеніе лошади волновало людей, — а то, что на ихъ глазахъ должно было произойти послѣднее, предѣльное, высшее и самое страшное дѣйствіе, разрывающее жизненную оболочку и потрясающее міръ дуновеніемъ небытія. Лошадь не могла и не должна была уйти отъ этого дѣйствія! Потому-что люди видѣли ея горящій непосильною мукой глазъ, ея разорванное тѣло, ея кровь, смятеніе и ужасъ, и все, что дѣлало ее, когда-то сильную, ничтожной и ненужной для жизни. И чѣмъ жесточе была ея мука, и чѣмъ больше было ея ничтожество, тѣмъ крѣпче была увѣренность людей въ томъ, что она не можетъ и не должна уйти отъ смерти... Мальчикъ, безъ шапки, теперь говорилъ, обращаясь къ старшему дворнику: «Дядь, а, дядь, слышь что-ли, — вѣрно, знать, подъ ворота ее заведутъ, либо на дворъ, а не то, чтобы здѣсь зашибутъ?» — Бородачъ хмуро отругивался. Тогда молодая дама изъ ресторана «Ришъ» сказала музыкальнымъ дворянскимъ голосомъ: «Милый дядя, какой вы, право, смѣшной, что все сердитесь! Вы бы лучше объяснили намъ, — дѣйствительно, поведутъ куда-нибудь лошадку, или здѣсь убьютъ?» — Чей-то мужской голосъ изъ толпы убѣжденно отвѣтилъ: «Здѣсь убьютъ!» — А бородачъ спросилъ: «А вы, барыня, зачѣмъ зря безпокоитесь?» — Кто-то въ толпѣ засмѣялся. Молодая дама музыкально сказала: «Милый дядя, какой ты, право, глупый! Лошадку, конечно, жаль, всѣмъ жалко, — но вѣдь

ее, во всякомъ случаѣ, непремѣнно убьютъ?» — Тотъ-же убѣжденный голосъ изъ толпы повторилъ: «Непремѣнно убьютъ!» — А сухопарая, тонкогубая мѣщанка, стоявшая возлѣ лошади, на мостовой, впереди всѣхъ, сказала: «Чего еще зря ее мучить! Гдѣ встала, тамъ и убивайте!» — Молодая дама обратилась къ ней: «Да, но вотъ мальчикъ сказалъ, что ее куда-то уведутъ?» — Тогда старшій дворникъ остро взглянулъ на нее, и опять нервно передразнилъ: «Мальчикъ сказалъ!... А вы, барыня, больно умны, что слушаете!» — Молодая дама подняла на него свои красивые, беззащитные глаза: «Значитъ, — сказала она, — ее здѣсь убьютъ?» — И снова были изъ толпы увѣренные голоса: «Здѣсь убьютъ!..»

А лошадь продолжала стоять — и надрываться на мѣстѣ. Надъ ней совершалась ясность звѣзднаго неба; вокругъ нея шептались и перекликались безсильные люди. А она ждала отъ нихъ помощи... Какъ въ прежнія времена, всякое утро, когда свѣтъ проникалъ въ ея темное пристанище, и хозяинъ отгонялъ ее отъ стойла незлобнымъ окликомъ, въ груди ея, — точно чириканіе и щебетъ вспорхнувшихъ пташекъ, — подымались радостныя устремленія къ жизни, сердце взбухало отъ довѣрія къ человѣку, и мерещились впереди веселый бѣгъ и вольный поскокъ по зеленымъ, сочнымъ лугамъ, позлащеннымъ солнцемъ, — такъ и теперь, смертельно испуганное сердце въ изувѣченномъ тѣлѣ, съ удесятеренной силой, въ послѣдній разъ, обманывалось, ждало отъ людей великаго утѣшенія, искало спасенія, вѣрило! Теперь она вѣрила въ людей не отъ довѣрія къ нимъ. Вѣдь и въ тѣ прошедшія времена, всякое утро, она слышала осаждающее «но, н-о-о-о!» и потомъ на нее надѣвали ярмо, и начинался подневольный бѣгъ по заказаннымъ дорогамъ, среди каменныхъ домовъ зловоннаго города, и тоска безцѣльныхъ стоянокъ, и удушье усталости, и погоня-

ющій бичъ! Но такъ безпощадна мука капля-за-каплей истекающей крови, такъ страшенъ каменный міръ, исполосованный непонятными, со всѣхъ сторонъ набѣгающими темными тѣнями, міръ шатающійся, міръ размякшій, міръ струящійся горючей липкой слизью, и полный неожиданно зіяющихъ проваловъ! А небо творитъ свою далекую золотую ясность, — но она безотвѣтна къ мукамъ тѣла, и кругомъ нѣтъ никого, кромѣ шепчущихъ и перекликающихся людей! И она вѣрила въ людей — отъ боли и отъ ужаса.

А рѣшеніе людей было непоколебимо и слѣпо... И когда, со стороны Третьяковскаго проѣзда, показалась группа людей, когда къ толпѣ подбѣжалъ запыхавшійся человѣкъ, побывавшій въ участкѣ, и сказалъ: «Идетъ!» — и среди людей поднялись шопотъ и вздохи удовлетвореннаго ожиданія, — мнѣ показалось, что и она, лошадь, поняла... Она поняла слѣпое безсиліе людей, ихъ непреклонную убѣжденность въ томъ, что для нея нѣтъ возврата къ жизни, что она достойна смерти. Внезапно, — этого въ толпѣ никто не ожидалъ, — она вся вытянулась, насторожилась; по ней пробѣжала нервная дрожь. Затѣмъ, она заерзала, заметалась на мѣстѣ, тяжело потрясая всѣмъ тѣломъ, и, вдругъ — пугая людей своей рѣшимостью, разгоняя ихъ своимъ отчаяніемъ, она вскинула морду къ звѣздному небу — и побѣжала.

И вотъ тутъ-то обнаружилось, что люди не хотѣли ея спасенія, — что они не допускали, чтобы она, вырвавшись на волю, могла продлить свою жизнь. Раздались свистъ и крики: «Держи!» — «Забѣгай впередъ!» — «Бери съ двухъ сторонъ!» — И вся толпа, — не меньше сорока человѣкъ, — побѣжала вслѣдъ за лошадью.

Она бѣжала, ударяя о мостовую обѣими задними ногами одновременно, и конвульсивно цѣпляясь

за нее здоровой передней ногой. И опять она скользила, падала, карабкалась, и еще разъ превозмогала отсутствіе опоры и равновѣсія изступленнымъ отчаяніемъ и мятежными порывами воли. Вокругъ нея все было смутно, расхлябано, полно зіяющихъ проваловъ, и только боль и ужасъ бодрили ее, придавали ей силы. Но и эти послѣднія силы постепенно оставляли ее... И, не добѣжавъ до Трубной площади, передъ небольшимъ, разбитымъ здѣсь, садикомъ, она снова пріостановилась и стала затихать, покачиваясь и припадая головой къ землѣ... Смолкли вокругъ присвистъ и крики людей. Они не рѣшались сразу напасть на нее. Они осторожно приближались къ ней, они сговаривались между собою, какъ поступить, — и голоса ихъ опять понизились до благообразнаго соболѣзнующаго шопота.

Она стояла на мѣстѣ...

Была ясная ночь! Гармонія звѣзднаго неба звучала надъ городомъ. Воздухъ былъ полонъ ея нѣжнымъ бряцаніемъ, легкимъ металлическимъ перезвономъ, и синими переливами эфирныхъ трелей. Съ ними сливаясь, какъ-бы въ общемъ возвышенномъ раздуміи, смиренно пѣли телеграфные столбы. Людскіе вздохи и шопотъ, ихъ темные силуэты, тревожные сигналы ихъ рукъ, надвигались на лошадь все ближе и ближе, окружали ее. Уже слабѣли ея порывы! Когда, отъ безсилія, она опускалась на раненое колѣно, — она ощущала кровавую слякоть и снова *вспоминала,* покоряясь все больше и больше. Одиночество, ужасное единство ея тѣла, неумолимо забитаго въ изодранную шкуру, мучило, обжигало ее — и сковывало всю. Долгое тщетное рвеніе одолѣло ее. Она устала метаться и биться; она никла, она замирала. И что-то смутное — еще крѣпче, чѣмъ тѣло, скованное — зашевелилось въ ней. Что-то смутное, еще глубже замкнутое, еще жесточе полоненное, что было въ ней и прежде, и все-

гда... Все ближе и ближе мелькали вокругъ горящіе глаза людей, и уже слышались ихъ осторожные, крадущіеся по асфальту шаги; уже слышала она тихое призывное усканіе, вкрадчивые голоса, ласковые оклики... — всѣ эти обманные, предательскіе зовы людей, которые она издавна, съ такою горечью, познала. Кто-то подползалъ къ ней по землѣ... тамъ, позади, за ея спиной! Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, вспряла ушами — и захотѣла оборотиться, посмотрѣть. Но тогда то смутное, что было въ ней всегда, и теперь высоко подымалось изъ темныхъ глубинъ, незыблемо и тяжко склонилось надъ ея безнадежной болью, и не позволило ей шевельнуться; это была ея лошадиная душа, это былъ ея голосъ: «Не надо! Остановись! Пощады не будетъ!»

Тогда она сдѣлала то, на что еще хватало ея силъ. Она выпрямилась. Она встала, старательно крѣпясь, на своихъ трехъ уцѣлѣвшихъ ногахъ; она вытянулась, что было мочи, вверхъ. Еще одинъ мучительный и осторожный порывъ: и высоко надъ улицей простерлась ея шея, и вознеслась ея голова! А тогда и та искалѣченная нога, покачавшись изъ стороны въ сторону, тоже спокойно повисла, застыла. «Гхакъ! Гхакъ!...» билось ея сердце. Теперь горящіе глаза людей окружили ее — со всѣхъ сторонъ... со всѣхъ сторонъ! Довольно! Она поняла! Все кончено...

И, вдругъ, я услышалъ ея негромкое ржаніе, — негромкое, но нѣжно продленное, властно усиленное, вольное, великое — и потомъ затихшее, замершее, въ невыразимой сладости чуть сдержаннаго вздоха. Въ этомъ крикѣ, похожемъ на стонъ и на пѣніе, была и тоска, и рѣшимость, и страстное упованіе, и чудная готовность. О, это была прекрасная пѣсня души, возвышенной надъ міромъ! Я понялъ ее... Ея темная, смутная душа дотолѣ не давала ей

отрады, — но тяжко угнетала подъ неодолимымъ игомъ непониманія земного рабства и подневольныхъ скитаній; а теперь она предвкушала возможность нездѣшней и вѣчной воли, далеко отъ мукъ изнемогшаго тѣла, среди блаженныхъ просторовъ, и потому рвалась наружу, устремлялась далеко и высоко... туда-туда, откуда бьютъ на землю неумолчные трели и перезвоны гармоніи небесной!

Люди надвинулись на нее. Ихъ руки коснулись ея шеи, ея спины. Она грузно всколыхнулась, отрясла ихъ всѣхъ, перепуганныхъ, прочь отъ себя; и потомъ, внезапно притихшая, спокойная, она сама склонила колѣна, сама полегла на землю. Голова ея свалилась на мостовую. Сердце затихало. Люди гнули спины, стараясь заглянуть въ ея глаза; а она (развѣ не всѣ это поняли!) пыталась сомкнуть свои глаза, чтобы не видѣть. Здоровый глазъ закрылся. Но тотъ другой, залитый кровью, безвѣкій, — тотъ, передъ которымъ въ эту ночь разорвалась завѣса, открывшая взору истинный, такой немилосердный обликъ жизни, — былъ теперь беззащитенъ: то погружаясь въ тусклость забвенія, то загораясь послѣднимъ отблескомъ пережитого, онъ продожалъ смотрѣть и видѣть. «Я лошадь! Передо мной открылся ужасъ міра!» — говорилъ этотъ взглядъ... Толпа разступилась, пропуская помощника пристава и понятыхъ людей, съ веревками. Но кто-то сказалъ: «Можно не вязать!». — И затѣмъ, они снимали съ нея хомутъ, ремни, всю упряжь, все ярмо, всѣ путы, пропитанныя ея потомъ и кровью, которыя связывали ее въ долгіе годы покорнаго бѣга по земнымъ дорогамъ... Они обнажали ее, они торопливо готовили ее къ послѣднимъ тайнымъ испытаніямъ, къ послѣднимъ ударамъ.

Парижъ, 1922 г.

ДОМИКЪ ПОДЪ СНѢГОМЪ

I.

...Возможно, что теперь наступившіе дни — еще не приближеніе того конца, о которомъ неизмѣнно говоритъ тихая безумная, Наталія Ивановна, иногда навѣщающая нашъ домикъ. Но если намъ суждено одолѣть эти дни, если мы выживемъ — и когда-нибудь, среди тепла и свѣта, въ чистотѣ тѣла и съ душой отдохнувшей, забывшей, оглянемся на прошлое, то — вѣроятно — мы просто-на-просто ничего не поймемъ въ нашихъ теперешнихъ думахъ, чувствахъ, ощущеніяхъ. Самые истоки боли нашей, — это больше, чѣмъ простое сознаніе гибели Россіи и собственной своей обреченности, — покажутся намъ странными, почти ирреальными. А подлинныя видѣнія жизни, посѣщающія насъ въ этомъ кромѣшномъ одиночествѣ, на которое мы осуждены равнодушіемъ людей тамошнихъ, потусторонних, не-знающихъ, видѣнія, неумолимо воплощающія безвольное броженіе плоти человѣческой, — ея случайное, шальное горѣніе и внезапное покорное угасаніе, — будутъ нами же объяснены игрою разстроеннаго воображенія. И для всей этой живой муки, въ которой теперь такъ страшно, такъ непонятно-прекрасно, такъ передъ цѣлымъ міромъ открыто, смертельно бьется и исходитъ душа Россіи, какой-нибудь многоученый и хитрый дуралей обязательно придумаетъ пустозвонкое латинское слово.

А я знаю, что въ эти дни мы поднялись въ выс-

шія, предѣльныя сферы бытія, гдѣ человѣческая совѣсть обрѣтаетъ прозрачность стекла и силу, и жгучесть расплавленнаго металла, — когда человѣкъ поистинѣ бесѣдуетъ съ Богомъ, какъ тотъ хулитель-разбойникъ, или какъ тотъ другой, благоразумный, но всегда лицомъ-къ-лицу съ Нимъ, воочію, и съ дерзаніемъ небывалымъ.

Офицеръ Д., одинъ изъ послѣднихъ защитниковъ родины, былъ разстрѣлянъ мѣстными убійцами изъ здѣшней такъ называемой Чрезвычайной Комиссіи. Убійство происходило невдалекѣ отъ полотна желѣзной дороги, подлѣ старой, полуразрушенной фабричной стѣны, окруженной дикимъ кустарникомъ и колючей проволокой. Сюда, ночью, передъ разсвѣтомъ, привели офицера, и здѣсь онъ самъ для себя вырылъ неглубокую яму. Затѣмъ, въ него стрѣляли, — стрѣляли въ голову. Но не убили его! Его били и недобили, какъ это теперь случается часто, такъ часто... А онъ даже и сознанія не потерялъ. Но повинуясь непреодолимому инстинкту жизни, какъ любой жучокъ, какъ божья коровка, упалъ и притворился мертвымъ. Тогда они столкнули его въ яму и бросили на него нѣсколько лопатъ земли. И отошли въ сторону, и занялись табачкомъ. И лежалъ онъ въ ямѣ, съ разбитой головой, но не потерявшій сознанія, и ощущалъ свою кровь и комья земли на лицѣ, — и раскрылъ глаза и смотрѣлъ на небо, на звѣзды... И о чемъ же онъ думалъ, что чувствовалъ, когда такъ лежалъ въ ямѣ, какъ человѣческая падаль, и смотрѣлъ на еще не ушедшее изъ его глазъ мірозданіе? Я думаю, что передъ нимъ раскрылась величайшая изъ постигаемыхъ на землѣ, и для насъ, смертныхъ, абсолютная истина — о мірѣ, о вѣчности, о Богѣ. Она встала передъ нимъ отчетливо и строго, не какъ милая сказка, а какъ огненная быль, мгновенно воплотившись въ объединенномъ вихрѣ истекающей крови, пожара поколеб-

ленныхъ звѣздъ, зыбучей тверди и духа сырой земли — вокругъ, вездѣ — и шаткаго неба, нависшаго такъ близко! И эту суровую истину онъ унесъ съ собой изъ преждевременной могилы, когда позже, воспользовавшись предразсвѣтнымъ туманомъ и малой бдительностью куривших убійцъ, нашелъ въ себѣ силы, чтобы встать и бѣжать — по отнынѣ новой землѣ, подъ разгаданнымъ небомъ — къ знакомымъ ему людямъ. Они были люди не-злые и нетрусливые. Они подобрали и спасли его.

Такъ оно теперь происходитъ въ Россіи. Тайну человѣческаго бытія мы познаемъ не черезъ текущую жизнь, — которую у насъ отняли, которой нѣтъ, — а черезъ застывшее мгновеніе смерти, уже смѣшавшее насъ съ пылью и тлѣномъ земли, и съ нашей собственной кровью. И неизрѣчимо пусто было бы въ моемъ сердцѣ, если бы не могъ я думать, — не Твоя ли я падаль, Боже? Потому-что я знаю, что всѣ мы, живущіе въ этомъ лѣсномъ домикѣ, занесенномъ снѣгомъ, задавленномъ сугробами и близостью вереницы огромныхъ мрачныхъ зданій, населенныхъ умалишенными, всѣ мы — уже сброшены въ яму. Кто изъ насъ выживетъ, спасется? Не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, не тотъ, чье сердце насыщено только злобой, только злобой...

Офицеръ же, вышедшій изъ могилы, — я видѣлъ его, — послѣ долгой, мирной бесѣды, сказалъ мнѣ тихо, съ какой-то суровой покорностью:

— Струится свѣтъ надъ Россіей. Нездѣшній свѣтъ! Горятъ міры. Нездѣшніе міры! Пламень влекомъ къ пламени. Пламень Россіи тянется къ пламени иныхъ міровъ, — нездѣшнихъ! Когда сольются ,будетъ Россіи литургія — и все свершится!

II.

Покорность приходитъ черезъ пониманіе призрачнаго бѣга времени и нашего, людского, измѣренія его. Человѣкъ, надъ которымъ произвели кровавое насиліе, но чье сознаніе не угасло, даже тогда, когда его, еще живого, пытаются втоптать въ тлѣнъ земли, — либо совсѣмъ теряетъ представленіе о времени, либо чуетъ его въ порядкѣ божественнаго разумѣнія. Онъ узнаетъ, что времени нѣтъ. Что теченіе жизни происходитъ не по руслу того, чего не было, что потомъ настало и вновь исчезнетъ, а въ томъ, что есть, всегда было и не пройдетъ. Что подобно тому, — милая школьная мудрость, — какъ природа не знаетъ ни верха, ни низа, ни правой, ни лѣвой, такъ точно не можетъ въ ней быть ни вчера, ни сегодня, ни завтра, а только — мигъ единъ, неизмѣримый, вѣчный, но, конечно, уже завершенный, однажды и навсегда запечатлѣнный огнемъ божественнаго разума, огнемъ нездѣшнимъ, намъ, смертнымъ, непонятнымъ. И я и могъ бы вообразить, что задумавъ созданіе человѣка и вселенной по музыкальному вдохновенію Своему, Творецъ присѣлъ къ небеснымъ клавесинамъ и взыгралъ на струнахъ думъ и чувствъ Своихъ, — и появились свѣтила, земли, моря, деревья, птицы, звѣри, человѣкъ и жена его, и стали мы жить и плодиться, и было все, что было, и отъ первой юной зари до этихъ русскихъ подъвьюжныхъ ночей мы жили по неумолчнымъ новымъ повелѣніямъ могучей, грозной, непонятной и нечеловѣчной симфоніи, которую Творецъ все играетъ, не отрываясь отъ орудія гласа Своего! И что и теперь мы неуклонно идемъ — къ какимъ еще голосамъ и воплямъ таинственнымъ, къ какому звону, и пѣснямъ, и свирѣлямъ несказаннымъ? Я могъ бы представить себѣ

такую продленную симфонію! Но совѣсть — смутно, но вѣрно, подсказываетъ и мнѣ, какъ тому офицеру въ дикой могилѣ, что былъ лишь одинъ аккордъ, одинъ, по тайному промыслу обороненный, и запечатлѣнный на вѣки-вѣковъ.

И вотъ, я чую. Событія, войны древности, Великое переселеніе народовъ, Паденіе Римской имперіи, Крестовые походы, Татарское иго, Смутное время, Французская революція, Наполеонъ, вчерашняя Міровая война,Большевики въРоссіи,Всенародная расправа съ ними, Возрожденіе Россіи, и многое другое, и все, еще намъ не раскрывшееся воочію, — все это не только уже совершилось, все это было въ единовременіи, было и есть теперь, было, и есть, и не пройдетъ, пока не сгоримъ мы, испепеленные огнемъ сокровеннымъ, отъ насъ, смертныхъ, сокрытымъ, нездѣшнимъ... А инымъ онъ раскрывается въ видѣ свѣта тихаго, возструившагося надъ Россіей...

Человѣкъ, узнавши это, не понесетъ свою душу въ лживую обитель растлѣннаго смиренія передъ людьми; но онъ сурово покорится для жизни новой, безбоязненной.

Чего бояться? Время — мѣдный листъ осенній, сгоравшій на деревѣ, въ огнѣ холода, дождей и тумановъ. Не изойдетъ онъ до срока томленіемъ, но вѣтру, бьющему его, скажетъ: — Брегу дальнему, — куда ты мчишься, — скажи, что я догорю! — А вѣтеръ, сверля и дробя его, отвѣтитъ: — Уже уготованы для тебя новые чертоги и шатры, на пепелищѣ старыхъ. Гряди, гряди въ огнѣ! — И въ этомъ — время! Развѣ я не чувствовалъ это, когда въ октябрѣ, стоя у окна моей комнаты, ждалъ приближенія русской арміи, тогда такой близкой, — ждалъ ее и позже, когда она уходила все дальше и дальше, — и среди проклятій, и злобы моихъ, взглянувъ на умиравшую листву, подъ одинокимъ послѣднимъ лучомъ солнца, вдругъ плакалъ и мо-

лился отъ умиленія, сознавая невольно: — О, сколь блаженна эта осень!...

Ибо время — въ блаженствѣ умиранія для новой жизни. И я знаю, что самый ничтожный листокъ, опавшій на землю и охваченный ея могучимъ дыханіемъ, пронзенный ея тлѣномъ, прежде, чѣмъ умереть, кадитъ фиміамомъ великому горѣнію вселенной, и въ такой торжествующей мукѣ — исходитъ.

III.

Въ тѣ осенніе дни, по дорогѣ ведущей вдоль опушки лѣса, не столь далеко отъ моего окна, безпорядочными толпами шли красныя воинскія части; ихъ гнали на Орелъ, которому тогда угрожали солдаты генерала Деникина. Нерѣдко они проходили въ поздній часъ, съ наступленіемъ ночи. И иногда, заслышавъ, такой знакомый мнѣ, далекій гулъ и гамъ, я выходилъ въ лѣсъ, прислонялся къ стволу дерева, невдалекѣ отъ опушки, и въ сумеркахъ поджидалъ ихъ появленія. Я стоялъ, ждалъ... Темнота быстро надвигалась... Скорбное, мягкое молчаніе осени окружало меня. Здѣсь, близко, рядомъ со мной, — только прозрачная тишина и шорохъ упавшей съ вѣтки дождевой капли. И я вслушивался вдаль...

Страшно было ихъ приближеніе! Это глухое, далекое, но все возроставшее громыханіе, похожее на тяжелый рокотъ и дребезгъ многихъ мельничныхъ жерновов, постепенно, очень медленно, разрывалось въ отдѣльныхъ высокихъ выкрикахъ, въ перекатахъ визга, хохота, пронзительнаго свиста, — снова всхлестывалось волнами сплошного гудѣнія и рева, сотрясалось бряцаніемъ и скрежетомъ винтовокъ, извергало мѣдный лязгъ, звонъ походныхъ чайниковъ и котелковъ. Но былъ одинъ странный

звукъ, все тотъ же, — хлопающій, какъ бичъ, какъ выстрѣлъ, — который все болѣе отчетливо выдѣлялся изъ наступавшаго гама и гомона, по мѣрѣ того, какъ они подходили. И чѣмъ ближе они были, тѣмъ выше и ярче онъ подымался и сверкалъ надъ общимъ громомъ ихъ надрывного дикаго говора и буйныхъ шаговъ. Короткій, повторный выкрикъ, одно лишь слово, но еще, и еще, — какъ огненные взрывы, — затопляло нещаднымъ свѣтомъ весь ихъ неумолчный разнузданный міръ. Это было то священное для человѣческой жизни слово, которое они выбрали и по-своему приспособили для облегченія своей, — какъ это въ солдатскихъ пѣсняхъ говорится, — наболѣвшей души. И вотъ, они проходили мимо... Мать!... Мать!... Они шли, неудержно понося и проклиная чрево, ихъ носившее, и сосцы ихъ вскормившіе...

— Воюете?! — спрашивалъ я нѣкоторыхъ изъ нихъ, заходившихъ въ лѣсъ оправиться, переобуться. Охваченные внезапной темнотой лѣса, они чиркали спичками передъ моимъ лицомъ, наводили на меня карманные фонарики, повышая голосъ:

— Какой такой человѣкъ?!

Иные кричали, — нето забавляясь, нето серьезно:

— Здѣсь и шпіонитъ! Волоки его къ свѣту!

Но разглядѣвъ, что я рванъ и худъ, и узнавъ, откуда я, смягчались...

— Повоюешь тутъ, коли ежели что... — со вздохомъ выговорилъ заступившійся за меня человѣкъ, — постарше, съ бородой. Другіе вразбродъ ругали войну, винтовку, генераловъ, осеннія ночи. Я робко бормоталъ, пытаясь сказать о родинѣ, о врагахъ Россіи. Но тогда одинъ изъ нихъ, который въ это время стоялъ грудью къ стволу дерева и томно покрикивалъ, подражая кукушкѣ, внезапно круто повернулся и, обливъ меня мочой, истошно закри-

чалъ, съ хриплыми срывами въ молодомъ голосѣ; въ темнотѣ я чувствовалъ, что онъ тощій, замотавшійся, бѣшеный:

— Да ты что тѣнь наводишь, артистъ?! Войну объяснить захотѣлъ! Умни, братъ, зря! Хоть я и анархистъ, но не такъ индивидуаленъ, какъ ты, собака! Война, аль революція! Польза, аль нѣтъ! Плевать!! А по-моему: заверталось — и все тутъ!

Онъ съ руганью вскинулъ винтовку за-плечи и побѣжалъ изъ лѣса, на-ходу застегиваясь и сморкаясь въ кулакъ...

— Анархистъ онъ, или коммунистъ? — спросилъ я того, спокойнаго, бородатаго; въ темнотѣ я успѣлъ приглядѣться къ нему. Всѣ остальные покидали лѣсъ... Мы остались одни.

— Не-е-е, — протянулъ онъ, — такъ, шальной... городской, должно, человѣкъ! А сказалъ правильно, — заверталось! Гоняютъ-то какъ! Туды — сюды, напередъ — назадъ, конца не видать войнѣто!... А вы что, изъ образованныхъ будете?

Я сказалъ, что я хворый и все забылъ, ничего не помню. Страстно захотѣлось мнѣ, чтобы онъ меня поучилъ. Потому-что въ его спокойствіи, вѣжливости, и въ томъ, что онъ беззлобно шелъ по родной ему землѣ дѣлать страшное, непонятное мнѣ дѣло, мнѣ почудилась большая, особая народная мудрость, отъ меня скрытая. Какое-то растерянное, но острое чувство любви, почитанія и страха передъ этимъ человѣкомъ всколыхнулось во мнѣ. Внезапныя спазмы сдавили мое горло. Мнѣ показалось, что тяжкая длань Россіи испытующе легла на мое сердце, и сжимаетъ его сурово, безъ сожалѣнія. И я такъ г сказалъ, просилъ его, — чтобы онъ научилъ меня, почему война такъ несчастно кончилась, и почему она теперь возобновилась, братоубійственная, ненужная... Чувства мои какъ-будто передались ему; во всякомъ случаѣ, онъ понялъ мою рас-

терянность. Я замѣтилъ, что онъ сталъ поглаживать свою бороду, искоса поглядывая на меня. Кажется, онъ почувствовалъ себя степеннымъ и умнымъ. Тихонько, пѣвуче онъ говорилъ: «И очень даже пріятно сказать вамъ!... Какъ между прочимъ не сказать!...» А потомъ — молчалъ. Передъ этимъ онъ кончилъ переобуваться, и мы вышли на опушку, мимо которой все еще шли отдѣльные, отставшіе красноармейцы. Онъ, какъ на палку, опирался на свою винтовку, поглаживалъ бороду и молчалъ. А я тревожно ждалъ, боясь, что онъ ничего не скажетъ. За опушкой я яснѣе разглядѣлъ его лицо. То было улыбающееся человѣческое лицо, выражающее пріятное отдохновеніе за умнымъ разговоромъ...

Вотъ что онъ, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Когда Александръ Третій выгналъ всѣхъ жидовъ изъ Москвы, нѣмцы обозлились и поклялись пролить православную кровь!

И неожиданно, какъ-то значительно повышая голосъ, добавилъ:

— Будто, одначе, будемъ теперь сдаваться генералу Деникину, — ребята сказывали!... Ну, прощайте...

Онъ отошелъ... Юродивое чувство, владѣвшее мною въ теченіе всего разговора съ нимъ, я вытолкнулъ изъ себя вонъ. Длань, давившую мое сердце, я отъ себя отторгнулъ, какъ лапу звѣря. Я никому не позволю испытывать мою душу, ибо она теперь горитъ во времени грядущемъ, вѣчномъ! И самъ я осилю этотъ огонь...

А черезъ какую-нибудь недѣлю многіе изъ нихъ шли обратно, на Тулу. Орелъ былъ занятъ бѣлыми. А они, красные, бѣжали.

Теперь они проходили вольнымъ сбродомъ, случайнымъ сборищемъ, босоногіе, рваные, искалѣченные, безъ оружія. И снова они входили въ просвѣтленную осеннюю рощу, снова тревожили своей

ненасытной и неутѣшной бранью ея свѣтлозолотыя блаженныя нѣдра, падали на сырые листья, расчесывали до крови свои разъѣденныя вшами ноги и тѣла, тряслись на холодѣ, стонали, болѣли тутъ-же, — походя, между прочимъ, — и разсказывали о разномъ, о многомъ, и все-больше о вздорномъ.

Слышалъ я тогда:

— Взяли мы одного ихняго въ плѣнъ, — за Орломъ эта! Ну, конечно, хотѣли порѣшить. А онъ разжалкился, плачетъ, да на колѣни! «Товарищи, г-ритъ, православные, г-ритъ, — запутался сволочь, и сказать какъ — не знаетъ! Ну, а мы съ немъ портки-то сняли, а въ ней золото, ей Богу! Имперіалы, ли полаимперіалы, — я ужъ и забылъ, чортъ, какъ ихъ звали. Все николаевскіе, двадцать ровно штукъ. Хорошо... Ну, сказывай, г-римъ, откедова это ей у тебѣ быть! А онъ — раньше, какъ все трясси, а тутъ смирный такой, да въ божьбу истинную! Чего ты съ нимъ сдѣлаешь! Клянется, — г-ритъ, генералъ Деникинъ это на кажинную крестьянскую семью... ну, и сахару тамъ сколько хошь, а ужъ хлѣба бѣлаго не откажись! Ну, отпустили его, да-а, — потому, можетъ, человѣкъ правду сказалъ... Да и деньги — к-кой чортъ, не фальшивыя, а вѣрныя, потому Митька Хворостовъ, тамошній онъ, курскій, схапалъ ихъ всѣ, сукинъ сынъ, да наутекъ домой, черезъ ихъ то-исть, бѣлыхъ... А можетъ, и навралъ этотъ человѣкъ, кто его знаетъ, — хитеръ, прикидчивъ былъ, сволочь! А, да ну и пропади-же ты пропадомъ эта самая комунія, потому хуже все одно не будетъ, — хоша-бы и навралъ тотъ человѣкъ насчетъ сахару, да денегъ энтихъ...

А потомъ настала зима... Сначала нѣсколько неподвижныхъ бѣлыхъ дней, какъ-будто изваянныхъ изъ легкаго камня... Неожиданно въ воздухѣ закружило снѣжной пылью и юными снѣжинками. А затѣмъ, снѣгъ повалилъ большими хлопьями, и въ

нѣсколько дней сугробы окружили лѣсной домикъ, надвинулись на окно моей комнаты... А они все шли, да шли по дорогѣ — и теперь уже въ оба направленія. На Орелъ, оставленный бѣлыми, двигались большія части, обозы. А къ Тулѣ пробирались всякіе немощные отбросы солдатчины, мелкія оголтѣлыя скопища — безоружныхъ, раненыхъ, отпускныхъ и бѣгунцовъ. И теперь они говорили:

— Мы за имъ, а онъ отъ насъ!

Я не сразу понималъ:

— Какъ такъ?

А они поясняли:

— Мы, значитъ, за имъ, бѣгомъ, да на-ура, чтобы, значитъ, сдаться. А онъ по-своему не понимаетъ, да опять-же бѣгомъ, да на-утекъ,—боится, душа его песья! Ну, а потомъ, какъ онъ до Курска откатился, — мы-то, значитъ, побѣдили, — смотришь, въ два дни бѣлой булки и не сыскать! Все, стерва, съ собой увезъ!

И когда они покидали лѣсъ, я смотрѣлъ имъ вслѣдъ и видѣлъ, что вѣтромъ ихъ въ полѣ валяло и долу клонило, какъ замотавшуюся, надорванную ветошь... А тѣ, которые шли на Орелъ, были еще злѣе. Ихъ злили морозы, пѣшіе перегоны, недостатокъ хлѣба, и то, что, — какъ они говорили, — войнѣ конца-краю не видать. И отъ этихъ я только и слышалъ: «Сволочь-комиссары... большевики... коммунисты... жиды!...». И все-таки они шли, да шли, ничего не понимая, все проклиная, — потому-что что *завертáлось!...*

Въ этомъ безвольномъ круженіи ихъ плоти, въ которомъ и сами они находятъ, и по всей родной имъ землѣ разносятъ болѣзнь, одичаніе и смерть, перегораетъ все тѣло Россіи. И какъ же неистребима ихъ мука! Уже они и образъ человѣческій потеряли, и ничего впереди не различаютъ! И время идетъ

впередъ съ неслыханной, взбаламученной быстротой! Ибо время есть страждущая плоть.

IV.

Бѣлыя равнины, лѣсъ, кудрявая густая изморозь, на деревьяхъ, телеграфныхъ столбахъ и проволокѣ, а вдали, на дорогѣ — далекіе обозы и всадники... Какъ все въ Россіи, въ эти дни, ногами уходитъ въ самый смрадъ и тлѣнъ земли, а головою касается неба, — такъ и эти обозы, всадники, зажигаясь и растекаясь въ солнечныхъ нѣдрахъ воздуха, кажутся мнѣ необыкновенно большими, великими!... Утромъ — небо блѣдно-синее! Утромъ — въ груди слабая утренняя мечта о жизни! Верхушки деревьевъ, кружевныя, хрупкія, не шелохнутъ. На стволахъ, послѣ ночной вьюги, ровные, бѣлые лампасы. Нѣсколько поодаль отъ опушки, столь мнѣ знакомой, отдѣльно стоятъ три дерева, расположеніемъ и очертаніями своими напоминающія прекрасную нѣжную арфу; это излюбленное мѣсто красноармейцевъ...

И это все, что я вижу. Этимъ, какъ будто, замыкается мой міръ. Я не вижу Москвы, Парижа, Женевскаго Озера, и многихъ другихъ мѣстъ, гдѣ терпѣливо, спокойно, подчасъ и многострадально, но всегда свободно, я воздвигалъ свою жизнь. А по ночамъ, — по ночамъ все ясно, — мнѣ иногда грезится, что ни Москвы, ни Парижа, ни Женевскаго Озера, нѣтъ на свѣтѣ! Но вѣдь я не вижу и той деревеньки съ дальними выселками, — черной, обезлюженной, мертвой, — на которую я на-дняхъ глядѣлъ съ другого края лѣса, черезъ просвѣты голыхъ стволовъ; не вижу и самаго этого мѣста, гдѣ я стоялъ, на лѣсномъ пригоркѣ, надъ обширной снѣжной долиной, — а въ ней, какъ въ лебяжьемъ пуху, то-

нули и черная деревенька, и болѣе возвышенныя и отдаленныя выселки, осѣненныя блѣднымъ ладаномъ воздуха. А вѣдь тамъ я слушалъ зимнее вздрагиваніе лѣса, металлическій шелесть уцѣлѣвшей на вѣткахъ листовой ветоши, и эту скорбную тишайшую тишину: Русь!... Русь!... Русь!... А вѣдь и жена моя была со мною, — и, еще, она сказала мнѣ: «Поищемъ заячьихъ слѣдовъ!...»

Такъ оно и съ временемъ, которое мы поджидаемъ... Боже, нужна ли Тебѣ еще моя злоба? Какъ Москва, какъ Женевское Озеро, какъ деревенскія выселки, время новыхъ событій и дѣлъ остается скрытымъ отъ моего плотскаго взора, но пребываетъ, уже завершенное, вѣчное, у Тебя! Не уклони же отъ меня, послѣдняго изъ сыновъ Россіи, сладостныхъ мукъ покорнаго ожиданія, не уклони всѣхъ Тебѣ нужныхъ мукъ, — доколѣ не увижу освобожденной Россіи...

Ибо время, это — мы! Въ многообразіи видимыхъ формъ человѣческой муки на землѣ есть Чье-то единое невидимое Тѣло, распростертое надъ вселенной, пронзающее ее, смѣшавшееся съ ней непонятно, и содрогающееся въ насъ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, а можетъ быть, и въ бездушномъ камнѣ. И такъ Оно горитъ, и изливается тихимъ свѣтомъ во времени человѣческомъ. Такъ это видѣлъ тотъ человѣкъ, непомѣрно страдавшій и брошенный въ яму, съ просвѣтленнымъ сознаніемъ. И я, вмѣстѣ съ нимъ, разумѣю, что Творецъ выставилъ надъ міромъ Свою неисповѣдимую Свѣчу, возженную съ двухъ концовъ — и всегда Она горитъ, всегда есть начало и конецъ, и всегда Она — вся! И это есть Время.

Ибо времени нѣтъ, но есть Живое Время! Христосъ родился человѣкомъ, жилъ въ бѣдности и скорби, умеръ на крестѣ нашей, человѣческой, смертью, и воскресъ Богомъ. И тотчасъ-же постигъ про-

странства будущаго, и вспять потекъ. И стало такъ, что Онъ былъ всегда, — и тогда, когда Его не было, — до земного рожденія Своего. И вотъ, всѣ времена будущаго и прошедшаго вращаются вокругъ Него, въ огненныхъ сферахъ, исполненныхъ восторженныхъ красокъ и блаженныхъ звуковъ. И вотъ, сталъ Богъ навсегда и былъ всегда.

Какъ же мнѣ теперь не понять, что съ 1-го марта 1919-го года, когда я впервые бѣжалъ изъ Москвы и, затѣмъ, по-очередно бросался — то въ Петроградъ, навстрѣчу финляндцамъ, то въ Минскъ, навстрѣчу полякамъ, то въ Саратовъ, къ генералу Краснову и, наконецъ, сюда, къ генералу Деникину, я только и дѣлалъ, что бѣгалъ за несуществующимъ временемъ! Что нашелъ я въ Петроградѣ? По опустѣлымъ улицамъ этого города, низко и гадоподобно стелясь, носится безкрылая мечта о тридцати серебреникахъ. Она дана Россіи геніемъ жестоковыйнаго народа. А что увидѣлъ я въ Минскѣ? Пустую, заглохшую тѣнь заколоченнаго дома... гдѣ простая быль недавняго прошлаго безпріютно, какъ нищенка, скиталась и ломала свои руки. Ни звука, ни шороха. А когда-то тамъ рѣзвились и учились дѣти... А за мостомъ, у большой угловой церкви, — особые люди съ ястребиными глазами, неугомонные развѣдчики новой власти, слѣдящіе за пріѣзжающими. Не надо, — предупреждаютъ такъ добрые люди, — снимать шапку передъ храмомъ. А въ Саратовѣ... — зловонное мѣсиво прожженной солнцемъ земли и кислаго перегноя животной падали, клубы трупныхъ испареній. А по Волгѣ доносятся человѣческіе трупы, изъ Самары, и воспаленное смертное дыханіе Царицына, откуда... я ждалъ спасенія! И здѣсь, наконецъ,—все, что мнѣ осталось: близость живого безумія, сугробы, равнины, нѣжность смрадной арфы изъ голыхъ деревьевъ и черная, мертвая деревенька, гдѣ-то въ сторонѣ... Вотъ и все.

Вотъ и все. Новые правители Россіи созываютъ въ Москвѣ очередной съѣздъ, — седьмой, кажется, по счету. На сей разъ онъ будетъ названъ «Съѣздомъ Побѣды». Возможно... Но по ночамъ, когда все ясно, — вотъ, какъ хотя-бы теперь, — я гляжу изъ окна моей комнаты на обледенѣлую снѣжную равнину. Подъ луннымъ блескомъ она разительно напоминаетъ ночную поверхность Женевскаго Озера. А кто изъ Швейцаріи видитъ эту равнину? И кто оттуда видитъ, въ неизъяснимой дали и близости, тайну недобитаго русскаго воина — Живое Время, распростертое надъ вселенной, пламенѣющее, пронзающее ее Собою, и возструившееся надъ этой равниной свѣтомъ тихимъ?

И пусть отчаяніе еще не разъ тѣснитъ во мнѣ ясное разумѣніе! Пусть я еще ослабѣю, и поплачу, и позлобствую! Пусть, въ этомъ одиночествѣ, среди всеобщаго одичанія, еще не одинъ разъ скажу: «Вотъ онъ, этотъ народъ, не любящій свободу, вотъ его мертвое сердце, вотъ до чего онъ дожилъ! Ахъ, дайте ему, — кто бы вы ни были, — хлѣвъ свиной, кость собачью... — и отпустите меня на волю!». И пусть въ будущемъ, когда все это минетъ, или если мнѣ суждено уйти отсюда до срока, пусть я еще стану здоровымъ, умнымъ, разсудительнымъ, образованнымъ и, — какъ всѣ они, тамъ, — ничего не знающимъ или все забывшимъ! Но да погибнетъ тогда эта растлѣнная душа во времени преходящемъ, нелѣпомъ и дикомъ, какъ недостойная той Тайны, которая открывается мнѣ... вотъ и теперь, въ этихъ пылающихъ льдинахъ, за окномъ моей комнаты!

Потому что, во всякомъ случаѣ, самъ человѣкъ, вмѣстѣ со своей земной человѣческой жизнью, есть только невѣдомая живая матерія, мягче и горючѣе воска, невѣдомая плоть, сгорающая въ рукахъ суроваго Творца, какъ огарокъ копѣечной свѣчки,

вспыхнувшій сразу весь, цѣликомъ, на днѣ полой плошки. И мнѣ, видѣвшему бѣлый свѣтъ снѣговыхъ равнинъ и синюю льдяную даль замерзшихъ рѣкъ, и эти сугробы, задавившіе мой домъ, окно моей комнаты, откуда я гляжу на дорогу, и мое сердце, какъ тяжкимъ пухомъ... — мое сердце, скованное въ недоумѣніи, въ грусти и въ предчувствіи грядущей послѣдней муки, такой сладостной... — мнѣ нельзя не славить Его, Вседержителя, Бога, за то, что Онъ покрутилъ меня, какъ въ зиму уцѣлѣвшій и засохшій листъ, по русской землѣ, и, затѣмъ, пригналъ сюда, куда надо было. Что-жъ, — въ скорбномъ сознаніи извѣчнаго самообмана, въ величіи побѣды надъ самимъ собой, буду еще бродить среди времени, котораго нѣтъ... и кружиться, и бѣжать, и останавливаться... и падать и, вставши, снова итти — туда, безстрашно, къ желанному концу, — да сбудется и для меня, человѣка, уже завершенный божественный аккордъ, однажды раздавшійся, подъ пальцами Творца, съ небесныхъ клавесинъ!

Спасо-Петелино, 1919-20 г. — Парижъ, 1924 г.

БЕЗЫМЯННОЕ

I.

Зима продолжалась безнадежно долго. Ежедневно — леденящіе вѣтры, буйное упрямство морозовъ. Суевѣрно, безотчетно, я пересталъ вѣрить въ наступленіе лучшихъ дней. Ежедневно, — въ страхѣ думалъ я, въ мартѣ, — могучее зданіе зимы добѣла раскаляется собственной мощью, нѣтъ въ немъ милосердія къ ничтожеству человѣка, и возносится оно неудержно — все выше, все шире! Внезапно, въ одно притихшее утро, когда солнце заволокло сѣрой мглой, природа рухнула съ большой высоты, размякла и расползлась. И наступила весна, полная гнилостныхъ испареній разбухшей городской рѣчонки, насытившихъ воздухъ какимъ-то искусственнымъ, ватнымъ, удушливымъ тепломъ. То, что пугало и сковывало, — исчезло. Начиналось другое.

Днѣпръ былъ близокъ... Ночью я услышалъ кропотливое громыханіе его сѣдой и неутѣшной древности, это медлительное обсасываніе скованныхъ нѣдръ, съ обычнымъ дряхлымъ сопѣніемъ и торжественнымъ свистомъ. Я ждалъ весеннихъ потоковъ и сверкающихъ разрывовъ лазури; но небо оставалось близкимъ и непроглядным; сѣро-желтый туманъ густѣлъ и тяжелѣлъ; и навстрѣчу веснѣ поднялась одна лишь безымянная, черная рѣчонка, вертляво струившая свои гнилыя воды межъ нищен-

ски-грязныхъ и убогихъ городскихъ побережныхъ склоновъ. Она издревле служила цѣлогоднымъ свалочнымъ мѣстомъ для всѣхъ отбросовъ и помоевъ жилищъ, людей, животныхъ, и съ первыхъ же теплыхъ дней (и до будущей зимы) принималась дышать на городъ своимъ исконнымъ безобразіемъ, всѣми расцвѣтшими нечистотами своихъ глубинъ. По узкому деревянному мостку, четыре раза на-день, проходилъ я мимо этой рѣчки, и всякій разъ дивился упорному, съ весенней бойкостью клокотавшему въ ней, постылому и гнойному броженію. Зачѣмъ оно? Къ чему это растлѣнное взыграніе захирѣвшей, гиблой и невѣдомо зачѣмъ обновленной жизни?

Это происходило въ 1920-мъ году, въ губернскомъ городѣ М., расположенномъ по холмистому берегу Днѣпра, въ тридцати-сорока верстахъ отъ военной польской границы того времени. И напрасно проливались теплые дожди, лелѣя нѣжное цвѣтеніе жизни, трепетъ первыхъ листочковъ, — и шумѣла весенняя капель, кричали птицы, оттаивали и бойко неслись по водосточнымъ канавамъ городскія лужи. Напрасно — въ иные дни, къ самому вечеру — въ далекомъ громѣ скрытыхъ, заоблачныхъ взрывовъ, накалялось и пламенѣло небо, и тогда — нежданно, въ сумеркахъ — свѣтлѣли и желтѣли зеленая крыша и мелкія, расписныя маковки стариннаго Городского Собора. И уже не вздрагивалъ Днѣпръ въ старческой немощи, не надрывался въ закованномъ плѣненіи, а были тревожныя ночи затишья, когда оттуда неслися хрустальные перезвоны и нѣжное пѣніе давно возжеланной и близкой побѣды... Напрасно! Люди не откликались и не могли откликнуться на первые зовы и проблески весенней поры.

Въ тѣ дни, въ городѣ М., — какъ, впрочемъ, и по всей Россіи, — все еще продолжалась та назой-

ливая безтолочь — безсмыслица — тѣхъ самыхъ такъ называемыхъ историческихъ событій, о которыхъ даже ученые историки, обыкновенно, только всего и могутъ сказать, что они «разворачиваются». И было какое-то проникновенное, немилосердное сходство, было что-то неотразимо и мучительно *общее* въ тлетворномъ угарѣ, разносимомъ по городу ничтожной рѣчкой, и въ смутныхъ, растерянныхъ мысляхъ и чувствахъ, бродившихъ въ людяхъ, въ связи съ событіями ихъ жизни. И весны какъ бы и не бывало. Въ недѣли великаго поста люди жили затаенно-озлобленные, но застывшіе въ недоумѣніи, въ безвольной покорности, ничего не ожидая отъ самихъ себя, но мечтая о приходѣ иностранцевъ, какъ о спасеніи, — жили въ этомъ сгущенномъ, чреватомъ гнойными парами, воздухѣ, и прислушивались къ вѣтру, свирѣпо-разгульному подъ низкими тучами.Въ пасхальную ночь, на 11-ое апрѣля по новому стилю, на небѣ не было ни одной звѣзды.

II.

Какъ то разъ, вскорѣ послѣ пасхальной недѣли, я шелъ по главной городской улицѣ, шелъ не торопясь и погруженный въ свое обычное тогдашнее раздумье. Долженъ ли я признаться, что въ тѣ дни оно постоянно пребывало на грани, отдѣляющей полнѣйшее отчаяніе отъ какой нибудь ослѣпительной и безсмысленной мечты, которая вотъ-вотъ должна сбыться и преобразить всю жизнь въ прекраснѣйшую сказку, въ невыразимую радость. На этой грани, въ какое нибудь одно такое мгновеніе, человѣкъ то воображаетъ себя неодолимо живучимъ, безсмертнымъ, а то сознаетъ, что сердце его бьется неизвѣстно зачѣмъ, безъ смысла, безъ цѣли, — и тогда-то онъ жутко угадываетъ безпощадный бѣгъ времени,

часы текущіе въ невѣдомое море небытія, жизнь тихонько отходящую къ смерти...

А вокругъ меня двигалась все та же толпа, къ которой, за три года, я успѣлъ приглядѣться, — все тѣ же люди, грязные, потные, безкровные, разслабленные голодомъ и страхомъ. Нерѣдко, по одеждѣ, нельзя было опредѣлить пола человѣка. А возрастъ, а прожитые годы людей, какъ то и вовсе не замѣчались. Попадались совсѣмъ юныя, даже дѣтскія лица — со стариковской печалью въ глазахъ. Попадались совсѣмъ юныя, даже дѣтскія лица — съ глазами профессіональныхъ проститутокъ, воровъ, убійцъ. И попадались еще старики, несшіе на спинѣ тяжелые мѣшки — съ хлѣбомъ ли, съ рухлядью ли какой нибудь, для обмѣна на хлѣбъ; они останавливались черезъ каждые два-три шага, оглядывались на незнакомыхъ людей, окликали ихъ, бормотали о своемъ, о непонятномъ, и смѣялись — смѣялись, съ младенчески неосмысленной радостью въ слезящихся глазахъ... Я помню одного изъ нихъ, древнѣйшаго, прозрачно-свѣтлаго, какъ лунь, низкорослаго, и какъ будто веселаго. Онъ звалъ меня, онъ упорно окликалъ и манилъ меня, смѣшно дѣлая губами «пс-с-съ» и маша въ мою сторону необыкновенно маленькой ручкой на короткомъ локтѣ. А когда я подошелъ къ нему, онъ съ дѣтской торопливостью прильнулъ ко мнѣ, обхвативъ мои плечи, — и, потянувшись къ моему уху, сталъ кричать все только одно: «Эвона-а! Эвона-а! Во-о какъ! Эвона-а!». Я отошелъ отъ него съ сильно бьющимся сердцемъ, — какъ въ дѣтствѣ, когда просыпался отъ тревожнаго сна.

Я шелъ не торопясь, дышалъ тяжелымъ духомъ городской мостовой и толпы — и старался не думать ни о чемъ опредѣленномъ. Бываютъ такія минуты, когда знаешь, что ближайшая мысль таитъ въ себѣ непоправимую катастрофу для того настояща-

го, хотя бы и самаго мрачнаго, къ которому все еще хочешь прилѣпиться. А я боялся сорваться съ моей грани — между послѣднимъ отчаяніемъ и внезапной вѣрой въ спасеніе черезъ чудо.

На всѣхъ лицахъ, на старыхъ и молодыхъ, я видѣлъ слѣды ежедневныхъ неутолимыхъ болей и страстей. И я зналъ, что изъ всѣхъ окружавшихъ меня страстей человѣческихъ — самая неутолимая, самая страшная, была животная неудовлетворенность всѣхъ тѣхъ, кто въ прошлой жизни были наиболѣе равнодушными, покорными, тупыми; такихъ было большинство. Я зналъ еще, что многіе изъ нихъ, по природной ли дикости, или по осознанному злому желанію, перешагнули черезъ мою грань, провалились въ пропасть, для которой у меня не было ни имени, ни облика, ни даже прямого предчувствія, и — какъ живые мертвецы — ходили теперь по землѣ, жили среди насъ, дѣлали свое дѣло. И я *радовался* ихъ появленію на улицѣ, потому-что такъ ужъ нужны мнѣ были хоть какой нибудь исходъ для отчаянія, злобы, и пища духовная для вѣры въ чудо.

Они проходили мимо торопливымъ легкимъ шагомъ, — какъ будто невольно неслися! На нихъ были гетры, заграничныя гетры-обмотки, и *все тѣ же* старыя русскія шинели — цвѣта выжженныхъ солнцемъ прифронтовыхъ песковъ. За спиной, на ремняхъ, — винтовки, штыки. А на головахъ — особые картузы, впервые появившіеся на русскихъ улицахъ въ послѣдніе мѣсяцы 1917-го года. То были обыкновенныя шапки изъ поддѣльнаго сѣраго барашка, круглой русской формы, съ неуклюже пришитыми къ нимъ прямыми не-русскими козырьками, очень широкими и длинными. Эти козырьки, — я замѣчалъ, — на улицахъ пугали лошадей и — вѣроятно, въ иныхъ мѣстахъ, думалось мнѣ — вызывали дѣтскій страхъ въ обезсиленныхъ людяхъ, ведо-

мыхъ на разстрѣлъ. Позже, эти ублюдочныя полурусскія шапки были замѣнены особыми шлемами со звѣздой Соломоновой...

Когда, приглядѣвшись къ нимъ и послушавъ ихъ говоръ, я убѣждался въ томъ, что они русскіе (не латыши, не китайцы какіе нибудь, а тѣ самые люди, которыхъ я, съ первыхъ проблесковъ разумнаго сознанія, привыкъ считать родными мнѣ, въ вѣрѣ и въ духѣ), когда я убѣждался въ этомъ, — я мысленно называлъ ихъ хамами! И тутъ-то передо мной открывался большой просторъ для исхода моего отчаянія, тутъ-то и разгоралась моя вѣра въ чудо...

— «Хамы, — говорилъ я себѣ, — злые хамы съ мертвымъ сердцемъ, — которые погибнутъ, спаленные внезапнымъ праведнымъ гнѣвомъ народа! О, звѣри, дикіе, тупые, поправшіе Христову правду, — куда такъ лихо идете? Къ погибели своей идете! Она поджидаетъ васъ вотъ тутъ, за поворотомъ этого переулка, гдѣ встанутъ передъ вами, въ бѣломъ благостномъ огнѣ, отнынѣ всесильныя жертвы вашей злобы. О, хамы, хамы тупые! Вотъ тутъ, за поворотомъ этого переулка, на площади, возставшіе преградили вамъ путь! Идите же впередъ своимъ витающимъ надъ бездной шагомъ, пройдите еще десять шаговъ, послѣднихъ кровавыхъ шаговъ, о, хамы, дикіе, тупые!... Вы надѣли на себя благородное облаченіе... старую шинель испепеленныхъ мертвецовъ... тѣхъ, доблестно павшихъ, незабвенныхъ... Въ долголѣтней народной страдѣ, въ темныхъ окопныхъ водахъ, и подъ солнцемъ, среди песковъ, въ пеплѣ, въ огнѣ и въ крови великихъ наступленій и послѣдняго безсилія — она истрепалась. Вы надѣли ее на себя — и рѣшили, что сами вы воины! А я кричу вамъ: убійцы! И сосѣдъ мой, и всѣ мы — каждымъ ударомъ сердца — кричимъ вамъ: убійцы! — пока не исчезнете вы за этимъ поворотомъ, и увидите площадь, а тамъ — мил-

ліоны людей, возставшая Россія, весь праведный бѣлый міръ! О, хамы, тупые хамы!...».

А велъ ихъ — обычный предводитель хамовъ — человѣкъ съ поддѣльными глазами: такъ и казалось, — они у него не свои, а изъ стекла! Онъ не подымалъ этихъ глазъ на толпу, а по губамъ его скользила неопредѣленно-затаенная улыбка. Шедшіе позади него — несли винтовки, штыки, а онъ — простую книжку для записей, въ сѣромъ полицейскомъ переплетѣ! Онъ шелъ впереди — и если и рѣшался поднять глаза, то только для того, чтобы вглядѣться въ дали, въ свои дали! И видно было, что онъ хотѣлъ, чтобы всѣ это замѣтили: ему не до толпы, у него свои дали!...

— «Этотъ, — говорилъ я себѣ, чувствуя, что блаженно задыхаюсь отъ приближенія бѣлаго чуда, — этотъ никогда не учуетъ праведнаго біенія сердца народа. Но онъ первый увидитъ — *площадь!*».

Я смотрѣлъ на него, на его блуждающую улыбку, и видѣлъ, что онъ шагаетъ впереди другихъ, самъ собою удивленный, но — впрочемъ — бодря себя и черпая силы въ чванной и духовно нетрезвой увѣренности, что иначе оно и быть не могло. Нестрашный онъ человѣкъ, не храбрый даже, но — дѣланно-отчаянный! Тотъ самый, о которомъ было сказано ветхой мудростью Соломоновыхъ притчей:

«Какъ притворяющійся помѣшаннымъ бросаетъ огонь, стрѣлы и смерть,

«Такъ — человѣкъ, который коварно вредитъ другу своему и потомъ говоритъ: «я только пошутилъ». (Книга притчей Соломоновыхъ XXVI, 18-19).

А я-то блаженно задыхался, въ предчувствіи чуда! Мнѣ было стыдно за себя, за моего сосѣда и за всѣхъ насъ, съ этимъ затаеннымъ молчаливымъ проклятіемъ въ сердцѣ, и мнѣ начинало казаться, что даже эти самые дикіе хамы, дикіе звѣри, должны внезапно опомниться... гикнуть... свистнуть въ за-

тылокъ своему предводителю — и тогда то, по-настоящему обезумѣвшій, онъ побѣжитъ, побѣжитъ... Что это?! Вѣдь, вотъ — замѣчалъ я — уже и теперь онъ не идетъ, а какъ-то неестественно торопится, спѣшитъ, слишкомъ-ужъ стараясь оставаться впереди, да впереди! Точно опасается быть настигнутымъ тѣми, другими! Точно страшится ихъ слишкомъ близкаго дыханія... этой души ихъ, которая можетъ возмутиться?! Что это?! Съ нами крестная сила!... Ура-а!...

Но никто не гикалъ и не свисталъ... А шелъ я въ чуждомъ и ненужномъ мнѣ городѣ, шелъ своей подневольной тропой, по грязному тротуару, среди нищихъ людей, и дышалъ затхлостью вешнихъ водъ разбухшей рѣчонки, всей этой взбаламученной нечистью и падалью сокровенныхъ глубинъ и закоулковъ города — и всей жизни! И вспоминался мнѣ странникъ... одинокій путникъ, видѣнный мною, моимъ сосѣдомъ и всѣми нами — давнымъ-давно, въ иллюстрированномъ журналѣ для дѣтей...

Это только картинка:

Въ пустынѣ далекой, таинственной, среди сѣрыхъ песковъ и непроглядныхъ далей, невѣрныхъ для ногъ и для глазъ человѣческихъ, одинъ подъ небомъ, одинъ дерзающій, онъ шелъ своей дорогой, стремяся къ бѣлому городу потустороннихъ предѣловъ пустыни. По замыслу гордой воли, презрѣлъ онъ людей и обычную трусливую стезю обходныхъ тропинокъ. Его мучили знойныя вьюги песковъ, неутолимая жажда и обманчивая близость убѣжищъ, какъ призракъ встававшихъ передъ нимъ въ пыли неуловимыхъ окраинъ. Обезсиленный, онъ все же шелъ по-своему — впередъ и прямо — и добрелъ до мѣста, гдѣ зыбучіе, топкіе пески раскрывались подъ нимъ, при каждомъ шагѣ, и осѣдая, ускользая, стали затягивать его въ свои нѣдра. Это не мгновенное безсиліе его ногъ. Нѣтъ,

это близость смерти. Теперь, куда ни ступи — впередъ ли, назадъ ли—вездѣ все та же близость смерти. Медленно, страшно медленно поглощаютъ пески его ступни, ноги, колѣна, животъ — обхватываютъ грудь, сдавили сердце... Но не сдастся до конца мечта человѣка, не сдадутся безумные, отъ вьюги и муки ослѣпшіе глаза — и видятъ они, видятъ... волшебный миражъ своихъ грезъ, воздушный благостный градъ,обвѣянный брызжущей влагой,сіяніемъ радуги водъ живыхъ и райскихъ садовъ. Скажите же, дѣти: — Все благо! Онъ гибнетъ, прекрасный, — какъ въ путь пускался! Уже посѣтилъ его бѣлый призракъ былыхъ сновидѣній, и смерть близка — и закрываетъ его примиренныя очи. И снова, какъ при исходѣ, ему снится благостный градъ: ему — безумцу — одному!

Парижъ, 1926 г.

МОРДЫ

I.

...Еще недавно, — такъ размышлялъ я, безцѣльно и съ опаской шагая по центральной улицѣ губернскаго города М. (въ тридцати-сорока верстахъ отъ военной польской границы того времени), — еще недавно, когда не предвидѣлось конца леденящимъ вѣтрамъ, я глядѣлъ на башлыки краснощекихъ латышей.... и на то, какъ они «прекрасно чувствуютъ себя», выводя на улицу по-утру арестованнаго офицера, желтаго отъ безсонницы, въ рваной солдатской шинели. Я глядѣлъ на башлыки, я грызъ свои губы, самъ дрожалъ отъ холода, и не зная какому богу взмолиться, шепталъ: — «Есть что-то идіотское въ русской зимѣ!» — И отъ этого мнѣ становилось легче. А теперь, вотъ уже четвертая недѣля, оттепель, все еще глухая оттепель! Льютъ воды, и птицы кричатъ, — а солнца нѣтъ! И лица все тѣ же — и картузы — и винтовки! Тоскливо — и грязь непролазная! Моя квартирохозяйка, старуха Острогорская (она дочь священника, овдовѣвшаго и ставшаго архіереемъ, и сама вдова мѣстнаго педагога, статскаго совѣтника) такъ отзывается объ этомъ времени: — «И скучное, и поганое — и летитъ!» Однако, дѣлать нечего! Нужно жить и ждать. Нужно сидѣть дома, въ зачарованномъ выжиданіи, или без-

цѣльно, съ опаской, бродить по улицамъ, подгоняя время къ торжественному завтра. А почему оно будетъ торжественнымъ, объ этомъ никто ничего не знаетъ. Я вѣрю, вмѣстѣ съ другими и такъ же, какъ они, — не зная...

Я миновалъ небольшой садикъ, прилегающій къ зданію Городского Театра... Миновалъ его, — но потомъ, замѣтивъ возвратное наступленіе патрулирующихъ хамовъ, со скачущимъ впереди предводителемъ, раздумалъ (не все у меня было въ порядкѣ по части совѣтскихъ документовъ), поворотилъ назадъ и, обогнувъ зданіе театра, вошелъ въ печальный, малотѣнистый садикъ. Весенняя зелень, точно ее поливали купоросомъ и травили сѣрнымъ дымомъ, чахоточно ржавѣла и блекла, съ нѣжной укоризной взывая къ желто-пепельному небу, къ сумрачной тыловой стѣнѣ театра — и ко мнѣ, не посмѣвшему присѣсть на скамью, но прижавшемуся, стоя, къ этой стѣнѣ,подлѣ сѣней, гдѣ «входъ для артистовъ».

Этотъ садикъ, слыхалъ я, въ былыя времена такъ и назывался — Театральнымъ! Но позже случилось такъ, что онъ былъ названъ по имени (точно не помню) Карла Маркса, Розы Люксембургъ, Урицкаго, Володарскаго, или еще какого-то іудея, жившаго чтобы смущать наивное человѣчество неистовствомъ своей древней мечты о золотомъ тельцѣ. Не тогда ли садикъ этотъ и пріобрѣлъ — впервые! — подлинное бытіе въ воображеніи этого предводителя хамовъ, теперь угрожавшаго мнѣ нескромнымъ допросомъ? Не тогда-ли примерещилась ему и особая, тоже единственно-подлинная Россія, милая его сердцу? И кто же, какъ не *такая* Россія—позволила ему зашагать, съ торопливымъ прискокомъ, впереди русскихъ воровъ и убійцъ, сохраняя увѣренность, что, поистинѣ, неистовство древней мечты о золотомъ тельцѣ всегда и всесильно довлѣло міру хамовъ?

Стоя такъ, прижавшись къ «входу для артистовъ», я вспоминалъ:

На подмосткахъ этого театра, весьма недавно, во время представленія, умерла молодая артистка Казанская. Шелъ «Отелло», она играла Дездемону. Отелло хваталъ ее за руку и рычалъ, будя дремавшихъ въ партерѣ красноармейцевъ и «серьезно интересуя, съ точки зрѣнія классовой психологіи» сознательный пролетаріатъ. (По собымъ мѣстнымъ, этнографическимъ условіямъ, сознательность пролетаріата въ городѣ М*. носитъ массовый, повальный и, такъ сказать, стихійный характеръ, — нѣчто вродѣ затяжной эпидеміи, которая, Богъ дастъ, со временемъ пройдетъ). Отелло рычалъ, Яго нашептывалъ коварныя слова, а Казанская слушала ихъ, показывая пролетаріату свои невинно-неподвижныя плечи. Внезапно, она *по настоящему* пошатнулась, стала маленькой, пришибленной, поднесла руки къ смертельно поблѣдневшему, сквозь сценическія румяны, лицу и, — вмѣсто поющей элегической реплики, — тихо, просто сказала: — «Мнѣ плохо... Прошу васъ!» — Пока опускался занавѣсъ, ее провели за кулисы, гдѣ сразу смолкла буйная радость, царившая тамъ въ связи съ ожиданіемъ ящика замороженныхъ гусей — изъ Оренбурга, черезъ Москву, по особому ходатайству передъ товарищемъ Луначарскимъ! Ее подхватилъ на руки ошеломленный трагическій резонеръ и благородный отецъ, только что передъ этимъ кричавшій, по поводу ящика: —«А я этого гусака — да въ пупъ поцѣлую!» — И на его рукахъ, какъ-то неестественно быстро похолодѣвшая, она затихла, застыла... скончалась. Умерла, — объяснялъ потомъ докторъ, — отъ паралича сердца, отказавшагося биться, въ связи съ хроническимъ недоѣданіемъ, съ безкровіемъ....

Подруги перенесли ее на-домъ, въ номеръ гостиницы, омыли тѣло, и одѣли покойницу въ лучшее

платье — изъ тѣхъ, что уцѣлѣли въ ея «гардеробѣ»: черное, шелковое, съ кружевной отдѣлкой, въ которомъ недавно она нравилась многимъ живымъ; она была и молода, и хороша собой! А потомъ послали телеграмму тому, кто почитался ея мужемъ, въ одну изъ столицъ, — и похоронили ее въ *трехъ*, самими артистами, друзьями покойной, кое-какъ подпиленныхъ и сколоченныхъ доскахъ, *трехъ* доскахъ, выданныхъ (за деньги!) по особому и съ трудомъ полученному ордеру отъ комиссаріата *народнаго здравоохраненія* и *общественнаго призрѣнія*. Въ *трехъ* доскахъ, говорю я, а не въ четырехъ, потому-что четвертая доска, гробовая крышка, была «упразднена» большевицкой властью, какъ буржуазный предразсудокъ... Сказано было намъ, что тѣло наше взято изъ тлѣна, и что закончивъ свои земныя странствія, оно падетъ на землю и снова въ тлѣнъ обратится. Не думаю, чтобы объ этомъ особо помнилъ и какъ-нибудь дополнительно объ этомъ говорилъ — Карлъ Марксъ. Возможно, конечно, что его самого, какъ еврея, похоронили безъ всякихъ досокъ, — и, какъ соціалиста, въ какомъ-нибудь красномъ саванѣ. Я не знаю... Но почему, въ періодъ «коммунистическаго хозяйства», совѣтская власть отказывала въ гробовомъ прикрытіи замученнымъ и умерщвленнымъ ею христіанамъ? Я спросилъ бы объ этомъ совѣтскую власть, если-бы во мнѣ жило наивное желаніе о чемъ бы то ни было разспрашивать совѣтскую власть.

Телеграмма въ столицу шла двѣ недѣли. А когда мужъ, наконецъ, пріѣхалъ и побѣжалъ на кладбище, то тамъ онъ нашелъ — пустую могильную дыру, въ которой не было ни тѣла его жены, ни шелковаго платья, ни, даже, трехъ совѣтскихъ досокъ. И пришлось ему узнать, что дня черезъ два-три послѣ похоронъ, одна изъ подругъ умершей увидѣла погребальное платье покойницы — на толкучкѣ, на рукахъ китайца, палача мѣстной чрезвычайной комис-

сіи, — что артисты всполошились и донесли въ бывшій участокъ, — что могилу разрыли и удостовѣрили полнѣйшую ея опустошенность, и что быстрымъ слѣдствіемъ, по свѣжимъ слѣдамъ (слѣдователь попался «неопытный», — изъ «прежнихъ» и не-податливыхъ!), было установлено: что могила была осквернена и расхищена въ первую же ночь послѣ похоронъ, — что три доски пошли на растопку, черное шелковое платье — на толкучку, а самая покойница — на *мыловаренный заводъ, для вытяжки изъ нея жира*, потребнаго для изготовки мыла...

То было весною 1920-го года, когда я стоялъ у «входа для артистовъ», съ тревогой и горько напоминая себѣ о ея торопливыхъ шагахъ — черезъ этотъ порогъ, въ ежевечернемъ устремленіи къ всегдашнему обману рампы и подмостковъ: вспышка бенгальскаго огня, когда все на мгновеніе кажется волшебнымъ,а потомъ скверно воняетъ сѣрой и углеродомъ — и тьма, вдвойнѣ сгущенная, пугаетъ, и въ ней зарождается жуткая грусть. Но еще въ зиму 1919-го года, на стѣнахъ и заборахъ города М* былъ расклеенъ новый декретъ большевицкой власти: Граждане! Вмѣняется вамъ въ обязанность (и будетъ вамъ выдано за это вознагражденіе въ деньгахъ) приводить въ наши трудовыя помѣщенія вашихъ собакъ, кошекъ, а если можно, то и больныхъ лошадей, коровъ! Зазорно въ такое трудное время держать у себя и кормить эту ненужную, эту лишнюю, невѣдомо-зачѣмъ живущую тварь. Но во всемъ живущемъ, хотя бы и больномъ, лишнемъ, ненужномъ, но все еще живущемъ, — есть, товарищи, жиръ! И этотъ жиръ можетъ пойти хотя бы на изготовку мыла, въ которомъ столь нуждается трудящійся пролетаріатъ. Мойте, товарищи, ваши трудовыя рубахи! Уже загораются по всей землѣ, — тамъ и сямъ, на страхъ нашимъ врагамъ, — красные огни «Интернаціонала»! Будетъ міровой пожаръ, — го-

товьтесь, товарищи! И дайте мыло тому, у кого, можетъ-быть, одна лишь рубаха, послѣдняя! Пусть днемъ онъ — поноситъ, а ночью — помоетъ! Трудное наше время! Льется кровь народовъ, въ борьбѣ за «Интернаціоналъ». Кровь, потъ, натѣльные паразиты...А рубаху всегда смѣнить нужно!А послѣднюю рубаху хотя бы помыть хочется... Страшное, прекрасное наше время! Гигіена, товарищи, прежде всего! Готовьтесь къ міровому пожару! Да здравствуетъ «Интернаціоналъ»!

А моя квартирохозяйка Острогорская, дочь священника, узнавши о томъ, что стало съ мертвой Казанской, сказала:

— Какой въ ней жиръ?!

И въ голосѣ старухи, и въ остромъ блескѣ ея всегда полузакрытыхъ, но удивительно бдительныхъ глазъ, была не только усталая укоризна, но еще и какая-то едва уловимая, страшная *«точность»* мимолетнаго чувства, ее поколебавшаго. Что стало съ тѣломъ артистки послѣ того, какъ изъ него извлекли этотъ бѣдный «жиръ», потребный для величія «Интернаціонала», объ этомъ, вѣроятно, знаютъ и палачъ, и предсѣдатель М-ской чрезвычайной комиссіи. Но почему меня такъ напугала неожиданная *«точность»* въ глазахъ и въ голосѣ старухи? И еще разъ я подумалъ объ этой «Святой Руси», превращенной въ матеріалистическую совдепію, гдѣ «зря» *ничего* въ землю не бросаютъ. Только въ этомъ одномъ и заключается возможная дополнительная поправка Маркса къ евангельскому: тлѣнъ еси— и въ тлѣнъ обратишься!

Въ жизни подлинной говорятъ о послѣдней рубахѣ пролетарія! Она и потная, и кровавая, отъ нея всяческія благородства, и лучи славы «Интернаціонала». И въ послѣдній разъ подымается занавѣсъ надъ ранней, еще въ дѣвичествѣ, на гимназической скамьѣ взлелѣянной мечтой. Въ «роскошномъ» кре-

мовомъ платьѣ, съ предлиннымъ треномъ, въ пышной, высоко взбитой прическѣ надъ картонно-тяжкой діадэмой (давящей разумную прелесть лба), прекрасно, гордо непохожая на самое себя, она молчаливо появляется въ свѣтѣ рампы. Сначала — только вздохъ и покорный наклонъ головы. Она знаетъ, что она одинока, одна, одна... И такъ слаба! Есть роковая немощь въ такомъ одиночествѣ. Точно стоишь надъ бурно-плещущимъ омутомъ... Тамъ свѣжесть, тамъ жизнь! И въ легкомъ головокруженіи — желаніе отшатнуться отъ неподвижной тверди берега... вскружиться, поплыть! Пусть Яго еще пошипитъ и побрызжетъ слюной! Нисколько ей не страшны шипѣнія и свисты клеветы, — когда впереди ни съ чѣмъ несравнимые просторы для неотразимыхъ оправданій! Всю землю можно затопить во лжи и клеветѣ, но у неба нельзя отнять и единой крупицы правды! Твердыня неба ей будетъ защитой... Сейчасъ она заговоритъ — запоетъ — о своей нерушимой невинности, о голубиной чистотѣ своихъ помысловъ... Однако, какая тусклость и мигающая неровность въ свѣтѣ этой рампы! Какъ холодно въ этомъ залѣ!... Та давняя обитель ея нѣжнаго и бѣднаго очарованія — осквернена! Гдѣ мужъ безстрашный и правдивый, который сниметъ съ нея это постылое бремя жизни, безъ милаго довѣрія, безъ долгожданной любви, въ холодѣ какихъ-то неодолимыхъ просторовъ? Яго, шипя и брызжа слюной, слишкомъ близко склонился къ ея лицу! Невиданно скачетъ Отелло, неслыханно рычитъ, и грозитъ кулакомъ передъ самымъ ея лицомъ, въ гримасахъ злобы, ревности, похотливаго умиленія — и всѣхъ прочихъ, давно ей знакомыхъ страстей. И всѣ они, всѣ, жрецы искусства, восторженно дрожащіе при мысли о замороженномъ гусѣ, давно понятны и близки ей, разгаданы ею... *невозвратно!* Непостижимое удушье и ложь!... Господи! Если бы скорѣе возлечь на это

«роскошное ложе» — и жалобно стонать, и вздыхать, и биться... и умереть, наконецъ... среди розъ! (Тогда какъ по Шекспиру ей полагается умереть безъ стона, безъ вздоха!) А байковое дѣтское одѣяло (пятнадцать лѣтъ тому назадъ вывезенное изъ родительскаго дома) до сихъ поръ уцѣлѣло — и лежитъ теперь на постели, въ грязномъ номерѣ гостиницы. И въ облинявшихъ складкахъ этого одѣяла, на наплаканномъ мѣстѣ, затаилась тоска... недостижимая, страшная мечта... быть матерью — *своею* грудью кормить *своего* ребенка отъ *своего* законнаго мужа! Какъ закричать объ этомъ? Сейчасъ закричать! Кому!? Кто повѣритъ?! Твердыня неба ей будетъ защитой...

Но тутъ, въ этотъ неотопленный театральный залъ, къ этой провинціальной рампѣ изъ трехъ-четырехъ электрическихъ лампочекъ, тускло мигающихъ, приходитъ подлинная смерть, и пока опускается занавѣсъ надъ роскошнымъ многоактнымъ измышленіемъ, быстро и рѣшительно дѣлаетъ свое неумолимо-правдивое дѣло. И мечты Казанской (тѣ, что о материнствѣ, и тѣ, что о такъ называемыхъ славѣ и красотѣ), ею же самой восхищенныя подъ самую твердыню неба, идутъ въ невѣдомомъ намъ направленіи, собираемыя рукой Господней, какъ жатва не нашего посѣва. Но и въ нами, обычно, зримомъ и нами же творимомъ порядкѣ неизмѣримо-малыхъ крупицъ земного бытія мы едва раличаемъ, послѣ смерти Казанской, продолженіе подлинныхъ событій, — единственно-подлинныхъ въ тѣ дни, — столь же подлинныхъ, какъ и самая смерть на театральныхъ подмосткахъ, какъ черное шелковое платье, надѣтое на покойницу ея подругами, и какъ погребеніе ея въ случайной могилѣ, въ чуждомъ и немиломъ ей городѣ...

Ничего, — кромѣ мѣста послѣдняго успокоенія Казанской, — опредѣленно не видно! Можно только

вообразить какую-то тьму, — тьму мѣстную, сгущенную, но уходящую въ какіе-то неодолимые просторы еще большей тьмы, повисшей надъ всей страной, надъ цѣлымъ народомъ. Но въ этой тьмѣ, — тамъ и сямъ, въ разсѣяніи цѣлесообразномъ, — горятъ, шипятъ и взрываются огни, отнятые у театральной рампы. Тутъ тьма исполосована продольными снопами настойчиво льнущаго свѣта, а тамъ она испещрена краткими вспышками огня, какъ будто едва посмѣвшими возникнуть и тотчасъ же замкнутыми въ пугливомъ взрывѣ. И въ этой тьмѣ, — гдѣ каждая капля свѣта порвала съ жизнью человѣка, ненужна ему, враждебна ему пуще мрака, — происходитъ *рядъ* передвиженій. Да! Въ чинѣ косныхъ, тягостныхъ, подчасъ лѣнивыхъ и пьяныхъ потугъ — они образуются, но понятливо собранные той связью, которая живетъ въ огняхъ оторванныхъ отъ нашей самозабвенной жизни, они обрѣтаютъ стройность и цѣлесообразность осмысленнаго *ряда... Темные закоулки*, — но можетъ-быть (и скорѣе всего), центральныя улицы, правительственныя зданія! *Къ могилѣ идутъ опасливымъ шажкомъ,* — но можетъ быть (и скорѣе всего), въ безцеремонномъ бряцаніи винтовокъ, подъ командные оклики ловкачей-предводителей. *Сдержанный говоръ, нервно-свистящій шопотъ, и шорохи, и неожиданный трескъ, и скрипы разные, ненужные и досадные*, — но можетъ быть (и скорѣе всего), неуклюже-рѣшительный напоръ, и безстыжая грубость толчковъ, стуковъ, бросковъ и подхватовъ, и взаимныхъ понуканій, съ потомъ и руганью. Тьма не выдастъ, свѣтъ не сожретъ. Да и некому быть выданнымъ! Самозабвенная жизнь! Несутъ, раздираютъ и дробятъ откровенно! Не пугливая затаенность не-пойманныхъ воришекъ-душегубовъ, — а такъ-называемый ударно-революціонный порядокъ! Не воровская возня надъ запретной добычей,—а удары молота пролетаріата, кующа-

го славу «Интернаціонала»! Послѣдніе удары, — завершающіе рядъ цѣлесообразныхъ передвиженій, возникшихъ изъ хаоса и косности самозабвенной жизни, и властвующихъ во тьмѣ. Остальное — при свѣтѣ солнца — додѣлаетъ голодный пролетарій... Земное существо той неразумной, что въ Казани задумала являться намъ въ видѣ Дездемоны, — исчезло. Отъ него не осталось *ничего. Ничего*, кромѣ сквернаго анекдота о «казанскомъ мылѣ», придуманнаго неудержнымъ острякомъ города М* и... кусочка этого мыла, которымъ — быть можетъ, послѣ неудачнаго выстрѣла — обмылъ свою харю безымянный палачъ-идіотъ, весь обрызганный кровью — родственной Казанской Дездемонѣ, еще горячей, братской кровью....

II.

Садикъ постепенно темнѣлъ, и блестѣлъ, въ первыхъ капляхъ дождя, и вздрагивая стройными деревцами, какъ-бы тревожно вздувался отъ напряженно-затаенныхъ силъ надвигавшейся грозы и шумной, и разгульной охоты за людьми, уже начавшейся за зданіемъ Театра, на большой городской улицѣ. Изъ глубокихъ впадинъ старинныхъ домовъ, съ высокими аркообразными входами, — похожими на Боровицкія Ворота въ Москвѣ, — на тротуары проѣздовъ, окружающихъ садикъ, поползли неспокойныя тѣни; все тѣ же низкія небеса, въ рѣзвѣющихъ порывахъ вѣтра, безъ пути, безъ дороги, носились надъ городомъ! А самые дома, быстро и неравномѣрно вовлекаемые въ клубящійся мракъ, казалось, мѣстами раскалывались, шатались и дымились. Минутами вѣтеръ смолкалъ, наступало затишье, и внезапное нѣжное просвѣтлѣніе, и тогда острѣе выступали, въ прохладной прозрачности воз-

духа, фигуры въ страхѣ бѣгущихъ людей, непрерывный трепетъ листьевъ, вздрагиванiе вѣтвей... А потомъ опять набѣгали разорванныя тучи, черныя, бурыя, дымномѣдныя, и опять ломались и шатались дома. Если-бы не все учащающiеся крики и ружейные выстрѣлы, доносившiеся съ улицы, то могло бы показаться, что въ природѣ происходитъ безшумное землетрясенiе... Какая скорбь! И какъ ничтожно наше невыразимо суетное бытiе! Еще притаившаяся природа, издалека посылающая неувѣренные раскаты своихъ громово-огненныхъ силъ, — и уже взбушевавшаяся безстыжая вольница людскихъ посвистовъ, окриковъ и улюлюканiй!

Вѣтеръ хмуро и тяжко сдавалъ... Тучи густѣли, замедляя свой бѣгъ, и крадучись подбирались другъ-къ-другу, разбухали ввысь и вширь! На стройныя, блестящiя деревца набѣжало раздумье...

Я стоялъ, прислушивался, ждалъ...

Долго-ли мнѣ стоять подъ этой стѣной?! Когда небо разорвалось въ близкомъ пламени, и гремящiй ударъ грома остановилъ мое дыханiе, я вспомнилъ старуху Острогорскую... Ей все мерещатся, ее преслѣдуютъ — *морды!*...

Старуха она тяжкодумная, немилосердная. Къ старшей дочери своей, Ольгѣ Львовнѣ, старой и некрасивой дѣвушкѣ (городская учительница — по прежнимъ временамъ), она относится съ простой и послѣдовательной жестокостью. Все добивается отъ нея того, въ чемъ отказываетъ сама жизнь: сытости! Бывшая учительница добровольно взвалила на свои дряхлѣющiя дѣвичьи плечи заботу о жизни дома. Кухня, стирка, полы, и ежедневное стоянiе на толкучкѣ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ и рухлядью. Она не любитъ физическую работу, считаетъ такую работу «чистымъ наказанiемъ», и постоянно говоритъ объ этомъ. Но она неутомима, и ежедневно она чиститъ, скребетъ и третъ посуду, полы, окна, бѣлье,

съ какимъ-то необъяснимымъ рвеніемъ, граничащимъ со злобой.

— Уймись! — кричитъ ей старуха. — Шумъ-то какой подняла, а-а-а, Боже мой! Вотъ-что, дѣточка, — ты понимай! Отъ такого шума не только тебѣ, но и мнѣ кушать захочется. Ты понимай!

— Я и понимаю.

— Ну-такъ не шуми... не шуми!

Но случается (разъ въ мѣсяцъ), что Ольга Львовна заболѣетъ, ляжетъ на постель и надрывно, хоть и тихо, сквозь стиснутые зубы, стонетъ.

— Ольга! — кричитъ ей старуха, пошаривъ на кухнѣ, вокругъ печки, — Ольга, ступай къ прилѣску, принеси хворосту, да дровецъ тамъ, что-ли... дровишекъ какихъ-нибудь, да побольше! Топить нужно!

— Это съ больнымъ-то животомъ?! — скажетъ Ольга не-своимъ голосомъ.

А старуха отвѣтитъ:

— Не на животѣ, матушка, а на спинѣ... на спинѣ!

И тутъ Ольга Львовна подыметъ плачъ, стонъ, вопль, но къ прилѣску за дровами все-таки пойдетъ, провожаемая рѣшительнымъ, материнскимъ:

— Такъ-то, дѣточка! Давно бы такъ!

Есть у старухи и другая дочь, Елизавета, чуть по-моложе Ольги, а лицомъ еще безобразнѣе. Елизавета Львовна продолжаетъ учительствовать у большевиковъ. Съ неопредѣленнымъ (риторическимъ!) восторгомъ взрослой дурочки, не-понимающей собственныхъ словъ, она говоритъ о томъ, что «пока» въ школѣ занятій нѣтъ, что дѣти, вмѣсто отвѣта на поставленный вопросъ, показываютъ учительницѣ задъ, но что скоро все это «образуется» — и будутъ введены «коллоквіумы» вмѣсто экзаменовъ... По вечерамъ она играетъ на разбитомъ домашнемъ фортепіано. Репертуаръ ея ограниченъ двумя веща-

ми: «Молитва дѣвы» и «Табакерка» Лядова. На учительское жалованіе она кое-какъ подкармливаетъ себя и — какъ можетъ — отгораживаетъ себя отъ матери и сестры; случается, что и прикрикнетъ на нихъ, закусивши гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, одна...

— Уйду изъ дома! Поговорите еще... видѣть васъ не могу!

Старуха робѣетъ, смущается — и уважаетъ свою Елизавету.

— Лизаньку мою, — говоритъ она, со вздохомъ подчиненія какой-то высшей силѣ, — Богъ не обидѣлъ. Самостоятельная она, умная, да и талантливая! На Петра нашего похожа...

Есть еще и сынъ Петръ, бывшій судебный слѣдователь, работающій у большевиковъ по своей спеціальности. Старуха говоритъ, что онъ «прилично зарабатываетъ». И она, мать, и обѣ старыя дѣвушки, нѣжно и съ опаской любятъ его, гордятся имъ, говорятъ о немъ съ таинственнымъ придыханіемъ, значительно понижая голосъ. Но Петръ забылъ свою семью, не помогаетъ ей — «и съ прошлаго года его не видать!» Однако, пишетъ, — что съ большевиками жить вполнѣ можно — «лишь бы ихъ ничѣмъ не *вызывать!*» А сама старуха, — хотя она и очень богомольно живетъ, но къ большевикамъ, кажется, вовсе равнодушна. (Трудно, впрочемъ, понять ее, голодную!)

— Не о *томъ* въ моихъ мысляхъ, дѣточки... — говоритъ она. — Вы все о царяхъ! А по-моему — пускай хотя бы эти самые большевики, да чтобъ *голодно* не было, вотъ-что! Зачѣмъ мнѣ цари?! А я, — какъ поѣмъ, то и сама себѣ царица!

Но дней голодныхъ больше, нежели сытыхъ. И старухѣ тяжело. Она плачетъ, сидя на кухнѣ передъ холоднымъ печнымъ горшкомъ.

— Охъ, дѣточки, дѣточки... Грѣшно-то какъ, не ѣмши!

И среди бѣла-дня ей мерещатся *морды*.

Однако, когда доведется ей поѣсть до-сыта, она веселѣетъ, молодѣетъ, и расположившись въ креслахъ для отдыха, кличетъ своихъ дочерей и жильцовъ, и любитъ затѣять шаловливо-серьезную бесѣду....

— Какъ вы московскій и ученый, — говоритъ она, стараясь быть отмѣнно ласковой, очаровательной, — то разъясните вы мнѣ: какая же разница между *иллюзіей* и *галлюцинаціей?* Я-то для себя вотъ какъ смекаю... На стѣнѣ обои... А мнѣ видится: *морды!* Это *иллюзія,* потому-что тамъ цвѣточки. Такъ-ли? Ну, а если нѣтъ ничего, и обоевъ нѣтъ, а въ воздухѣ — *морды!* Такъ вѣдь это же, дѣтки, *галлюцинація?!...*

·Есть въ этомъ садикѣ песочная насыпь, похожая на курганъ. А надъ городомъ осѣли большія потемки, — желто-сѣрыя вблизи, и огненно-черныя по краямъ небосвода. Дымно-мѣдныя небеса, быстро-гонимыя языческимъ богомъ разгульныхъ странствій, алчныхъ блужданій и далекихъ-далекихъ набѣговъ и битвъ! И стоя подъ ними, дышишь древнимъ духомъ истлѣвшихъ костей, едва ощутимой, но неотступной ветошной вонью степной падали. *Иллюзія,* конечно... Песочная насыпь... обгорѣлыя доски, бревна, спаленная трава, черное городище... Собирались, говорятъ, строить кіоскъ для заманиванія народа подъ музыку. А потомъ оцѣпятъ и хватаютъ. И вотъ — знакомое видѣніе! Разстрѣливаютъ здѣсь — по овражьимъ склонамъ, близъ православнаго кладбища. Тамъ поле большое, высокіе бугры, сырые пески овраговъ, и лужицы случайныя — мутной, стоячей воды — предвѣстницы близкаго болота; а потомъ — кладбище и топкая равнина. Тутъ, Господи, по волѣ рока, человѣческая падаль! Привычное видѣніе! Одно и то же — на каждую ночь и на всякое уро... Надъ лономъ стоячихъ

водъ, надъ непроглядной пропастью овраговъ, скопилась густо-осѣвшая гниль. Она тяжело клубится, бродитъ, уродливо цвѣтетъ — и вдругъ загорается сѣрнымъ огнемъ. Изъ чрева дымныхъ кажденій, гдѣ тучный смрадъ, гдѣ бредъ пустопорожнихъ пламенъ, встаетъ духъ бездны, и движется къ намъ, идетъ на насъ походомъ, покоряя древніе города, поселки, знакомыя дороги, родные дома, — вездѣ врываясь въ самозабвенное дыханіе земли. И къ утру колышатся у стѣнъ овраговъ желтолицыя тѣни! Возстали передъ ними родные люди, *слишкомъ* родные и близкіе, *слишкомъ* чуждые и далекіе! Неодолимая близость! Пока разметаютъ людишекъ по оврагамъ, въ охотѣ дикой, — лучъ солнца вострубитъ надъ взрытой — въ ненужномъ бѣгствѣ — землей... чирикнетъ птичка... и скоро будетъ затишье! И будетъ надъ ними такая глухая нѣмота,и безотвѣтность, и ненужность всего живущаго, что не подберетъ — какъ въ сказкѣ — ихъ послѣдняго вздоха никакой степной ковыль, никакая пушинка, летящая подъ солнцемъ...

«Такъ вѣдь это же, дѣтки, галлюцинація?!..»

Если, — подъ покровомъ Божьей грозы, — я сворочу на главную улицу и, не встрѣтивъ патрулирующихъ хамовъ, благополучно миную соборъ, рынокъ и губернскій острогъ, то тамъ есть пустырь, гдѣ глазу открываются большія дали. Тамъ можно оборотиться лицомъ на Западъ, и сладостно возмечтать объ этой старой Европѣ, возвать къ ея цивилизаціи, къ ея университетамъ и книгамъ, вспомнить Венеру Милосскую... Люксембургскій Садъ... и давнишнюю любовь къ француженкѣ! Впрочемъ, не знаю... Кажется, изъ всей цивилизаціи этой старой Европы наша память крѣпче всего удержала — электрическое освѣщеніе, да еще, пожалуй, туалетъ этой самой француженки. Отсюда, вѣроятно, и сладостныя мечтанія...

Но вотъ бѣда! За этимъ пустыремъ — сплош-

ной, поднебесный провалъ! И тутъ, какъ живой, ползетъ разбухшій скатъ крутого обрыва. А далѣе, низиной, одна лишь дорога, безповоротная. И вотъ я иду по ней, огибая топкую равнину, мимо высоко торчащихъ плѣшивыхъ бугровъ, минуя всѣми забытое кладбище предковъ, и подхожу, наконецъ, къ берегу великой русской рѣки... Господи! Почему не спится тому, кто нынѣ блаженно одичалъ въ одиночествѣ? Зачѣмъ я очутился въ этихъ мѣстахъ?! Солнце еще не всходило... Взойдетъ-ли оно когда-нибудь?! Вдали — туманъ, сплошной туманъ, и дикія очертанія прибрежныхъ скалъ! И далекій, чуть слышный *вой*, невѣдомо откуда идущій! Что это?! Грежу я?! Нѣтъ, это ранитъ мой слухъ едва уловимая пѣсня о кровавой потѣхѣ, о ножахъ, о душѣ, загубленной среди театральныхъ ущелій, о напрасномъ предсмертномъ крикѣ межъ грязно намалеванныхъ и кощунственно лгущихъ декорацій! Еще не всходило солнце, — но если взойдетъ, то лучъ его будетъ трепать прирѣчную падаль... И вотъ, въ такое-то весеннее утро, когда тяжко дышать отъ гнили и тлѣна, царственно напоившихъ воздухъ, клочекъ за клочкомъ разрывается туманъ надъ рѣкой — и оттуда выплываетъ затѣйливый челнъ, расписной и узкогрудый. И вижу я на этомъ челнѣ, въ сверканіи мертвой красоты, въ бореніи съ летучими дымомъ и мглой, скользитъ — плыветъ — и спитъ бездыханно — моя свѣтлоликая радость, моя прекрасная царевна, среди охмелѣвшей своры давно мнѣ знакомыхъ хамовъ, — въ какой-то заморской одежонкѣ, въ какихъ-то бутафорскихъ кафтанахъ и шапкахъ. Ее несутъ багряныя волны, и рдѣютъ на ней, въ сплетеніи рубиновыхъ брызгъ, и въ сѣтчатомъ нимбѣ надъ всей ладьей, росинки, капли рѣчныя, лучи надводной зари и тѣни быстро гонимыхъ тучъ. Но въ какомъ же простомъ и горькомъ смиреніи опочила теперь ея прекрасная улыбка?

Неужель, — думаю я, глядя на нее, — *иначе оно и быть не могло?!* Господи! Такое-вотъ обычное утро, пресыщенное всегдашнимъ тлѣномъ всей нашей жизни... А я-то думалъ, что увижу мертвую царевну не иначе, какъ въ пламени небесныхъ возмездій, въ ударахъ грома, въ великихъ обрушеніяхъ на землю Твоего Правосудія! Но вотъ же она — скользитъ, по волѣ играющей зыби, скользитъ, плыветъ, сама играетъ соразмѣрно съ несущей ее волной... и ничего не отринетъ изъ *всего,* что оставлено позади, на этой минувшей стезѣ туманныхъ колебаній и смутнаго боя безшумныхъ зарницъ — надъ темнымъ кругомъ пучинъ...

Видишь, Казанская Дездемона... Если бы ты была не Дездемоной, — а персидской царевной! И мужъ твой, мавръ Венеціи, Отелло — не мавромъ, и не Отелло, а Разинымъ Стенькой, «Степаномъ Тимофеичемъ»! И плыли бы вы не по тихимъ каналамъ, гдѣ и плеска не бываетъ, а гдѣ-нибудь по-ближе, гдѣ по-шире, да по-глубже, да и сподручнѣе для «разгулья удалого» и наступающей потомъ «сердешной тоски»! Охъ, чуетъ мое сердце... Не нужно было бы никакому Ягѣ придумывать никакую твою измѣну супругу! Потому-что и безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, — но отъ нѣмоты своего сердца, отъ скотской пресыщенности тобой, отъ страха передъ своими друзьями, да еще отъ какой-то смутной и дикой «безотвѣтности» въ рѣшеніяхъ и потугахъ, мужъ твой, «Степанъ Тимофеичъ», бросилъ бы тебя въ воду — ребятамъ своимъ,«соратничкамъ, удалымъ разбойничкамъ»,на потѣху, а рыбамъ — на съѣденіе! Только и всего... Жалко мнѣ тебя, Казанская Дездемона... Если бы ты была персидской царевной, при мужѣ своемъ Степанѣ Тимофеичѣ! И сидѣлъ бы у васъ на ладьѣ, «замѣсто кормчаго и совѣтчика», какой-нибудь подлинный Гришка Зиновьевъ! Что тутъ

было бы, Господи Боже мой... Бросилъ бы тебя въ воду Степанъ Тимофеичъ, безъ всякихъ разговоровъ! Но потомъ, по совѣту Зиновьева, извлекъ бы оттуда обратно, вытянулъ бы изъ тебя жирокъ «на мыльца» — для себя, для «соратничковъ, удалыхъ разбойничковъ», а затѣмъ состряпалъ бы изъ твоего милаго тѣла хоть какую-нибудь снѣдь, себѣ на закуску подъ самогонъ, а Гришѣ — на фаршированную рыбу. Вотъ и все.

И все-таки, думалъ я, — хорошо бы, не будучи ея убійцей, не будучи ни воромъ, ни пьянымъ, ни народникомъ, ни марксистомъ, но благоговѣйно цѣлуя теперь уже вѣчную лазурь ея глазъ, сложить хоть какую-нибудь пѣсню — «за поминъ ея души»! Не о царевнѣ персидской, не о синьорѣ прекрасной Венеціи! За Марью Ивановну изъ Казани, за неразумную Машу Бѣликову, бывшую въ Дездемонахъ — ...хоть какую-нибудь пѣсню!

Парижъ, 1926 г.

ПЕРЕДРЯГИНСКІЯ НОЧИ

(Отрывокъ изъ рукописи Никудимова)

Краткое поясненіе для г. г. критиковъ.

Никудимовъ — одинъ изъ героевъ незаконченной фантастической повѣсти, въ которой мѣстомъ дѣйствія является городокъ Передрягинъ, Вывихинской губерніи. О таинственномъ "музыкально-влюбленномъ семинаристѣ",— о которомъ Никудимовъ небрежно упоминаетъ въ началѣ отрывка, — слѣдуетъ сказать лишь самое общее: это былъ человѣкъ вульгарныхъ литературныхъ вкусовъ и, къ тому же, "патріотъ своего отечества". А Никудимовъ, во всей лирикѣ (не только сентиментальной, но и гражданской) своихъ воспоминаній о передрягинскихъ ночахъ, явно и, такъ сказать, безпардонно подражаетъ «музыкально-влюбленному семинаристу», хотя и дѣлаетъ видъ, что высмѣиваетъ его. Никудимовъ, очевидно, недостаточно поразмыслилъ надъ тѣмъ, что — любить Россію, вообще, стыдно! А любить ее такой вульгарной любовью, такой простой и торжественной любовью — болѣе чѣмъ стыдно: это мучительно, это нестерпимо! Вѣдь это только на Западѣ — люди, любящіе свою родину, называются просто патріотами! У насъ они всегда остаются "патріотами своего отечества". И даже тогда, когда приходится имъ — иной разъ — умирать, сражаясь за свою родину, то и въ этихъ случаяхъ они только-всего и дѣлаютъ,что "въ нѣкоторомъ родѣ кровь проливаютъ". Справьтесь объ этомъ, если не вѣрите, у разнообразнѣйшихъ русскихъ критиковъ, литературныхъ и иныхъ; загляните, на всякій случай, въ собственныя ваши сочиненія! Такъ вотъ: отъ этого, именно,."въ

нѣкоторомъ родѣ" и не удалось уйти Никудимову, въ его литературно-патріотическомъ порывѣ. Да будетъ же Никудимову стыдно, вдвойнѣ стыдно: и какъ писателю, и какъ гражданину Россіи! **В. К.**

I.

...И правъ былъ музыкально-влюбленный семинаристъ — и во всемъ литературномъ упоеніи, и въ каждомъ словѣ! Ночи — дѣйствительно — стояли «вкрадчивыя, сладкія, подъ бездонной синевою звѣзднаго неба», а жена нотаріуса Канарейчикова — словъ нѣтъ — «пѣла пріятнымъ контральто»! И каждую ночь задремавшія деревья Городского Сада молчали «такъ призывно», и жена нотаріуса Канарейчикова продолжала пѣть пріятнымъ контральто... Едва уляжется пыль по дорогамъ, и понурыя стада пройдутъ, при звукахъ рожка, черезъ весь городокъ, тотчасъ же на горизонтѣ вспыхнетъ, какъ искра...загорится, замерцаетъ первая звѣздочка... и другая... и третья; а тамъ ужъ и все небо польетъ на землю дрёму, нѣгу — и летучую, какъ ѳѳиръ, истому въ сердце. И хотя всѣ ночи были похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, — но у каждой былъ свой голосъ, свои все болѣе томительные зовы, свое все болѣе властное ожиданіе; и жена нотаріуса Канарейчикова не переставала пѣть пріятнымъ контральто...

О, передрягинскія ночи, — укажите мнѣ такого дуралея, который бы васъ не зналъ, и того безумца, который могъ васъ забыть! О, передрягинскія ночи, которыя я напрасно называю передрягинскими, — потому-что, распростершись на собственныхъ крыльяхъ по всѣмъ шальнымъ просторамъ россійскимъ, онѣ, на самомъ дѣлѣ, являются настоящей, неподдѣльной и единственной душой Россіи! И горе, горе тому, кто не уловилъ ея античнаго, какъ міръ язы-

ческихъ боговъ, пѣнія — даже подъ небесными сводами губерніи Калужской, даже подъ самымъ бокомъ у дымныхъ столицъ! О, передрягинскія ночи! Подъ вашей завѣсой даже строгая блѣднолицая поповна, Гликерія Николаевна, которую я, начитавшись Маркса и Михайловскаго, хотѣлъ просвѣщать насчетъ капитализма и общинныхъ взаимоотношеній, бывало, подойдетъ подъ вечеръ, когда уже поздно и родители спать собрались, къ оградѣ моей одинокой дачки, и не слушая, и забывъ мою эрудицію, бывало, бывало, скажетъ, въ дѣвичьемъ трепетѣ вдругъ замлѣвшаго голоса: «Вика, пойдемъ на рѣчку купаться!» И это подъ вашимъ покровомъ, передрягинскія ночи, бабы, въ пестрыхъ платочкахъ, стоятъ въ задумчивости у крылечка, поютъ-напѣваютъ и, завидѣвъ позднято прохожаго, услыхавъ и послушавъ его ласковый голосъ, молча ступаютъ босыми ногами прочь отъ хаты, молча идутъ впереди, все дальше и дальше, выходятъ въ поле, входятъ въ рожь (все молча!), и, дойдя до завѣтнаго мѣста, встанутъ какъ вкопанныя, и такъ стоймя-стоятъ, спиной къ прохожему (все молча! все молча!) — и только ждутъ безсловеснаго пинка, чтобы свалиться на свѣжую лебеду межи и принять на свое сердце, горячее и вольное, сладкоголосаго мужа, пришедшаго, когда солнышко спать положилось, изъ невѣдомыхъ далей Россіи...

Но развѣ только эта истома волнуетъ меня, когда я вспоминаю васъ, — о, передрягинскія ночи? Нѣтъ! Я люблю васъ больше всего за то, что вы, брызжа и проливая свѣтъ на русскую землю, уже въ самые ранніе, тревожные годы моей отравленной юности, облили должнымъ свѣтомъ многое, чего, безъ вашихъ лучей, я не узрѣлъ бы въ настоящемъ видѣ, — развѣяли, передъ моимъ взоромъ, многія злыя чары, отторгли меня отъ пропасти — и тѣмъ

уготовили мнѣ грядущую предсмертную отраду. Даромъ, что торчитъ луна въ Передрягинѣ, надъ самымъ домомъ нотаріуса Канарейчикова, — а лучи ея бьютъ и на обѣ столицы: на радикальныя редакціи, на философскіе кружки, на футуристическіе рестораны, и на большой домъ на Большой Дмитровкѣ, и на эстетическіе углы Столешникова переулка, гдѣ тоже влюбленные, тоже лопочутъ объ Уитманѣ Уольтѣ, — и на эсэровъ съ эсдеками, и на умниковъ, вообще, и на многихъ Ивановыхъ-разумниковъ, въ частности, и на литературный салонъ госпожи Мармеладъ, а это тебѣ не рѣдька на конопляномъ маслѣ, не ушица постная, не тюря мірская: это литературный салонъ мадамъ Мармеладъ — антикъ марэ съ гвоздикой или Россія соусъ пиканъ! И нѣтъ во мнѣ, ночи, угрызеній за то, что еще съ давнихъ дней моей юности, я выше революціонныхъ дѣвъ, выше футуристическихъ поэтессъ, поставилъ ту предразсвѣтную бабочку, которая, потерявъ свой пестрый платочекъ на душистой межѣ, сказала мнѣ съ тяжелымъ, какъ дрожь матери-земли, вздохомъ: «Такъ люблю, что-ажь запрѣла!...»

Чего,чего они хотѣли отъ васъ, — о, передрягинскія ночи! Чтобы не Богъ дышалъ надъ вашимъ куполомъ смиреннымъ, — а разумный молодой человѣкъ, уничтоживъ свои прыщи патентованнымъ нѣмецкимъ порошкомъ, разсказывалъ бы русскимъ дѣтямъ о богахъ по Фейербаху? Чтобы не русскій царь свободно ходилъ подъ вашей сѣнью, въ высокихъ думахъ о величіи всѣхъ странъ, вами, ночи, благословляемыхъ, и о благѣ малыхъ сихъ, видѣвшихъ свѣтъ вечерній и поющихъ славу Творцу, за то, что Онъ создалъ такія ночи? Но тогда, — пусть они *теперь* скажутъ, — для какихъ же шутовъ гороховыхъ они открыли, о, ночи, вашу таинственную сѣнь!

Я знаю, — когда изъ сѣдыхъ тумановъ древняго

прошлаго, изъ кроваваго марева послѣднихъ переходовъ, выступилъ заиндевѣлый русскій обозъ и тысячу девятьсотъ шестнадцатый столбъ миновалъ, — я знаю, какое это было страшное время! Да, покрутила здѣсь вьюга, порхнулъ буранъ! И появились вездѣ навожденія, призраки, лукавые огни... Лѣзетъ обозъ изъ топи на горку, скользятъ колесья, люди никнутъ до самой земли, напрягшись; погоняльщики кричатъ, совѣтчики, указчики стараются, справа и слѣва забѣгаютъ, — а впереди идетъ ослѣпшій вожакъ! Я помню: всталъ обозъ на откосѣ, претъ на него стѣной бѣлесая рябь и дробь, земля, рыхлая, подъ ногой качается, наверху Бога не видно. И могло тутъ примерещиться, что надо бы убрать ослѣпшаго отъ вьюги вожака! Тогда-то и столкнули его съ откоса въ канаву, а потомъ и убили — не въ милую передрягинскую ночь, а въ темную и злую, какъ погребъ. Я знаю... Я знаю и то, что не свои убили, а такъ — присталые люди, лихіе молодчики, до чужого добра охотники, чужой славы завистники, чужой души губители. Но когда это стало, — стало, милостивыя государыни и милостивые государи, то, чего и во Франціи не было, — и вонзился обозъ въ землю, какъ желѣзо, пропитался отравой земной горечи, разсѣкся, старый, и разметался тамъ пластами и пластинками безнадежно, — когда вокругъ него падалъ народъ отъ истощенія, и не было такой перелетной хищной птицы, которая бы не клевала глаза умирающихъ, не было такого поганаго звѣря, который бы не пилъ отъ ихъ еще трепетной крови, а пригоршни русской земли трепыхали надъ безкрестными могилами тѣхъ, кого били и не-добили лихіе молодчики, ставшіе хозяевами торговаго дѣла... — когда я въ *такомъ* униженіи увидѣлъ тебя, великій русскій Обозъ, и тебя, Обозникъ сѣверный, — развѣ могъ я тогда не вспомнить о томъ, что и въ ясности вашего лика была скорбная моль-

ба, — о, вы, далекія передрягинскія ночи! Потому что не было въ васъ звѣриной злобы, милыя ночи! Не звѣря вы хотѣли будить въ человѣкѣ, — и все подъ вашимъ покровомъ давалось смиреніемъ, словомъ разумнымъ, добрымъ упорствомъ, надеждой и лаской; да, и бабонька та, отъ пинка на травку упавшая, упала не отъ пинка, а отъ ласковаго слова!... А когда, затѣмъ, я увидѣлъ, что всѣ совѣтчики, всѣ указчики, всѣ погоняльщики разбѣжались по разнымъ сторонамъ (и этого тоже не было и во Франціи!), что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни доброй вѣры, ни толка правильнаго, ни праведнаго гнѣва, ни храбрости простой, — что нѣтъ въ нихъ ничего путнаго для тебя, погибающая Родина, и что *теперь* еще *не смерти* они жаждутъ среди расхлябанныхъ кровью пустырей Россіи, чтобы такъ укрыться отъ позора, — а новыхъ почестей, новой обманной славы — и *власти, власщи* хотятъ, хотя бы надъ обезличеннымъ, хотя бы надъ въ рабство проданнымъ Народомъ... — когда я увидѣлъ и это, — развѣ могъ я тогда не вспомнить о томъ, что и въ благости вашего трепета былъ грозный указъ, — о, старыя передрягинскія ночи! Потому-что, сколько бы и гдѣ ни бродилъ я среди вашихъ синихъ глубинъ, я нигдѣ, никогда, ничего не слыхалъ ни о фракціяхъ, ни о подфракціяхъ, ни о ячейкахъ, ни о Розѣ Люксембургъ, ни о томъ, что «съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой стороны нельзя не сознаться», ни о конспиративныхъ рѣшеніяхъ, — и все подъ вашимъ покровомъ шло съ обнаженной головой, съ открытымъ челомъ, съ открытыми глазами; а если иногда и принимались тайныя рѣшенія, то они тутъ-же предавались гласности въ равной мѣрѣ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, — и если иногда и смежались тихонько очи, то только для того, чтобы потомъ еще спокойнѣе открыться

для большей вѣры въ надзвѣздного Бога и для новой и большей любви къ человѣку и къ жизни...

Ну, и еще чего они хотѣли отъ васъ, передрягинскія ночи! Чтобы не горѣла, жарче звѣзды небесной, въ нашемъ сердцѣ молитва о Россіи? Чтобы Россіи вовсе не было, — а былъ бы извѣстный всему міру фокусникъ и чревовѣщатель, любимецъ интернаціональной публики, Григорій Александровичъ Зиновьевъ? Ну, и еще чего! Кастрюлю, вмѣсто луны? А самое небо изъ папье-маше? И золотенькаго картонца на звѣзды, — о, поэты? И чтобы не было ни Пушкина, ни Гоголя, ни русскихъ пророковъ, ни русской рѣчи, — а былъ бы лай собачій и басурманскій голосъ: «испоб... прадгубкомдезертир... мовсу... внуз»...?

II

Да, — и не такъ еще заформочешь, отъ такихъ приключеній!... Ну, поймите же, милыя ночи, мою тоску! Бѣгутъ дни, чередуются ночи изгнанія, — о, не вы, родныя передрягинскія ночи! Я убѣжалъ отъ васъ, потому-что увидѣлъ на вашемъ небѣ кровавыя слезы! Какіе ангелы, какіе святые страстотерпцы такъ плакали, ночи, на вашихъ холодныхъ вершинахъ!... И никакъ я не могъ подумать, что найду здѣсь все ту же старую компанію, съ тѣмъ же неразвѣнчаннымъ челомъ, съ тѣми же фракціями, съ тѣми же ячейками; и опять: «съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой стороны нельзя не сознаться!» И опять они ковыряютъ нечистыми руками мою душу, — нѣтъ-ли гдѣ-нибудь на ней партійнаго клейма, — и не найдя, пристаютъ возмутительно: «Кто вы? Кто вы, загадочный вы человѣкъ? Кто вы, темный вы человѣкъ?! Кто вы,

сукинъ вы сынъ?!!» И невдомекъ имъ, что я только сынъ передрягинскихъ ночей, такой ослабѣвшій, такой худой, такой послѣдній, самый послѣдній...

И вотъ, бѣгутъ дни, чередуются ночи изгнанія, — о, не вы, родныя... А я все брожу по холодной каморкѣ и по улицамъ большихъ городовъ, — которые я когда-то любилъ, а теперь разлюбилъ, — и все горюю, и плачу, и сомнѣваюсь, увижу-ли снова васъ, — ой-ли, передрягинскія ночи? Преклоню-ли снова колѣно подъ вашимъ синимъ шатромъ, склонюсь-ли растроганной памятью надъ тѣмъ, что было, въ раздуміи смиренномъ надъ многими вашими тайнами и чудесами... и надъ моими бывалыми чудесами, — ахъ, вы, передрягинскія ночи! Помолюсь-ли отъ чистаго сердца Господу Богу, да упокоитъ Онъ души рабъ Своихъ, малыхъ и неразумныхъ сихъ, въ междоусобную братскую брань вовлеченныхъ, во многихъ мукахъ жившихъ и терпѣвшихъ — и усопшихъ подъ вашей омраченной сѣнью, — о, вы, передрягинскія ночи!..

А они (изъ ячеекъ!) и теперь смѣются надо мной — за то, что я и теперь, какъ прежде, ни къ кому изъ нихъ ютиться — не хотѣлъ, приткнуться — не могъ, и на каждаго изъ нихъ неизмѣнно взиралъ либо съ лукавымъ смиреніемъ (ради хлѣбца!), либо (чаще всего!) съ неописуемымъ изумленіемъ! Они смѣются... Какъ-же имъ не смѣяться надо мной, когда я до сихъ поръ не знаю ни правой, ни лѣвой, и не вижу середки... И не вижу ничего, кромѣ пустоты и мрака и тусклыхъ ярлыковъ надъ полинялыми мозгами! Какъ-же имъ не смѣяться надо мной, когда я и теперь не разберусь, кто изъ нихъ правый, кто малость влѣво тронулся, а кто совсѣмъ тронулся! Какъ-же имъ не смѣяться надо мной, когда я шатаюсь, какъ пьяный, вправо и влѣво, вкривь и вкось, по складамъ читаю надписи на лбахъ, прохожу мимо — и все ищу человѣка, не

пьянаго и не дурного, не гордаго и не мудренаго, не ученаго и не оратора, а всего-только добраго и вольнаго человѣка, который бы на русскомъ языкѣ разсказалъ мнѣ сказку, милую сердцу сказку—о томъ, какъ пораженная доблестью и молитвами вѣрныхъ сыновъ своихъ, воскресла изъ мертвыхъ Передрягинская Ночь! Какъ-же имъ не смѣяться надо мной, надъ обывателемъ, надъ безыдейнымъ, надъ мѣщаниномъ!

И хихикаютъ партіи, смѣются фракціи, хохочутъ подфракціи, покатываются ячейки! Смѣются политическіе, по причинамъ высоко-политическимъ загасившіе на должномъ мѣстѣ солнце Россіи; смѣются аполитическіе, въ цѣляхъ высоко-аполитическихъ выпустившіе это солнце, въ улучшенномъ видѣ и на хорошей нѣмецкой бумагѣ и съ благословенія нѣмецкой полиціи, на берлинскій небосклонъ! Они смѣются... — такъ точно, какъ тамъ, въ Россіи, смѣялись и всласть насмѣялись другіе: Ленинъ съ Троцкимъ, троцкихъ дѣлъ мастера съ лукавцами ленинскаго толка, со всей коммунистической братіей, съ Максимомъ Горькимъ и съ товарищемъ Коллонтай! Они смѣются... Въ этомъ смѣхѣ больше деревянной тупости, больше шутовства и наглости, нежели въ музыкальномъ квинтетѣ осатанѣлыхъ негровъ въ залѣ парижскаго dancing'а. И онъ былъ бы ужасенъ, этотъ смѣхъ, — если бы онъ не внушалъ мнѣ серьезныхъ надеждъ на то, что въ рѣшительномъ будущемъ, когда мой ангелъ будетъ поблизости, и всѣ святые тутъ же, и я дерзну покаяннымъ разсказомъ о всей своей жизни, и покажу свою бѣлоснѣжную гражданскую душу, всю въ язвахъ, всю въ ранахъ, отъ мучительныхъ воздержаній, отъ сугубыхъ постовъ, и упомяну о негритянскомъ смѣхѣ, которымъ аккомпанировались мои упорныя блужданія на путяхъ передрягинскихъ, — то, именно, изъза этого смѣха мнѣ многое будетъ отпущено. Многое,

— о, ночи!... И даже — кто знаетъ — можетъ-быть, и то, что я, пожалуй, слишкомъ часто склоняюсь памятью къ этому: «Такъ люблю, что-ажь....»

Да, и даже тѣ,которые когда-то,ничего не понимая въ моей душѣ, уговаривали меня убивать русскихъ городовыхъ, видя въ этомъ замѣчательное средство для возвеличенія Россіи,—даже и эти смѣются надо мной! А я никого не убилъ... А они теперь стали патріотами, по случаю большого застоя въ революціонныхъ дѣлахъ. А я никого не убилъ. А они смѣются... Ну, что-же мнѣ теперь, ночи-ноченьки, дѣлать? Къ кому понести мою одинокую душу? Я тоже смѣюсь надъ ними, надъ франкціями... Смѣшно мнѣ ужасно... Забавляюсь я... Но иногда, въ иную холодную безсонную ночь, среди такого двойного изгнанія, прорвется и заливаетъ мою душу тоска. Не за себя, не за свое одиночество, не за свою отравленную жизнь, — а за *ихъ* глупость неизбывную, за *ихъ* такое лютое безстыдство... Эхъ, фракціи, — шутъ съ вами! Нужно же, въ концѣ концовъ, понять, что подобно тому, какъ мадамъ Мармеладъ, по своимъ мармеладнымъ затѣямъ и вкусамъ, сотворила свою Россію-соусъ пиканъ, и затѣмъ безпрепятственно въ ней наслаждалась, презирая всѣхъ прочихъ — остолоповъ, ословъ, идіотовъ, такихъ неинтеллигентныхъ, такъ точно и вы, партіи, фракціи, ячейки, — замкнувшись въ своемъ кругу, развариваясь и развариваясь въ собственномъ соку, якшаясь только другъ съ другомъ, никого не видите, ничего не видите, ничего не знаете... и продолжаете думать, что та, *настоящая* Россія — вамъ принадлежитъ... о, праведныя передрягинскія ночи!

III

Нѣтъ, не ваша она, *настоящая* Россія, — не ваша, совѣтчики лукавые, указчики дурные, и не

ваша, погоняльщики недостойные, и ужъ, конечно, не ваша, лихіе молодчики — душегубы презрѣнные! И даже не моя...охъ,и не моя,—потому что я слабъ, худъ и съ робкими глазами. А ты, обозникъ сѣверный... — ну, и здоровъ же былъ твой православный животъ, и какой саженный колъ въ плечахъ, а глазомъ, бывало — я самъ это видѣлъ; — и подъ пушкой не моргнешь, а волосъ у тебя дикій, усы и бороденка путанные, и похожъ ты на лѣшаго, обозникъ сѣверный! А опояшешься казачьимъ ремешкомъ, такъ и поступь другая, и вспорхнешь, какъ птица, на любомъ конѣ! А какъ надѣнешь звѣриную шкурку почище, — простой мужичекъ въ тулупѣ, — да въ Божій праздничекъ, со своей молодухой, да на саночкахъ самодѣлковыхъ, да какъ возьмешь изъ деревни направо, чтобы зря не валандаться полемъ въ объѣздъ, да какъ ухнешь черезъ рѣчку, наискосокъ, — эхъ, плевался вѣтеръ! А какъ... да еще разъ «а какъ...», да еще, и еще... да ты дай только волю полету мыслишекъ, пѣвецъ слабосильный, такъ отхватишь отъ большого пирога краюшку въ птичій носокъ, наковыряешь песочку изъ гранитной скалы — и ничего не разскажешь! Какъ же я, такой ослабѣвшій, такой худой, такой зябкій, съ такими робкими глазами, могу считать ее моей — ее, Настоящую Россію — когда она *твоя, и только твоя,* обозникъ сѣверный!

Слушай, обозникъ сѣверный! Бѣгутъ дни, чередуются ночи изгнанія... Когда въ такія холодныя ночи, чтобы развѣять по вѣтру мою думку, я брожу по улицамъ большихъ городовъ, — я часто встрѣчаю разныхъ людей... Странное дѣло, все знакомыя лица! Иногда, встрѣчу я такого непонятнаго человѣка... Бѣжитъ, съ размаху, здоровенными шагами, точно на свадьбу торопится! А потомъ, вдругъ, встанетъ, какъ вкопанный, у большого темнаго дома; постоитъ, съ усерднымъ вниманіемъ на землю посмо-

тритъ, потомъ на темный домъ, потомъ на дерево насупротивъ дома; потомъ глаза кверху вздеретъ, на небѣ что-то выискиваетъ; а затѣмъ, нежданно, поворотитъ вспять, да въ обратную сторону какъ дастъ маху, опять на свадьбу спѣшитъ! Да вдругъ, снова встанетъ, вездѣ тебѣ все осмотритъ, провѣритъ, все ли на своемъ мѣстѣ; ну, а затѣмъ, задравши носъ кверху, стоитъ, очень собой довольный, мурлыкаетъ,напѣваетъ,звѣздочки на небѣ считаетъ:ужъ очень ихъ много! И вижу я при свѣтѣ тѣхъ звѣздъ, что у человѣка этого тѣло полуголое, а на тѣлѣ такомъ шинель болтается, вся въ дырахъ... шинель такая, какъ ты носилъ въ походахъ, обозникъ сѣверный, — русская шинель; а на шинели, трубочками поперекъ свернувшись, такъ-что насквозь видно, стоятъ погончики. Диво-дивное! Посмотришь въ трубочки: видишь, электричество на фонаряхъ горитъ; а взглянешь сверху, въ глазахъ темно станетъ отъ удивленія: погончики — вродѣ тѣхъ самыхъ, какіе ты носилъ, обозникъ сѣверный, когда за родину свою воевалъ, погончики боевые! Да тутъ еще они — офицерскіе... Много я видѣлъ такихъ на трупахъ, подъ Тарнополемъ и Калущемъ, въ 1918-мъ году, когда ты, обозникъ сѣверный, домой побѣжалъ, а господа офицеры, замѣшкавшись, одни, съ нѣмцемъ перестрѣливались, а затѣмъ на него въ штыки ходили; много ихняго брата, офицеровъ, тогда нѣмецъ перебилъ, — нешто они могутъ безъ солдатъ, — царствіе имъ небесное... Стоитъ теперь человѣкъ въ чужомъ краю, полуголый, на плечахъ трубочки электричествомъ поблескиваютъ, въ глазахъ отъ холода слезы... Увижу я его, подойду къ нему, спрошу: «Кто вы?» А онъ мнѣ, въ отвѣтъ: «Я сынъ передрягинскій, скитаюсь по свѣту въ поискахъ сочувствія... и куска хлѣба! Остался, знаете ли, вѣренъ союзникамъ... Три года въ ту войну воевалъ, съ Колчакомъ, съ Деникинымъ, съ Врангелемъ ходилъ Рос-

сію освобождать, пять пораненій, есть Георгій, есть и съ мечами и съ бантами... хотите, бумаги покажу?» — «Не надо — скажу — такъ повѣрю!» Затѣмъ, помолчимъ... Потомъ, я спрошу: «Что же вы такъ... этакъ... гуляете?» А онъ — отвѣтитъ не сразу. Сначала, — работая двумя руками одновременно, снизу-вверхъ, слегка присѣдая, подтянетъ падающіе штаны — шуйцей, и высморкается — десницей. А затѣмъ, скажетъ: «Къ кому-же теперь пойти, вы не знаете-ли, коллега?» *Коллега?!* Что-жъ! Въ одномъ университетѣ мы не обучались, но за-границу, на безсрочное дополнительное обученіе были посланы на общихъ и, такъ сказать, симпатическихъ началахъ. И вышли — коллеги!... Тогда, скажу я ему среди ночи, такъ скажу ему среди ночи: «Здѣсь много партій, фракцій... есть и разнообразныя ячейки!» А онъ мнѣ, рѣшительно: «Ни черта я во фракціяхъ не понимаю!» Ничего я ему на это не отвѣчу... попрощаюсь словомъ пустымъ и холоднымъ, пойду, подумаю: «Эхъ, ты, сынъ передрягинскій!» А онъ мнѣ, вдогонку — не человѣчьимъ голосомъ, а собачьимъ лаемъ: «Ну, а гдѣ здѣсь выдаютъ хлѣбъ, вы не знаете-ли, коллега?» Подумаю опять: «Сказалъ бы я тебѣ, коллега безглазый!» И прочь зашагаю... Но когда, отойдя отъ него, невзначай оглянусь — и увижу, какъ онъ подойдетъ... къ одной такой штукѣ, — какъ это тебѣ объяснить, обозникъ сѣверный, — къ такой штукѣ: бочка — не бочка, и не лохань, и не корыто, а вродѣ большого ведра, куда наши союзники сбрасываютъ всякое добро, чтобы въ квартирахъ больше простору было; ну, и чистоту, тоже, соблюдаютъ, мышей остерегаются... — когда я увижу, какъ онъ, мой коллега съ погончиками въ трубочку и съ электрическимъ блескомъ, онъ, сынъ передрягинскій, съ Георгіемъ и съ мечами и съ бантами, съ пятью ранами на полуголомъ тѣлѣ, щелкая отъ холода зубами, съ ворчаніемъ и съ хрипомъ,

копается руками въ поганомъ ведрѣ, мимо котораго и заграничные псы безучастно бѣгаютъ, — когда я увижу это... — о, мать моя, Передрягинская Ночь, о, пронзенная мать — Россія, вскричу къ тебѣ: «Ты видишь?! Ты слышишь?!» И всколыхнется воздушная храмина отъ края до края, пахнетъ на меня изъ далекой страны предмогильнымъ дыханіемъ, и чудится мнѣ лепетъ истерзанный: «И вижу... и слышу!...»

Слушай меня, обозникъ сѣверный! И случается, въ холодныя ночи изгнанія, встрѣчу я русскую женщину. Она еще не старая, — быть можетъ, ей нѣтъ и сорока! Но, только, въ безпорядкѣ повисли сѣдыя пряди волосъ надъ взбаламученнымъ челомъ, — и какъ тутъ скажешь о лѣтахъ, когда щеки провалились и безуміе застыло въ глазахъ! Подъ порыжѣвшей легкой накидкой виденъ черный нагрудный фартукъ, а на фартукѣ — красный крестъ. Она была твоей милосердной сестрой, обозникъ сѣверный, въ тѣ дни, когда тяжела была твоя доля, честнаго бойца за родину! При царѣ тебя берегла, и при Деникинѣ за тобой ходила, и при Врангелѣ служила тебѣ... И была у нея дѣвочка, четырнадцати лѣтъ, которую она, отъ убійцъ убѣгая, довезла съ собою до самаго Константинополя. И украли здѣсь у нея эту дѣвочку. Кто укралъ, — неизвѣстно. Можетъ быть, сама затерялась. А она, мать, говоритъ, что украли. И подшутили надъ ней злые люди, сказали про ея дѣвочку, что она живетъ въ Парижѣ, съ принцами знатными знакомство завела, въ брилліантахъ ходитъ. И пріѣхала мать въ Парижъ, и долго здѣсь искала свою дѣвочку: всѣ улицы обходила, во всѣхъ канцеляріяхъ была, въ ночные рестораны заглядывала, въ чужіе дома, смѣшная, заходила... — и ничего не нашла! Тогда показалось ей... порѣшила она такъ, что надо бы ей по всему міру поѣздить, во всѣхъ большихъ городахъ побывать, во

всѣхъ канцеляріяхъ толкомъ разспросить, во всѣхъ ресторанахъ все подсмотрѣть, по чужимъ домамъ пошарить! И собралась она въ дорогу... А денегъ не было... А потомъ не стало и одежды приличной, ни башмаковъ, ни хлѣба, — и никуда она не уѣхала, потому-что и до вокзала ее не допустили. А потомъ она разучилась плавно разговаривать, у людей крова попросить не умѣла. Монашки ее къ себѣ ночевать пускали, а она и отъ нихъ уходила, и все къ вокзаламъ бѣгала, вокругъ вокзаловъ ходила, ища выхода на разныя далекія страны, азіатскія и заморскія, гдѣ всякія канцеляріи неопрошенныя, рестораны непровѣданные, чужіе дома необысканные... И однажды, подъ вечеръ и въ дождичекъ, на одной большой улицѣ, увидѣла она, какъ три знатныхъ домика въ землю тихонько провалились, а на мѣсто домиковъ встала русская дачка, съ тераской и садомъ, очень ей знакомая, но, только, пустая, обвѣтренная, дикая; а подлѣ дачки, у самой тераски, сидитъ на землѣ ея дѣвочка, босыя ножки подъ себя поджала, головку на грудь свѣсила, вся, какъ бы отъ слабости, разметалась и, только, глазами вдаль уставилась — и такъ, не шелохнетъ, не шевелится; а сверху, на дѣвочкину головку, дождичекъ: «тукъ-тукъ-... тукъ-тукъ... тукъ-тукъ...»! Тогда-то и пошла она въ Россію, на дочерній зовъ, въ знакомыя мѣста — и до сихъ поръ торопливо идетъ, не останавливается, по всѣмъ площадямъ, да угламъ, да закоулкамъ Парижа носится, старымъ подоломъ юбки мостовую подметаетъ, сѣдою гривой на вѣтру помахиваетъ, глазами небу подмигиваетъ, а на губахъ ея — слова непонятныя, тихія. И случится, увижу я ее въ ненастное время, и невзначай уловлю съ ея устъ непонятное слово... — какъ взмолюсь я къ тебѣ, Передрягинская Ночь, какъ вскричу къ тебѣ снова, о, пронзенная мать — Россія: «Ты видишь?!

Ты слышишь?!» Тогда доносится до меня необычайный грохотъ разрываемыхъ стремнинъ времянъ грядущихъ... Время грядущее свершается быстро... рвется, свищетъ... разорвалось, свершилось, встало тутъ какъ тутъ: прошли года!... И вижу я, въ просѣчинѣ тайной, русскую мѣстность, всю залитую солнышкомъ. Межъ полныхъ золотыхъ копенъ хлѣба, идутъ мужички складные, чистые; рубашки выпущены алыя, сапожки поскрипываютъ, картузики блестятъ; а мужички свободно сѣмячко погрызываютъ о бываломъ разговариваютъ. О фракціяхъ, о подфракціяхъ, о ячейкахъ — отплюнутся и ни гу-гу! Но говорятъ они о многихъ великихъ подвигахъ отважныхъ бойцовъ за свободу, о возстаніяхъ народныхъ... — и поминаютъ добрымъ словомъ тѣхъ, кто въ позорные и страшные годы, когда все адово отребье изъ адовыхъ трущобъ, слетѣвшись надъ Русью, плевало и смердило на русскую землю, а народъ Россіи, въ безчинствѣ, въ помраченіи разума и вѣры, убивалъ невинныхъ и изгонялъ праведныхъ, — въ далекомъ плѣну, на чужой сторонѣ, среди безотвѣтныхъ чуждыхъ людей, безъ крова, безъ хлѣба, съ тоскою русской въ сердцѣ, скитались по разнымъ пустыннымъ мѣстамъ, по разнымъ проклятымъ тропинкамъ изгнанія... и все стерпѣли, все выжили, все испытали — и дождались, наконецъ, желаннаго зова, тебя дождались, Обозникъ Сѣверный, тебя возставшаго, тебя грознаго, тебя за поруганную родину Мстителя!

Обозникъ Сѣверный! Пять лѣтъ крутила вьюга, заноси твой желѣзный обозъ. Много народу искало его! Забила ихъ вьюга... навалила большія глыбы на могилы павшихъ въ путяхъ, разметала по цѣлому свѣту слѣды ихъ доблестной пяты. А ты, Обозникъ Сѣверный, столкнулъ въ канаву слѣпого вожака, ты — изобличилъ передъ цѣлымъ міромъ погоняльщиковъ недостойныхъ, и распотѣшилъ всю Европу и

многія заморскія страны своими указчиками дурными, совѣтчиками лукавыми. Погибъ твой старый обозъ! Погибъ твой древній вожакъ—на невѣдомомъ мѣстѣ, куда завели его лихіе молодчики, душегубы презрѣнные; погибъ онъ безслѣдно, — такъ, что и къ могилѣ его, теперь, подвьюжныхъ путей не найти! А отъ погоняльщиковъ недостойныхъ, а отъ указчиковъ дурныхъ, а отъ совѣтчиковъ лукавыхъ — ничего, кромѣ срама великаго и смѣха горькаго, ни слыхать, ни видать: не осталось! И ничего теперь отъ Россіи не осталось, кромѣ тебя, одинокаго, Обозникъ Сѣверный, и лихихъ молодчиковъ — душегубовъ презрѣнныхъ, похитчиковъ добра и чести. Ну, такъ оборотись же на самого себя, Обозникъ Сѣверный! Стыдно тебѣ, лѣшему, голодную корку хлѣба сосать, жену не жалѣть, сиротинокъ по міру терять, на чужихъ людей спину гнуть, на палачей твоихъ окаянныхъ, на безбожниковъ... Ну, и взгляни же, Обозникъ Сѣверный, на равнину, гдѣ погибъ твой желѣзный обозъ! Какая черная пустынность повисла надъ ней, — какая тьма ее объяла! Ну, такъ чего еще ждешь, Обозникъ Сѣверный? Ступай же, маршъ, въ пустынность русской жизни: да будетъ свѣтъ!

IV.

И еще слышалъ я, какъ кто-то говорилъ среди ночи изгнанія:

«Блаженны вы, бродяги ждущіе! Блаженны вы, видѣвшіе задумчивую пыль послѣдняго лѣта русскаго фронта, — когда она никла къ землѣ въ раздуміи медлительномъ и тосковала долго, упиваясь холоднымъ золотомъ заката. Блаженны, если видѣли и душой запомнили! Блаженны вы, слышавшіе тишину русскихъ предѣловъ — въ тотъ часъ, когда врагъ

перестал ломиться въ Россію, но свободно и быстро пошелъ впередъ. Блаженны, если слышали и душой запомнили! Блаженны вы, если ни волей разумною и ни однимъ помышленіемъ не сотворили и единой капли той чаши горечи, къ которой съ тѣхъ поръ прильнула устами Россія. Блаженны, — ибо дождетесь избавителя, и онъ позоветъ васъ въ Россію!

«Но горе вамъ, если вы превратите изгнаніе свое въ пустыню дикую, гдѣ только ляскъ зубовъ и голодный шакалій вой! Тогда развѣете свое одиночество въ думахъ безплодныхъ, не засѣянныхъ дѣлами будущаго, въ любви и ненависти неутоленныхъ. Тогда возненавидите другъ друга. Тогда возненавидите Россію. А ненависть къ Россіи — болѣе, нежели все прочее, нужна врагамъ Россіи и тѣмъ, кто заодно съ ними, здѣсь, близко къ вамъ, бродяги ждущіе. Ибо, поистинѣ, и самая большая ненависть къ нимъ лично — въ стократъ имъ менѣе страшна, нежели и самая малая капля истинной любви къ Россіи. Недаромъ, желая возвеличить себя, они, сильные только лукавствомъ, никогда не говорятъ: «Смотрите, какіе мы хорошіе!» (ибо кто-бы имъ въ этомъ повѣрилъ!); а всегда: «Смотрите на настоящую Россію, какая она негодная!» И тогда всѣ смотрятъ на васъ,бродяги ждущіе!Итакъ,не возненавидьте ни другъ друга, ни Россіи! Потому-что, тогда, не дождетесь избавителя, и онъ не позоветъ васъ въ Россію. А если, когда придетъ и не позоветъ васъ, вы все-таки, сами пойдете, безъ зова, — вы, ненавистники, вы, маловѣры — то и тамъ найдете пустыню дикую, гдѣ будетъ только ляскъ зубовъ и голодный шакалій вой!»...

. .   . .

Я видѣлъ синія глубины передрягинскихъ ночей. Я слушалъ античную музыку ихъ полнозвучныхъ сводовъ. А въ иные благіе часы, въ смиренномудріи,

я думалъ о томъ, что за этими сводами покой Господній могъ быть ненарушимъ. Возлюбленныя ночи! Непонятыя нашимъ жалкимъ умомъ, не-воспѣтыя чистымъ сердцемъ, онѣ погасли подъ неподвижнымъ взоромъ Бога, дабы свершились Его неисповѣдимыя пути — надъ тобою, Россія! А нынѣ... *вы* стережете мои слабѣющіе шаги и ловите невѣрный бой моего сердца, — вы, холодныя ночи изгнанія! О, мои ночи... и ты, далекій Обозникъ Сѣверный... и вы, на этихъ пустынныхъ путяхъ идущіе рядомъ со мной, бродяги ждущіе... — добро же! Я хотѣлъ бы въ простыхъ словахъ повѣдать вамъ еще одно воспоминаніе, которое томитъ меня, какъ сила непонятная, карающая и любвеобильная, какъ ночь и солнце, какъ свѣтъ и тьма, смѣшавшіеся воедино...

Бываетъ такъ, что на поверхности рѣки спокойной и большой, какъ взглянешь на нее въ иную полнолунную лѣтнюю ночь, увидишь — только гладь, только великій покой, только чудную, отъ Бога, тишину незыблемыхъ водъ. Не струится замлѣвшая влага.Ни слабый плескъ не встревожитъ чуткое ухо, ни дрожи, ни мельчайшей ряби не уловитъ настороженный глазъ. Но гдѣ-нибудь за береговымъ скатомъ, среди осоки и камыша, лодка досчатая, ветхая, безвесельная, и давно здѣсь забытая, дрожитъ и странно бьется отъ силы невѣдомой. И если подойдешь къ ней ближе, и встанешь сторожко невдалекѣ отъ ея ночного силуэта, возлѣ самой воды, — увидишь, въ лунномъ свѣтѣ, непонятный безвольный трепетъ ея тѣла, услышишь скрипъ, звяканье безвесельныхъ ключицъ, и кряхтеніе, и ропотъ стараго захолодѣлаго днища. То ли таинственный родникъ здѣсь проносится подводною стезей, то ли свободная игра глубинныхъ теченій или прибрежныхъ колыханій рождаетъ этотъ трепетъ и эту жалобу, среди окрестнаго глубокаго сна природы? Невѣдомо... да и все равно! Кто это видѣлъ и слышалъ, когда въ

такую ночь стоялъ надъ застывшей рѣкой, тотъ думалъ о непонятной силѣ, которая вѣчно бродитъ подъ тишайшимъ покровомъ мірозданія... и вотъ, находитъ одинокій заброшенный челнъ, и бьетъ его, и стережетъ его муку, и бьетъ, и добиваетъ. «Не можетъ быть!» — лепетали тогда губы. И сердце вторило: «Не можетъ быть!... Не можетъ быть!...» Но все же, невольно думалось и о томъ, какъ жутко на этомъ свѣтѣ человѣку, даже среди услады забвенія и отдыха, даже въ обманчивой безмятежности сна, и всегда, всегда...

И былъ когда-то, въ Россіи, человѣкъ, съ сердцемъ ветхимъ, подобнымъ тому осужденному челну. Въ смиреніи упорномъ, съ тайнымъ благословеніемъ, онъ думалъ о томъ, что его малозначущая заклятая судьба сольется съ великими далями русскихъ рѣкъ — и тогда потонетъ въ милосердіи звѣзднаго неба. Потому-что онъ зналъ, что и тишайшія, завороженныя ночью, рѣчныя воды идутъ къ великимъ просторамъ! И такъ онъ жилъ, и не боялся своихъ уходящихъ дней... Ну, а теперь, — для чего, Россія, горятъ надъ тобой эти звѣзды? И куда идутъ твои воды? Или, тоже, *никуда* не идутъ — и, тоже, только *уходятъ?!*

Простите меня, передрягинскія ночи!

Молитесь Господу за меня, — о, вы, безропотно погасшія ночи!

Январь, 1922 г., Парижъ.

ВООРУЖИМЪ НАШЕ СЕРДЦЕ!

(Предчувствія)

«И на него-то Ты отверзаешь очи Твои и меня ведешь на судъ съ Тобою?» (Книга Іова, XIУ, 3)

I.

Я нашелъ въ своемъ дневникѣ небольшую запись о полевыхъ цвѣтахъ, подаренныхъ мнѣ въ іюньскіе дни 1918-го года, въ Москвѣ. Они долго стояли на моемъ столѣ, очень долго; я видѣлъ, какъ изо-дня въ день они обмирали, чахли, постепенно превратились въ ничтожную ветошь... и я выбросилъ ихъ въ мусорный ящикъ только къ концу августа. Это было вскорѣ послѣ того, какъ Фанни Ройдъ-Капланъ, такая маленькая, одинокая, героическая, — столь невѣдомая, почти загадочная, — стрѣляла въ Ленина — и сама погибла. Я не зналъ ея. Но знаю, но чувствую, что въ ея взбаламученной жизнью душѣ было тихое дно, гдѣ воды текли такъ ровно! Когда, тотчасъ-же послѣ выстрѣла, она услыхала обычную русскую брань, увидѣла недоумѣнныя, смутныя лица,—ея рука судорожно опустилась къ карману жакетки за ядомъ; очевидно, въ ту минуту, помышляя о смерти (скорѣй! скорѣй!), она инстинктивно хотѣла предотвратить самое страшное: надвигавшуюся на нее пустынность русской жизни. Вѣрно и то, что

людскія толпы тѣхъ дней, равнодушныя къ судьбѣ Ленина, остались равнодушны и къ участи ея, этой отважной и праведной дѣвушки, которую другой народъ возлюбилъ бы страстно и нѣжно, какъ свою крестоносицу, какъ великомученицу за родину и свободу. Но пустынность русской жизни поглотила ее; ее — и память о ней!

На столѣ полевые цвѣты. Они такъ нѣжны, столь исполнены простого, невыразимаго никакимъ словомъ, обаянія! Описать ихъ, разсказать о нихъ — никакъ нельзя! Блѣдно-красная гвоздика, бѣлая ромашка, вдовушки сиреневыя, василекъ; кашка бѣлая, и желтая, и розовая; коричнево-зеленые бутоны и фіолетовые пушки колючки, травка-пѣтушки и кукушкины слезки, желтый побережникъ, два-три ржаныхъ колоса... и вокругъ всего — трава, просто зелень безымянная, или мнѣ невѣдомая. Чудесныя красочныя порожденія, нерукотворныя узорчатыя тѣла, — въ ризахъ, въ вѣнцахъ, въ ореолахъ, — постигаемыя только сердцемъ, понятныя только дѣтямъ и тѣмъ, кто истинно любитъ Бога; ибо Божій разумъ и Божья доброта на полевыхъ цвѣтахъ опочили. Своей любви къ нимъ, и благодарности, и поклоненія — нельзя выразить восклицаніями земного восторга; едва допустимо выдать очарованіе свое въ невольномъ вздохѣ о мирѣ, о любви человѣка къ брату своему — человѣку, и о Немъ, о Богѣ: слава, Господи, слава полевымъ цвѣтамъ!

Я гляжу теперь мысленнымъ взоромъ — отсюда, съ чужбины — на тѣ полевые цвѣты, вспоминаю ихъ... въ душу просится умиленіе! Но въ сердцѣ неугомонномъ, еще не наболѣвшемъ вдоволь, все тотъ же шорохъ, шелестъ, и слабая дрожь, и рвеніе: тамъ, подъ тяжкимъ гнетомъ мглы и неволи, упорно произрастаютъ иные дикіе цвѣты — тѣ, которымъ имени нѣтъ.

Вооружимъ наше сердце!

II.

Однажды, все въ тѣ-же іюньскіе дни,—не помню, былъ ли то будній вечеръ, или канунъ праздника, — я явственно услышалъ странный *деревянный* звонъ, раздавшійся съ колокольни какой-то церкви. Ночью же, въ безсонницу, мнѣ почудилось, что всѣ московскія церкви зазвонили такимъ деревяннымъ звономъ. Былъ звукъ, звонъ, — но безъ вибрированія: звонкій стукъ! Сухой, смертельный, ужасный. И, Богъ-вѣсть почему, я подумалъ о всемосковскомъ пожарищѣ.

На другой день я разсказалъ о слышанномъ мною необычайномъ звонѣ одной пожилой и весьма религіозной дамѣ, жившей въ Москвѣ въ глубокомъ одиночествѣ, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ; она жила по-близости, занимала отдѣльную комнатку у знакомыхъ мнѣ людей. Она пріѣхала изъ Кронштадта; тамъ, вскорѣ послѣ октябрьскаго переворота, она потеряла семью, дѣтей и почти все имущество.Она жила впроголодь, никого не принимала, а изъ дому отлучалась, кажется, только въ церковь. По ея просьбѣ, я почти ежедневно заносилъ къ ней газеты, — и иногда она задерживала меня, прося посидѣть съ нею и разсказать о событіяхъ и слухахъ. Подчасъ она вспоминала своихъ погибшихъ дѣтей, свою родню, — говорила о тѣхъ, кто были убиты, и о другихъ, убѣжавшихъ и пропавшихъ безъ вѣсти, безслѣдно. Какъ все это случилось, за что, и почему, — она не понимала, не могла понять. За что погибъ ея сынъ, офицеръ; онъ, честно сражавшійся за родину, никому зла не дѣлавшій, и о злѣ никогда не помышлявшій? Она не понимала... Но свои разсказы о счастливомъ прошломъ и о недавнемъ ужасѣ, такомъ непонятномъ, смутномъ, и унесшемъ столько дорогихъ жизней, она неизмѣнно, всегда,

заканчивала однимъ и тѣмъ же восклицаніемъ: «Но — все отомстится, все!» И эти слова, мрачно срывавшіяся съ устъ старой, богомольной и весьма доброй женщины, звучали не менѣе странно, чѣмъ деревянный звонъ съ колокольни невѣдомой церкви.

Когда я сказалъ ей объ этомъ звонѣ, слышанномъ мною наканунѣ, она взглянула на меня съ удивленіемъ, почти гнѣвно:

— Вы только теперь это замѣтили? Ну, сразу вижу маловѣра!

Ну, а она уже давно слышитъ... этотъ деревянный звонъ! Это черти справляютъ свой шабашъ надъ оскверненнымъ Кремлемъ. Въ эти безымянные дни, въ эти безсмѣнныя будни и кануны новыхъ будней, вся погань изъ ада вьется и хороводитъ надъ Москвой, и бьетъ копытами, хвостами и перепончатыми крыльями о мѣдную твердь бездушныхъ колоколовъ Первопрестольной.

Я спросилъ ее, — почему это такъ?

Она отложила ручную работу, которой была передъ этимъ занята. Сняла очки. Я увидѣлъ выцвѣтшую синеву ея старческихъ глазъ. Въ нихъ была смирившаяся мука, была и рѣшимость. Боль зазвучала въ ея голосѣ:

— Но вѣдь у насъ отняли душу! Но вѣдь мы живемъ безъ души, какъ окаянные! Какъ вы не понимаете, что поэтому и колокола звучатъ по-деревянному?

Затѣмъ она говорила о томъ, что Россія должна много пострадать и пройти черезъ великія испытанія, чтобы узнать всѣхъ своихъ враговъ, большихъ и малыхъ, явныхъ и тайныхъ; а враги Россіи должны погибнуть: они будутъ истреблены — всѣ, отъ перваго до послѣдняго! И опять она повторяла: «Все отомстится, все!...»

Она говорила долго. Въ словахъ и голосѣ ея чередовались сегодняшняя покорность и вѣра въ гря-

дущее возмездіе... Переболѣла душа, смежаются очи, смиренно сложены усталыя руки, — можетъ быть, и могила близка! Но знаетъ одинокая старость упорную думу о величіи Россіи — и думаетъ свою думу по-своему, томится въ предчувствіи народнаго суда, чуетъ грозную силу, вѣритъ... и вѣрою этой возжигаетъ свѣтъ надъ неисповѣдимыми далями русской жизни! Я не запомнилъ всѣхъ ея словъ; но смыслъ сказаннаго и мрачное вдохновеніе остались въ моей памяти и жили во мнѣ постоянно, — живутъ и теперь, когда осуществляется угроза превратить Россію въ развалины и въ кладбище. И сколько разъ позже, въ теченіе трехъ лѣтъ, я слышалъ все то же отъ многихъ не злыхъ людей, — не злыхъ, а добрыхъ, и кроткихъ, и когда-то — въ той прежней жизни, канувшей въ смутное прошлое — истинно любившихъ полевые цвѣты...

— Не тогда, — говорила она, говорили позже и многіе другіе, — не тогда отняли у народа душу, когда научили и заставили его убивать, грабить, и осквернять храмы; это онъ и прежде дѣлалъ, въ прошлой исторіи своей. А тогда отняли душу, когда научили и заставили народъ думать, что, поступая такъ, — убивая, грабя, и оскверняя свои святыни, — онъ поступаетъ хорошо. Такая увѣренность въ своей правотѣ, среди низостей грѣха и распутства, всегда была чужда народу; а вотъ его вынуждаютъ... Что-жъ, если нужно задушить голосъ совѣсти... что-жъ, будемъ жить безъ души! Значитъ, такъ оно и надо; премудрость эту осилить не трудно. Поэтому, мы и повалили толпами къ нимъ, къ большевикамъ. Мы всѣ пойдемъ къ нимъ, всѣ! Мы сами станемъ большевиками! Но имъ, врагамъ Россіи, отъ насъ не уйти! Мы придемъ къ нимъ по всѣмъ путямъ и перепутьямъ россійскаго горя и нищеты, — потечемъ къ нимъ, какъ осенніе листья, гонимые вьюгой къ проклятому оврагу. И отдадимъ на ихъ волю и

усмотрѣніе нашу жизнь и самую душу нашу. Станемъ лукавые и жестокіе, какъ они... Будетъ *одна* Россія, *большевицкая*, безъ жалости, безъ *предразсудковъ*, не знающая ни любви, ни добра, ни пощады... Насъ будетъ великое множество. И будетъ у насъ единая воля, единая затаенная клятва: истребленіе враговъ Россіи — навѣки-вѣчные! Мы всѣ будемъ съ *ними*... сплотимся вокругъ нихъ! И не будетъ имъ дано знать ни дня, ни часа, когда мы откроемъ передъ ними свое русское лицо! Но когда зазвучатъ московскіе колокола (пусть уцѣлѣетъ хотя бы одна колокольня!), когда — послѣ годовъ молчанія и бездушныхъ деревянныхъ призывовъ, среди пустынности русской жизни, раздастся первый свободный звонъ, — прежде, чѣмъ радость настанетъ, — будетъ, будетъ ужасъ! Потому-что богохульственно втоптаны въ грязь полевые цвѣты, на которыхъ Божья доброта опочила, — и въ сердцѣ народа Россіи *тогда* распустятся тѣ цвѣты, которымъ имени нѣтъ...

Вооружимъ наше сердце!

III.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Погань, которая вьется и хороводитъ надъ оскверненной Москвой — торжествуетъ. Погань побѣдила. Россія низвергнута — и умираетъ.

Колокола стучатъ деревяннымъ звономъ, Россія умираетъ. Люди, у которыхъ отняли душу, — гибнутъ. Одинъ за другимъ, въ мукахъ безумія и голода, падаютъ на опустошенную землю свою, на безплодную грудь Россіи. Волга... — тамъ бродятъ голодныя людскія толпы, тамъ ихъ убиваютъ, когда они просятъ хлѣба. Тамъ бродятъ и голодныя дѣти, без-

призорныя, сирыя; иныхъ изъ нихъ топятъ, чтобы они не просили хлѣба. Волга — Волга... — дали русской жизни... — Стенька Разинъ, бросающій въ пучину прекрасную царевну: гибель русскаго романтизма! Что, если бы любовь побѣдила! Ахъ, кабы не было страха людского!...

Развѣ можетъ быть еще большій ужасъ? Развѣ не всѣ ужасы уже совершились? Развѣ печаль, тоска, мечты — еще не изжиты? Почему же въ неугомонномъ сердцѣ все тотъ же шорохъ, шелестъ, и слабая дрожь, и рвеніе... и тѣ цвѣты, которымъ имени нѣтъ? Точно хотятъ они возрадовать злобу сердца! Развѣ это возможно?

Нѣтъ, не смириться ему до конца, — пока бодрствуетъ врагъ человѣческій и вьется, жестоковыйный, и правитъ поганый хороводъ надъ поникшей Россіей...

Вооружимъ наше сердце!

Парижъ, Авг. 1921 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Лунная соната (*повѣсть, второе изданіе*), Кн-ство «Сфинксъ». Москва, 1911 г.

Казнь (*Очеркъ одной жизни*), Кн-ство «Сфинксъ», Москва, 1911 г.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

Цѣна 15 фр.